

Мадху Бхадури

ДВЕ СЕСТРЫ

Роман
Пер. с хинди
М. И. Михайлова

Минск
Издатель М. И. Михайлов
2013

УДК 006.951(34)
ББК 22.61(5Инд)
М 69

Мадху Бхадури

Б 69 Две сестры, Роман. Пер. С хинди М. И. Михайлова. Минск: М. И. Михайлов, 2013. – 176 с.
ISBN 978-985-6859-14-7

Мадху Бхадури – известная индийская писательница. Училась в Индрапрастх-колледже при Делийском университете, где затем с 1965 по 1968 г. преподавала философию. С 1968 г. – на дипломатической службе. Сначала она работала в Австрии, затем с 1975 по 1977 г. – первым секретарем при посольстве Индии во Вьетнаме, советником индийского посольства в Мексике и Германии, наконец, послом Индии в Беларуси. Владеет хинди, бенгальским, английским, немецким и испанским языками. Изучала русский. Любит классическую музыку. Ее первым произведением был роман «Кал-чакра» («Колесо времени»). Затем последовали романы «Джвар» («Прилив»), «Анади Анант» («Безначальная бесконечность»). Помимо романов и рассказов она пишет также драмы, одна из которых («Небо и земля») была опубликована в журнале «Всемирная литература» (Минск, 1998 г., №3).

«Прилив» – это ее второй роман, в котором через призму судьбы двух сестер из состоятельной делийской семьи читатель заглядывает в душу современных образованных молодых людей, старающихся осмыслить историю страны, лежащий на ней груз традиций и предрассудков, и ищущих свое место в жизни. Писательницу беспокоит, прежде всего, положение женщин в современной Индии, нравственное состояние образованного среднего и высшего сословия, в руках которого находится будущее ее страны.

УДК 006.951(34)
ББК 22.61(5Инд)
М 69

ISBN 978-985-6859-14-7

© Мадху Бхадури
© Оформление. Издатель
М. И. Михайлов, 2013

Посвящается матери

Чувствовалось приближение грозы. Сушма, стоявшая на автобусной остановке, в одной руке держала книги, а в другой — сумочку. Когда от порыва ветра ее волосы разметались, она перекинула сумочку на плечо, заправила волосы под гребень. Но тут ветер взметнул в глаза пыль. И как раз в это время к остановке подкатил, будто с пьяного разбега, автобус местного сообщения. Пока Сушма протирала глаза от пыли, Ашок уже поднялся в автобус и крикнул:

— Very sorry!... Быстрее!.. Что там такое?.. Чего ты медлишь?

Сушма про себя подумала, что у нее появилась привычка медлить, но прикосновение руки Ашока вызвало в ее душе ощущение радости, прокатившееся по всему телу, словно волна. С ее уст слетели слова:

— Поехали отсюда, а то, если нас застигнет буря...

— Меня мучает сильный голод, будто бы мыши в желудке пляшут...
— заявил Ашок.

Сушма рассмеялась.

— Чего ты? — удивленно спросил Ашок.

— Потому что всякий раз, когда мы встречаемся, у тебя в желудке мыши в пляс пускаются.

¹ Весьма извиняюсь (англ.).

— Ты, в самом деле, никогда не жила в общежитии. У тех, кто там живет, желудок и душа постоянно страдают от голода.

— Так, может быть, зайдем в кафе?

— Я устал от кафе... Та же самая доса², тот же самый соус?

— А как насчет китайского ресторана, который тут неподалеку?

— Тот самый китайский... Но раз ты предлагаешь, пошли туда.

— Гроза уже начинается. Пожалуйста, давай побыстрее.

Ашок, прибавив ходу, начал насвистывать. Сушме был безгранично приятен этот фальшивый свист, избличавший в нем полное отсутствие музыкального слуха.

Усевшись за столик в китайском ресторане, не теряя ни минуты, Ашок тут же заказал поджаренный рис, цыпленка в кисло-сладкой подливе. Затем, удобно развалившись на стуле, он с улыбкой взглянул на Сушму. Сушма стала поправлять свои волосы.

— Ты ведь и так очень хорошо смотришься, чего ты поправляешь свои волосы?

Сушма засунула гребень в сумочку и произнесла с достоинством:

— Я должна сказать тебе кое-что важное и серьезное.

— Что бы ты ни пыталась сказать серьезного, у тебя ничего не выходит, — Ашок подчеркнуто улыбнулся; цель всех серьезных заявлений девушек всегда одна и та же: зная это, Ашок ни при каких обстоятельствах не хотел позволять Сушме никаких «серьезных» признаний.

Как только подали на стол, он наполнил свою тарелку и приступил к еде. Сушма же не испытывала голода. Утром она захватила себе из дому еду в пластиковой коробочке. Поэтому, не без некоторого насилия над собой, она положила себе на тарелку всего две ложки риса.

— Послушай, могу ли я задать тебе вопрос? — обратился к ней Ашок. — Почему девушки то и дело воздевают свои руки вверх, поправляя волосы? И почему вы так заботитесь о красоте лица? Взгляни на эту подружку-красавицу... — Ашок указал рукой на тарелку с курицей.

Близкую подругу Сушмы звали Рекха, что значит красавица. Ей не понравился намек, слетевший с уст Ашока, — он частенько отпускал по ее адресу колкости.

— Чего ты привязался к Рекхе? — обратилась она к нему с некоторой резкостью.

² Лепешки из рисовой муки с манной кашей.

— Кто говорит, что я к ней привязался? — ответил Ашок, обращая разговор в шутку. Отпив глоток холодной кока-колы, он отодвинул свою пустую тарелку.

— Да, я никак не могу понять, как могла завязаться тесная дружба между вами...

— Но, Ашок, мышление Рекхи и даже способ выражения так похожи на твои. Удивительно то, что, несмотря на это, она тебе не нравится!

— Совсем не так! Ты совсем не понимаешь! — сказал Ашок, покачивая головой. — Но оставим это...

— Почему оставим... Если я не понимаю, так ты мне объясни.

— Откуда начать? Ладно, послушай, Рекха — из тех девушек, которые вещают общеизвестные мнения, отвечающие времени и моде. Ее ум заключается...

Сушма хотела возразить: «Но, Ашок, ты ведь сам высказываешь подобные мнения», — но ей удалось сдержаться.

— Подобно тому, как любой богатый человек сегодня считает необходимым восхвалять социализм, точно так же всякая умная женщина старается продемонстрировать солидарность со своим женским племенем. Но насколько глубока эта солидарность и эта независимость? Это — отдельный вопрос. А Рекха...

— Как ты смог оценить глубину Рекхи? — негромко спросила Сушма.

— Ты очень наивна! — ответил Ашок и опустил руку в карман, — Ой, Сушма! Я совсем забыл, что у меня нет денег!

Сушма быстренько открыла сумочку — причин для беспокойства не было. Ее удивляла эта детская непосредственность Ашока: с каким удовольствием поглощал он пищу, зная, что в кармане пусто! Сушма — прямая противоположность — не заглянув в кошелек, на улицу не выйдет. Это было еще тем более удивительно, что в денежных вопросах Рекха была совершенно схожа с Ашоком.

— Могу я взять взаймы у тебя десять рупий?.. Please³... — обратился к ней Ашок.

Сушме было чрезвычайно приятно слышать это «please», исполненное любви и нежности — сколько в нем дружеского чувства. Она быстренько сунула ему в карман десятирупиевую банкноту. Через несколько минут появился официант со счетом в руках. После того, как Сушма расплатилась, у нее осталось только четыре рупии.

На улице уже была ночь. Капли дождя прибивали пыль, поднятую бурей.

— Идем, я провожу тебя домой, — сказал Ашок. Он часто отвозил Сушму домой на скутере. Но сегодня у него было только десять рупий.

³ Пожалуйста (англ.).

Если он поедет с ней и потом будет возвращаться на скутере, он потратит, по меньшей мере, пять-шесть рупий. Подумав об этом, Сушма примолкла.

— О чем ты думаешь? Что-нибудь потеряла?

— Нет, ничего... Зачем тебе напрасно так далеко ехать... Затем возвращаться...

— Тебе разве со мной неприятно?..

— О чем ты говоришь!.. Хорошо, Если речь идет о том, чтобы быть вместе, поедем на автобусе... Побольше побудем вместе.

— Ты сошла с ума! В этих битком набитых автобусах не знаешь, где находятся свои собственные руки и ноги, — проговорил Ашок, направляясь к обочине и останавливая скутер. Сначала моторикша было заупрямился, когда услышал, что нужно ехать в Дифенс-Колони⁴, но, узнав, что одного из пассажиров нужно будет доставить к Делийскому университету, согласился. Между тем Ашок и Сушма уже слегка промокли, стоя под легким дождиком. Усевшись в скутер, Ашок извлек из кармана расческу и провел по волосам, Сушма, глядя на него, улыбнулась. В темноте Ашок этого не заметил и, засунув расческу в карман, обнял Сушму за плечи.

⁴ Зажиточный район, застроенный бунгало, расположенный в центре Дели, между Ладжпат Нагаром на востоке, Колонией Лодхи на северо-западе, Южным Пригородом на юго-западе и Большим Кайлашем на юге.

В душе Ашок был весьма доволен. Во-первых, его сегодняшняя лекция, прочитанная в университете, удалась на славу. Одна его важная мысль в процессе объяснения студентам, стала для него сегодня совершенно ясной и обоснованной. Этого он не мог добиться раньше. Во-вторых, ему очень понравилась китайская кухня и, наконец, поездка вместе с Сушмой под благоуханным ветерком из одного конца города в другой без какой-либо особой цели — сердце его ликовало от радости.

Мысли же Сушмы были в это время прямо противоположны. Она думала о том, в котором часу она прибудет домой. Уже было полдnevятого. Она взглянула на часы, но в темноте ничего не увидела. Посмотрела на Ашока — он напоминал статую, застывшую в блаженстве.

— Ашок... — Сушма тихонько его окликнула, но он не расслышал. Скутер — это такая штука. Его треск вовсе не считается с вашим присутствием! Неважно. Страх, царивший в душе Сушмы, был вне пределов понимания Ашока. По мнению Ашока, ее страх по отношению к тому злому демону, который ее ждал дома, был ничуть не больше любого другого страха по отношению к любому другому бесу, преследующему ум человека. То, что казалось Сушме истиной, для Ашока было заблуждением. Раньше они много спорили об этом, поэтому лучше помолчать.

Когда скутер подкатил к дому Сушмы, дождь почти прекратился.

— Будешь завтра в библиотеке? — спросил Ашок, вылезая из скутера.

— Завтра в полдень мне нужно быть на семинаре...

— Эй, оставь! Что тебе делать на семинаре? Тебе от этого нет никакой пользы... Завтра встретимся в библиотеке в три часа.

Ну, что на это скажешь. По любому вопросу у Ашока свое уверенное мнение. Неужели все семинары действительно бесполезны? Ладно, он хочет встретиться с Сушмой, а она не может не быть счастливой, видя, что она желанна ему. Сейчас вопрос о семинаре неуместен.

Моторикша забеспокоился. Он торопился возвращаться. Ашок, улыбнувшись, уселся назад в скутер.

Сушма приоткрыла дверь и увидела своего отца, стоящего у двери, и ей показалось, что он смотрит на нее с укором. В темноте она не могла рассмотреть его глаза, но она отчетливо ощутила исходившее от него напряжение, предвещавшее грозу. Ашок обычно говорил: «Этот демон приобретает истинное существование только потому, что ты впускаешь его в свое сознание».

Сушма, не поднимая глаз на отца, проследовала в дом. Тут же она услышала голос бабушки:

— Сушма, это ты?

— Да, бабушка, — ответила она с нескрываемым смущением в голосе.

— Который час?

Сушма взглянула на висевшие на стене часы и ответила:

— Полдесятого.

— В наше время молоденькая девушка одна не гуляла до поздней ночи.

— Семинар был, бабушка!

— Пусть будет семинар, но должно быть и приличие, а ведь еще есть и обычай!

Сушма не слышала всего остального, что говорила бабушка. Пряча взор, она как кошка прошмыгнула в свою комнату, в которой Ниша уже давно перед зеркалом прихорашивала свои волосы. Утром Сушма, выбегающая из дому к автобусу, покинула ее в этой же позе.

— О чем там ворчит бабушка? — спросила Ниша.

— О приличиях и обычаях!

— Могла бы и пораньше придти, Сишу! Ты сильно задержалась! У нас у всех сосет под ложечкой, особенно трудно достается бабушке. Ведь она такая полная.

— Фи! Что ты такое говоришь! А где мама?

— На кухне. Объясняет новому слуге, как добавлять приправу в чечевичную похлебку.

Сушма положила на стол книги и пошла умыться руки и лицо. Ниша еще раз крутнулась влево и вправо перед зеркалом, любуясь новым стилем своей прически, и направилась на кухню. Джагатсинх, помимо того, что был новичком, еще просто и не годился для работы на кухне. Он не был ни особо сообразительным, ни проворным. Маме приходилось объяснять ему все с самого начала.

Когда Сушма уже вытирала лицо полотенцем, дверь с шумом распахнулась, и в дом вошел Раджан. Взглянув на него, бабушка сказала с любовью:

— Сынок, недавно приходил Рави, просил какую-то книгу, которую ты у него брал... Я ему сказала, что ничего не знаю, и что скажу тебе, когда ты придешь.

— Я очень проголодался... Что приготовлено? — спросил Раджан.

— Шанти уже накладывает... Все ждут тебя...

— А где отец? Вернулся из клуба? — спросил Раджан. Прежде, чем бабушка ответила, появился и сам отец. Он выводил на ночную прогулку собак — Роми и Монти шли за ним сзади, вертя хвостами. Он прошел к дивану и уселся, а обе собаки расположились слева и справа от его ног. Через некоторое время появилась Ниша и сказала, что стол накрыт.

Осмотрев стол, Раджан присвистнул и громко воскликнул:

— О! Сегодня приготовили курицу!

— Это Ниша приготовила, — сказала мать.

— Поглядите-ка, через пару недель после смены слуги произошло заметное изменение!

— Что ты имеешь в виду? — спросила Ниша.

— А то, что, когда отец, разгневавшись, выгоняет слугу, то появляется возможность поесть... Таким образом, вы кое-чему учитесь... — Раджан посмотрел на дверь, в которой показался отец.

В это время бабушка приподняла свое тучное тело и подошла к столу.

— Этот Джагатсинх ничего не понимает, — сказала она.

— Неважно, мама, зато эти две сестренки Ниша и Сушма кое-чему научатся, — сказал Раджан.

— Тебе не стыдно? Это же твои старшие сестры!

— Но если бы у меня не было сестер, так некого было бы и подразнить, — сделав это замечание, Раджан тут же принялся уплетать курицу.

Бабушка же, взглянув на тарелку Сушмы, подумала про себя о том, что не ведомо, что стало с теперешними девушками! Они совсем не едят из страха пополнеть... А это ведь самый возраст, чтобы кушать!

— Шанти, салат из овощей с кислым молоком жидковат! — сказал отец.

Мама ничего не ответила. Как бы отменно ни была приготовлена еда, отец неизменно, по привычке делал упреки, а мать — тоже по привычке — выслушивала критику. Насколько господин Чаудхри был раздражителен, настолько же характер его супруги был спокойным. Ниша часто думала, что было бы, если бы у бабушки не было такой невестки, как мама. Кроме отца бабушка выказывала подчеркнутое внимание только Раджану. Даже когда Раджан насмешливо ее отчитывал, она не обижалась. Ведь он был ее единственным внуком, и поэтому она позволила ему влезть к себе на голову. Он появился на свет

после Сушмы и Ниши. Обрадовавшись рождению мальчика после двух девочек, бабушка устроила пышное торжество.

Наклонившись, чтобы бросить под стол кость Монти, отец спросил у Сушмы как бы невзначай:

— Какой теме был посвящен семинар?

— Положению крестьян в Могольской империи, — ответила Сушма. На самом деле это была тема следующего семинара.

— Да, завтра вернись из колледжа пораньше... — сказал отец Сушме, а затем, обращаясь к матери, сообщил, — завтра вечером из Чандигарха приезжает господин Капур со своей семьей и сыном.

— Ты раньше говорил... — начала мать.

— Сегодня господин Капур сообщил по телефону, что приезжает... А сын вот уже пятнадцать дней, как вернулся из Америки... Он там учится.

— А где он работает?

— А вот по телефону об этом обо всем неудобно расспрашивать... Завтра встретимся, тогда все и узнаем, — ответил господин Чаудхри.

Сушма посмотрела в сторону Ниши. Та молча уставила взор в тарелку и сидела, задумавшись. Бабушка посмотрела на Нишу и Сушму — она придерживалась мнения, что не следует медлить с выдачей их замуж. Если выдать одновременно, то еще лучше. Разница в возрасте только полтора года. Ниша обладала красивой внешностью. Белолица... и глаза очень выразительные. Высокий рост. Невесть зачем подрезала свои волосы. Бабушке не нравилась короткая стрижка. Ее также раздражало то, что Ниша часами вертелась у зеркала. В этом отношении Сушма была лучше. Но цвет ее кожи не отличался особой белизной, и она не казалась такой красавицей, как Ниша. У любимчика бабушки Раджана кожа тоже была темной, но для юноши светлый цвет кожи не так уж и обязателен.

Поздно вечером Сушма сидела на кровати и читала. В это время ее окликнула из своей комнаты бабушка.

— Что случилось, бабушка? — спросила она.

— Мой тапок завалился под кровать, достань, пожалуйста.

Сушма, нагнувшись под кровать, извлекла оттуда тапок. Вернувшись в свою комнату, она увидела, что Ниша, закрыв глаза, сидит на кровати, перебирая в руках четки. Уже год после завершения колледжа она соблюдает обет благодарения Матери. Она научилась готовить и ясно осознает свою привлекательность. Несколько раз о ней уже велись разговоры. Раза два ей устраивали смотрины, но дальше слов дело не пошло.

Затем мысли Сушмы перекинулись к Ашоку. Ни отец, ни мать о нем ничего не знают. Может быть, догадываются Ниша и Раджан. На завтра была условлена встреча с Ашоком в библиотеке, но отец приказал вернуться пораньше ввиду намеченного визита семьи Капуров. Ей придется помочь маме приготовить сладости и напоить гостей чаем. Сушма вновь

посмотрела на Нишу — та все еще была погружена в молитву. Казалось, что сегодня ее молитва длилась дольше, чем в другие дни! У Сушмы не было особой тяги к религии, а сегодня, побыв в обществе Ашока, из нее улетучился последний остаток веры. С детства она читала матери «Гиту»⁵. Та не знала санскрита, поэтому Сушме казалось, что ежедневное чтение «Гиты» для мамы было какой-то причотью, которой она следовала, как будто боясь несчастья, которое могло бы случиться, если бы в какой-то день она забыла послушать чтение этой книги. Мама в одном из углов своей комнаты поставила высокий подсвечник для молитвы. Отец же никогда не молился. Ах, да, в день Дивали⁶ он участвовал в почитании Лакшми⁷.

На следующий день в три часа пополудни Сушма поджидала Ашока у входа в библиотеку. Как всегда, он задерживался по какому-то важному делу. Сушма опасалась того, что, если она вдруг сегодня вернется домой не вовремя, то отец не сдержит своего гнева. Он сегодня с утра был очень занят приготовлениями к приему гостей и наведением порядка в доме. Если какая-либо вещь казалась ему не на своем месте, то жди нагоняя. Сушма решила, что сегодня она не будет ожидать автобуса.

⁵ «Бхагавад-гита» — одна из философских песен «Махабхараты», входящая в «прастхана-траю» (священное тройственное предание) наряду с Упанишадами и «Веданта-сутрой».

⁶ Дивали — праздник огней в честь богини Лакшми в месяц картик (8-й месяц индийского солнечно-лунного календаря; соответствует окт.-ноябрю).

⁷ Супруга бога-сохранителя Вишну, богиня любви, красоты и богатства.

Объяснив Ашоку ситуацию, воспользуется скутером. Утром она взяла у мамы десять рупий.

Раджану было поручено привести печенье и пирожные с Канат Плейсви. Сегодня отец позволил ему воспользоваться своей любимой машиной, что случалось крайне редко, хотя Раджан давно уже умел водить автомобиль.

Ашок, когда услышал, по какой-то причине Сушме нужно быть дома, сказал, покачав головой:

— Я такого от тебя не ожидал.

— Ну, в чем же моя вина?.. Ты думаешь, что я еду организовывать свадьбу?

— Спасибо тебе, что это пока не свадьба!.. Но зачем тебе принимать участие в подобных церемониях? Скажи еще, что подобное бракосочетание тебе не нравится.

У Сушмы не было времени на пререкания. Она обещала Ашоку, что будет в это же время на этом месте завтра. Когда она прибыла на скутере домой, отец уже был весь в ожидании. Джагатсинха одели во все белоснежное, из-за чего Сушма не сразу его узнала. Раджан уехал за свежим печеньем. Бабушка нарядилась в белое сари, изготовленное в Лакхнау. Ниша прихорашивалась. Сушма сразу же отправилась на кухню, где всем заправляла мать. Там жарились оладьи из гороховой муки. Сушма сказала, что она их дожарит. Ниша выглядела очень привлекательно в сари золотистого цвета. Мать надела ей на руки золотые браслеты. Бабушка тщательно осмотрела ее с головы

до ног. Такое платье было подходящим к этому случаю, но губная помада бабушке не понравилась. Неведомо, зачем девушки намазывают на свои лица красную краску, уродуя свою красоту. Благо, в данный момент она ничего не сказала. Но всем было хорошо известно ее мнение по этому вопросу. Раньше не обходилось без того, чтобы она ясно не высказала своего мнения.

Мать посоветовала надеть Сушме шелковое сари, но она молча достала из шкафа хлопчатобумажную рубашу и шаровары и нарядилась в них.

Семья господина Капура прибыла в заморском лимузине, опоздав на полчаса. Их вернувшийся из-за границы сын, выйдя из автомобиля, стал извиняться по поводу опоздания и в свое оправдание сказал, что он очень пунктуален, но пока еще не обвыкся с уличным движением в своей стране.

— В Америке говорят: «Time is money», что значит «время — деньги».

Отцу это очень понравилось. Он и сам придерживался подобного правила. Сына господина Капура звали Нареш. Он был с виду немного полноват. Светлокожий. Бабушка рассматривала его с большим вниманием. Она не все понимала из его слов, так как он говорил по-английски. Нареш очень внимательно посмотрел на Нишу. Бабушке это показалось непристойным. Улучив минутку, Нареш что-то сказал Нише. Сушма держалась горделиво.

Было ясно, что это были богатые люди. Дела господина Капура шли хорошо. Нареш прибыл из Америки, выучившись там торговому менеджменту. Он, видимо, уже с помощью отца начал или собирался начать свое дело. Младшая сестра Нареша по имени Гуддо была его точной копией. Разница заключалась только в том, что ее лицо выглядело более бесхитростным и наивным. Сущме показало, что на лице супруги господина Капура лежит печать суровости. Вдруг та спросила у Ниши:

— По какой специальности вы закончили колледж?

— По английскому языку, — ответила Ниша.

— Чем ты занимаешься сейчас?

— О... Совершенно ничем...

— Она научилась прекрасно готовить! — выразительно бабушка. Раджан рассмеялся, но тут же и умолк. В голосе бабушки прозвучали нотки гордости, словно она хотела сказать: «Кто там осмелился вести подобные расспросы о моей внучке?»

После отъезда семьи Капуров Раджан сказал:

— Бабушка, ты несправедлива.

Отцу Нареш понравился. Мать же во всем ему поддакивала. Так как никто не интересовался мнением бабушки, она через некоторое время ясно выразила свое мнение:

— Нареш, несомненно, хорош, но его мать мне совсем не понравилась.

Заметив выражение лица отца, Сущме показалось, что дело сделано. А где же Ниша? Пройдя в свою комнату, она увидела, что мать сидит с Нишой на кровати и ведет тихую беседу. На самом деле она выпытывала мнение Ниши.

— Разве у девушек в этих вопросах может быть какое-то мнение? — говорил Ашок Сущме на следующий день. Она попыталась объяснить ему, что Нише это нравилось, она желала именно этого. Над ней не творится никакого насилия. Ашок не соглашался: но если с самого рождения девушек этому наставляют, это внушают, если они видят это со всех сторон, если их готовят именно к тому, что их идеалом является при-

несение себя в жертву какому-то неизвестному человеку, то разве необходимо какое-нибудь насилие.

— Но Ниша ведь образованна. Неужели ее взгляды не отличаются от взглядов необразованной девушки?

— Но она хочет именно этого, — возразила Сушма.

— Тогда какая польза от учебы?

— В том, что, если, не дай бог, с ней случится какая-нибудь беда, она сможет сама стать на свои ноги, — ответила запальчиво Сушма.

— Ты тоже для этого учишься? Тогда какая разница между тобой и Нишой?

Ашок этими вопросами поставил Сушму в тупик. Она, бедняга, всегда пасовала перед логическими доводами. Поэтому она вспомнила Рекху. Если бы сейчас Рекха была здесь, она легко бы смогла противостоять Ашоку. Ашок посмотрел в ее сторону. Сушма отпила глоток кофе и медленно произнесла:

— Пошли отсюда.

Беседа дальше не клеилась, и атмосфера стала немного тягостной. Несколько мгновений оба сидели молча. Затем Сушма протянула вперед руку. Ашок, улыбнувшись, встал:

— Идем, сходим в кино, — сказал он. Сушма согласилась.

— Картина Ашоку не понравилась — к тому же была и очень длинной. Выйдя наружу, Сушма взглянула на часы и побледнела от страха.

— Что случилось? — спросил Ашок.

— Сушму угнетал страх, что она скажет в свое оправдание, вернувшись в десять часов, но, с усилием улыбнувшись Ашоку, она ответила:

— — Ничего, я просто вспомнила о папе и маме!

— — Тебе же двадцать лет... Ты же знаешь, что девушка после семнадцати лет может нести ответственность перед законом, а если нужно, может уйти из дому!

— Сушма слушала одним ухом. Ее занимала только одна мысль: как она явится домой.

— Ты правильно говоришь, — подала она голос. Про себя же она размышляла о том, что дом Рекхи находится совсем неподалеку отсюда. Следует сначала зайти к ней и позвонить от Рекхи домой, сказав, что она уже возвращается. Она сказала об этом Ашоку.

— Какая же ты трусиха, Сушма! Ладно, если хочешь, я провожу тебя к Рекхе.

Рекха только что поужинала и села за книги, как тут послышался звонок в дверь. Она выглянула в окно. Снаружи донесся голос:

— Это я... Сушма... Открой-ка дверь.

Рекха открыла дверь и, увидев Ашока с Сушмой, рассмеялась:

— Куда ты сбегаешь с ней? Неужто больше некуда деться?!

— Только что были в кинотеатре, а теперь вот приходится преодолевать горы! — ответил Ашок.

Сушма поведала Рекхе о своем страхе:

— Может, я сначала позвоню домой, чтобы они не направились в полицейский участок.

К счастью, трубку поднял Раджан. Это вдохнуло новую жизнь в Сушму.

Что бы было, если бы подошел отец! Она сказала Раджану, что задержалась у Рекхи, скоро вернется домой, затем потише спросила у него:

— Отец сильно недоволен?

— Отца, мамы и Ниши нет дома. Отец пригласил господина Капура в клуб на ужин, они все там.

— А бабушка? — спросила Сушма.

— У нее сильно болели ноги, поэтому она приняла лекарство и уснула, — Сушма не могла скрыть своей радости на лице. — А ты в клуб не пошел? — спросила она у Раджана.

— А кто завтра будет сдавать экзамен по физике?

— Хорошо, читай, я сейчас буду, — сказав это, Сушма положила трубку.

— Дома только Раджан... Бабушка спит, остальные ушли... — сообщила она Ашоку и Рекхе.

— Ну что, тебе напрасно привиделись бесы? — сказал Ашок. Тут же в беседу вмешалась Рекха:

— Ты когда-либо видел отца Сушмы? Встречался с ним?

Ашок, склонив голову, ответил:

— Нет.

— Тогда что ты знаешь о бесах? Вот когда тебе доведется с ним встретиться, тогда ты узнаешь!

Сушма рассмеялась.

— Что за смех?.. Кому бы ни пришлось столкнуться с бедой, он тут же делает этот обычный вывод. Когда бы он сам не заявился домой, мать, улыбаясь, отворяет дверь и говорит: «Сынок, умывай лицо и руки. Я тебе полью теплой водички». Но когда Сушма является домой, то еще до того, как начнет рычать ее отец, у нее пропадает аппетит и жажда.

— Хорошо, если твоя лекция закончилась, то можно я попрошу тебя? — обратился Ашок к Рекхе.

— Чего тебе?

— Не дашь ли стакан воды? Я не хочу тебя беспокоить просьбой о чае с печеньем.

Когда Рекха прошла на кухню за водой, отец спросил ее из своей комнаты:

— Кто там пришел, Рекха?

— Сушма и Ашок.

Господин Шарма в это время писал статью для своего журнала. Его супруга — мать Рекхи — Манорама Шарма приводила в порядок домашние счета.

«Зачем Сушма явилась так поздно? — подумала она про себя, — должно быть, за какой-нибудь книжкой», — и она вновь погрузилась в свои подсчеты.

Протягивая стакан, Рекха спросила Сушму:

— Ты почему вчера не была на семинаре? Доктор Малик весьма хвалил твоё сочинение.

Но прежде, чем Сушма ответила, Ашок сказал:

— Она сватала свою сестру.

— Кто я такая, чтобы сватать ее? — сказав это, Сушма встала, собираясь уходить. — Завтра после обеда я буду дома, приезжай.

Раджан, открыв дверь, спросил у Сушмы:

— С кем ты приехала? С Ашоком?

Сушма тут же прижала палец к губам:

— Потихонечко говори... Если бабушка услышит, то...

— Бабушка уже час, как уснула. Она ничего не слышит.

— Бабушка и во сне слышит то, что мы с тобой не слышим, будучи бодрыми! — рассмеялась Сушма.

— Сегодня тебе повезло... Если бы дома был папа, то твоему Ашоку и тебе не поздоровилось бы.

— У тебя разве завтра нет экзамена? А ты тут занимаешься пустыми разговорами, — сказала Сушма, передразнивая отца.

Раджан ушел и уселся за свои книги. Сушма прошла на кухню и налила себе чашку чая. Затем намазала маслом кусочек хлеба и принялась его есть, запивая чаем.

Ашок ей очень нравился, он также тянулся к ней, но никогда не поднимал вопроса о том, как закрепить это взаимное влечение. Он не поднимал вопроса о том, каково будет или должно быть будущее этой дружбы. Может быть, он боялся прямой постановки вопроса. Всякий раз, когда ход беседы направлялся в эту сторону, он отшучивался и переводил разговор в другое русло. «Будущее», «работа», «свадьба» и другие подобные слова вызывали у него раздражение, поэтому Сушма также стыдилась их, когда они слетали с ее уст.

Действительно, он был весьма способным. Несколько лет учился в Америке и тут же получил работу. В прошлом году на одном из семинаров произошла его встреча с Сушмой.

Индийские студенты в США

Большинство юных «модниц» старались превзойти себя и показаться более красивыми и умными, что Ашоку не нравилось. Поэтому, возможно, он не нравился Рекхе. Простота Сушмы привлекла его внимание. Будучи умной, она не теряла естественности, и даже ей было присуще некоторое простодушие. Это ее простодушие притягивало Ашока, но это же его и раздражало. Подобно другим девушкам, Сушма также спешила взять собственное будущее в свои руки, но в этом возрасте она все еще испытывала страх перед отцом! К счастью, у Ашока на все это не было времени, да и интереса. Ведь он только что вернулся из Америки и был доволен работой в колледже. Будущее простиралось перед ним как широкое небо с бесчисленными беспредельными возможностями.

Ашок был единственным сыном у своих родителей. Отец его был директором школы. То, что его сын был первым в учебе, было источником его гордости. Ашок сам добился благодаря своим способностям права учиться за границей, а по возвращении был принят на работу в университет. Мать же особенно радовалась тому, что он не привез из-за границы жены-иностранки. У Ашока было развитое чувство собственного достоинства, что вызывало у отца особую гордость. Возможно, что это было одно из самых важных качеств, приобретенных им в Америке.

Теперь большую часть времени он проводил вне стен дома. Иногда по воскресеньям к нему приходили друзья, среди которых были молодые преподавательницы и студентки. Нравы заметно изменились. Отец, хотя никогда и не вторгался в их беседы, конечно же, не мог не слышать в квартире, состоявшей из двух с половиной комнат, их слов и разговоров. Было ясно, что эти молодые люди, как правило, принадлежали к левому крылу. Отец это также считал признаком смены нравов. Друг Ашока Ананд был очень жизнерадостным и нравился отцу. Одна хорошенькая девушка по имени Рекха часто с запальчивостью критиковала современное общественное положение. В воскресенье мать заранее готовила угощение для друзей Ашока. Им нравилась еда и напитки, а матери нравилось готовить. Сегодня была суббота. Мать принесла с базара необходимые продукты. Кто знает, сколько завтра соберется у Ашока друзей. По пути домой Бануа выронил из рук сумку, и разбились два яйца. Мать на него очень ругалась. Бануа был одиннадцати-двенадцатилетним паренком, но не очень сообразительным — от матери ему частенько доставалось. В господине Ашоке он души не чаял. Он заметил, что в его присутствии мать на него меньше ругалась. Однажды он услышал, как господин Ашок говорил: «Мама, он мог бы быть тебе сыном. Он здесь по причине бедности. Дети его возраста ходят в школу, а он работает целый день. Не бранись на него». — Это его немало удивило. Ему показалось, что господин Ашок, вероятно, говорит о ком-нибудь другом, потому что он сам никогда не обращал внимания на свое положение и никогда не считал,

что оно является несчастным. Мать на него бранилась, но когда пекла пирожки, то обязательно давала и ему. Завтра будет воскресенье. По выходным к господину Ашоку часто приходят друзья. Поэтому мать приказала закупить столько продуктов. Господина Ашока еще нет дома. Он возвращается поздно.

Отец покушал. А мать ожидала господина Ашока. Она пришивала пуговицы к его рубашке. Отец слушал новости по радио. Бануа не понимал, почему в этом доме никогда не звучали песни из кинофильмов, как в других домах. Какой смысл держать такое большое радио?! Иногда, когда мать и отец выходили на прогулку, Бануа включал радио и слушал песни.

Вот отец закончил слушать новости и отправился спать. Бануа тоже почувствовал, что его тянет на сон. Но, заслышав стук в дверь, он резко вскочил на ноги. Когда господин Ашок вошел в дом, мать с нежностью сказала ему:

— Сынок, умывай руки и лицо. Я полью тебе теплой воды.

Когда утром Ашок открыл глаза, Бануа размалывал на камне пряности. Мать нарезала овощи, а отец еще не вернулся с прогулки. Фактически еще часа два-два с половиной Ашок не спал, а читал книгу — история была для него не просто учебной дисциплиной. Она была таким просторным и великолепным миром, в котором он забывал себя. Вчера ночью, читая книгу, он с особой остротой осознал, что корни современного положения, сложившегося в этом обществе, теряются в прошлом. При наличии усердия и времени можно докопаться до этих коренных причин современных проблем. А затем, познав причины ситуации, ее можно будет улучшить и изменить. Для него исследование истории было похоже на великое приключение, целью которого был поиск звезд, затерявшихся в темных безднах прошлого. Этот поиск мог дать ему ключи к закрытым дверям современности.

Он долго не мог уснуть, возбужденный ночным чтением и новыми мыслями, которые оно породило. Погасив лампу, он еще долго пребывал в состоянии радости, принесенной этими ясными мыслями. Подметив этот его интерес и увлеченность, его преподаватель, один известный историк из университета Беркли, говаривал, что Ашок справится с любой работой, за которую бы он не взялся.

Ашок не слышал ни шума, производимого Бануа, размалывавшим пряности, ни грохота посуды с кухни, где стряпала мать. Он находился далеко за пределами этого мира. Но когда мать вошла к нему с чашкой горячего чая в руке, он приподнялся и уселся. Она ему подала чашку и вышла. Что за вкусный это был чай — он постоянно вспоминал в Америке об этом чае с кардамоном, который готовила мать. Опустошив чашку, достал из шкафа выстиранную в прачечной рубашку и прошел в ванную комнату.

Мать тут же приказала Бануа:

— Иди застели постель господина Ашока и убери в комнате. Бануа отставил в сторону ступку и взял в руки метлу. Перекинув через плечо тряпку для вытирания пыли, он направился в комнату Ашока.

У отца сегодня было плохое настроение. Вернувшись домой, он начал недовольно ворчать. По правде говоря, мать забыла положить ему сахар в чай, по поводу чего отец заявил: «С завтрашнего дня я сам буду готовить себе чай!» — Бануа, почистив его комнатные туфли, поставил их за дверь, а не на обычное место, из-за чего еще ни свет, ни заря получил нагоняй. Отец в школе был директором, а дома блюстителем

порядка. Порядок для него был превыше всего. Мать и Бануа понимали это лучше школьников и старательно следили за ним. Ашок часто говорил: «Мама, отец все-таки не является твоим директором. Чего ты его так боишься?»

Мать вышла замуж в пятнадцать лет. С тех пор она привыкла угождать нраву отца. У матери не было никакого родительского дома. В раннем детстве она потеряла отца, а через год умерла и мать. У нее не было ни братьев, ни сестер. Мать воспитывалась у родственников, которые с трудом признавали ее своей.

Учась в университете Беркли, Ашок посетил много лекций о правах женщин. Возможно, именно в этот период у отца выработался командный тон, а мать свыклась с безропотным подчинением. Учившиеся с ним девушки часто вступали с ним в горячие споры по поводу улучшения своего общественного и семейного статуса. Когда Ашок вернулся домой, он часто внушал матери:

— Ты ведь совсем не слабая, и ни в коей мере твой разум не слабее отцовского. Вся трудность заключается только в том, что у тебя отсутствует чувство уверенности в себе.

— Как же я могу измениться после стольких лет подчиненного положения? Разве можно, всю жизнь говоря на одном языке, сразу перейти на другой?

— Кто тебе говорит, что нужно сразу перейти на другой язык?.. Но, постепенно осваивая его и делая усилия в этом направлении, у тебя укрепится вера в себя. Почему ты постоянно смотришь отцу в рот? Разве есть необходимость каждый день получать распоряжения отца о том, что готовить на завтрак или на ужин?

Матери было трудно возражать на эти упреки Ашока, но ее душу радовало его сочувствие и забота о ней. Если результатом пожизненного смирения с директорским нравом мужа является сочувствие и любовь сына, то чего же большего ей желать? Ведь эта награда бесценна. Сочувствие и симпатия Ашока к матери были неподражаемы. До такой степени, что когда отец дулся и сердился, у матери появлялось желание, чтобы Ашок услышал его ворчание. По этой причине она начала ощущать некоторую подавленность. Дошло до того, что ценой удаления от мужа она приблизилась к сыну!

В этот день мать также испытывала глубоко в сердце утешение от мысли о том, что упреки отца достигнут ушей Ашока. Но отец, взяв в руки газету, уселся в кресло. Ашок собирался в библиотеку. В то время, когда он надевал туфли, в дверях появился Ананд.

— Куда ты собираешься? — спросил он.

— Да так... Никуда... Идем.

У Ашока не было желания вести праздные разговоры, однако Ананд привык по выходным дням навещать его. Ашока это сильно раздражало, но он это скрывал. Увидев Ананда, мать обрадовалась. Ей нравилось, когда он приходил к ним домой. Когда он приходил, то появлялось оживление, когда его не было, Ашок молча сидел, погружившись в свои книги. Бануа также нравился круг друзей господина Ашока. Появление Ананда повлияло и на настроение отца. Вероятно, он затрагивал те вопросы, по которым у отца было ясное суждение. Откуда у учеников такая душевная усталость! С какой скоростью распространяется недисциплинированность. Ашок слушал. По его мнению, не было ничего удивительного в недисциплинированности. Он не мог переносить перепалок отца с Анандом.

— Дисциплина — это средство достижения любой цели. Когда нет цели, бесполезно подчеркивать необходимость средств, — сказал он.

— Как ты можешь говорить, что нет цели? Посмотри вокруг — каждый второй человек стремится к лучшей работе, более высокому общественному положению, автомобилю, телевизору и тому подобным вещам. А ты говоришь, что нету цели, — подал голос Ананд.

На это отец заметил:

— Ананд, ты верно говоришь. Дело не в том, что у людей нету целей, а в том, что они не делают различия между хорошими и плохими целями. Они выбирают удобные для себя тропинки, какими бы плохими и порочными они ни были.

Ашок опасался, как бы отец не перешел к рассмотрению вопросов гандизма, так как если он начнет излагать свою теорию, то ей не будет конца. К счастью, в это время появились Рекха и Сушма, что положило конец беседе.

Рекха была в брюках. Отцу не нравились девушки в таком наряде. По сравнению с Рекхой Сушма выглядела естественно. Ашок же подумал про себя, что если когда-нибудь Сушма нарушит обычай и наберется смелости следовать новой моде, то это будет просто замечательно. Ведь нет ничего трудного в том, чтобы перейти на новую моду.

С появлением двух девушек направление беседы изменилось. Рекха начала пересказывать то, что говорил профессор Саксена. Ашок уже прежде слышал эту повесть из уст Рекхи, но ее остановить было также трудно, как и отца. Сушма сидела молча. Когда она заметила на себе взгляд Ашока, она улыбнулась. Ананд то и дело вставал и начинал изображать господина Саксену. У него это здорово получалось, возможно, поэтому отец, дважды встававший, чтобы удалиться в свою комнату, садился вновь. Бануа, стоявший за занавеской, смеялся. Мать звала его из кухни, но он не слышал. Мать уже приготовила завтрак. Увидев в ее руках пирожки, Ананд тут же вскочил. Он сам направился на кухню и

уселся подле нее. Мать не скрывала своего удовольствия. Сушма и Рекха вскоре тоже направились туда. Мать оказалась в замешательстве — где ей разместить в тесной кухне столько людей? Рекха поставила пластинку с мелодиями Рави Шанкара на проигрыватель, который Ашок привез из Америки. Эта музыка нравилась также и отцу. Между тем Ашок сунул в руки Сушме книгу, которую он читал прошлой ночью. Ему хотелось, чтобы началась беседа вокруг этого предмета, но какая речь могла быть о серьезных вещах в таком шуме и гаме?! А между тем, Рекха уже читала лекцию отцу. Она могла делать только это! При этом у нее не было ни тени смущения, но Ашоку казалось, что, несмотря на свой ум, Рекха не обладала чувством меры. Если бы это было не так, то как бы она могла осмелиться с такой наивностью излагать отцу свои левые убеждения? Лицо отца стало серьезным. Сидевший рядом Ананд в душе посмеивался. Наконец Сушма подала Рекхе знак, что пора возвращаться домой. Рекхе не хотелось прерываться на полуслове, но Сушма уже встала.

Сушме нравилась атмосфера в доме Ашока. Да, она слышала от Ашока раз-другой о том, что его отец не очень-то помогал матери, но по сравнению с ее отцом он ей казался самым воплощением мягкости. Сейчас, правда, его поведение несколько изменилось ввиду его озабоченности судьбой Ниши. Возможно, потому, что после замужества ей предстояло покинуть родительский дом. Она уже помолвлена с Нарешем. Он с самого начала не возражал против того, чтобы Ниша пошла с Нарешем в кино, но он хотел, чтобы с ними был либо Раджан, либо Сушма. Когда он упомянул об этом Раджану, тот сразу же отказался:

— Да что я буду делать вместе с ними?! — сказал он.

Отец дальше не настаивал. В этот день Ниша также ушла погулять с Нарешем. После их ухода Рекха и Сушма отправились на автобусе в гости к Ашоку. По дороге Рекха спросила:

— Каков из себя Нареш?

— Такой, как все парни из богатых семей, особенно такие, к великолепию которых добавляется степень, полученная в Америке, которые не испытывают недостатка в восхвалении, а в конце женятся на очень красивой невесте.

— То есть, речь идет о среднем сословии.

— Да, ты поняла.

Ниша, как во сне, пребывала в мечтах о будущем и о любви. Когда рядом не было Нареша, она ни на мгновение не находила себе покоя. Когда и что одеть, какие украшения более к лицу? Это ее занимало все двадцать четыре часа. Но иногда у нее мелькало ощущение того, что Сишу, возможно, не так рада за нее, как ей следовало бы быть. В тот день она съездила вместе с матерью в Кароль-багх⁸ и привезла семь шелковых сари и была этим страшно горда. Отец и бабушка тщательным образом рассматривали привезенные сари. Расспрашивали о цене каждого из них. Однако Ниша по лицу Сушмы заключила, что они ей не

⁸ Кароль-багх — большая торговая улица в Нью-Дели, где продается индийская одежда, обувь, драгоценные украшения и свадебные наряды, автомобили и различные сопутствующие товары.

понравились. На самом деле, не то, чтобы Сушме не понравились сами сари, но, просто когда она услышала, какова их стоимость, ее воодушевление угасло. Невесть почему, но ей показалось, что Ниша гордится этими высокими ценами сари и теперь приметя подробно рассказывать о ценах украшений, одеяний и прочего. Нареш ей подарил кольцо, о цене которого она рассказывала каждому при всяком удобном и неудобном случае. Чему тут радоваться? Разве стоимость кольца заключается в его цене, а не в чувстве того, кто его подарил?

Кароль-багх

Сейчас Нише отношение Сишу казалось холодным, но разве у нее было время поговорить об этом? В какой-то миг у нее, действительно, промелькнуло подозрение: а не испытывает ли Сушма к ней ревность? Она задумалась над тем, насколько оправданным будет вот такой вопрос: а почему она сама не увлеклась таким подходящим парнем, как Нареш? Ниша посмотрела в сторону Сушмы. Та читала книжку по истории.

— Книгу читаешь? — спросила Ниша с любовью в голосе.

Сушма улыбнулась.

— Могу я спросить тебя кое о чем? — обратилась Ниша, подсаживаясь поближе.

— Спрашивай.

— Ты чего стала такой молчаливой?

— Это я-то молчаливая! У тебя ведь ни минуты свободного времени, а ты лезешь с упреками!

Ниша расцвела от счастья. Сушма посмотрела на нее с гордостью — ее милая Ниши, подруга детства, стала такой прекрасной. И теперь она уходит от нее далеко, в другой мир.

— Хорошо, скажи-ка, что ты собираешься покупать завтра? — Сушма обратилась с вопросом, испытывая внезапное воодушевление.

— Завтра нужно заказать кровать и другую мебель. Нареш поедет со мной. Он желает, чтобы все в доме было по его вкусу... — затем, чуть помолчав, она добавила, — знаешь, Сишу, где он собирается провести медовый месяц?

— Где?

— В Кашмире⁹.

Озеро Даль, Кашмир

В это время послышался голос бабушки:

— Сушма! Эй, Сушма... Поищи мои ключи... Не знаю, где я их потеряла!

— Иду, бабушка! — откликнулась Сушма, откладывая книгу и вставая.

⁹ Кашмир — долина в Гималаях на северо-западе полуострова Индостан с благодатным климатом и озерами, утопающими в шафрановых полях, когда-то прибежище ведийских мудрецов. Ныне этот регион является очагом напряженности между занимающими его странами, прежде всего Индией и Пакистаном.

Бабушка часто то там, то тут забывала свои ключи. А когда их находила, то начинала с самого начала перебирать все свои ценные вещи. Перебрав все в шкафу, она принималась пересчитывать содержимое завязанных мешочков. Большая часть ее времени уходила на поиски ключей и пересмотр вещей. Раджан, смеясь, говорил:

— Все ли цело? Надо быть осторожным, времена такие, что того и гляди!..

— Да, внучек, разве за слугами уследишь, если вдруг у них возникнет какое-нибудь дурное намерение?

Раджану доставляло удовольствие подсмеиваться и дразнить бабушку. Дай ему волю, так он бы и над отцом поиздевался. Только он один был смел в присутствии отца.

Однажды, жуя яблоко, он спросил Сушму:

— Я слышал о твоём приятеле преподавателе Ашоке, что...

— Что слышал? — вздрогнув, спросила Сушма.

— Что он хорошо читает лекции.

— От кого ты слышал?

— Брат Рави изучает историю, не так ли... Он говорил, что преподаватель Ашок — хороший лектор, а также он говорил, что часто видит тебя с ним.

Сушма тихо спросила:

— Ты кому-нибудь говорил об этом дома?

Раджан отрицательно покачал головой, и как раз в это время с улицы послышался звук остановившейся машины, по которому они поняли, что вернулись с базара отец, мать и Ниша. По лицу отца и по легкой задумчивости матери Сушма догадалась, что что-то не так.

"Народный автомобиль" Nano

— Что там такое? Кажется, Нареш поцарапал автомобиль отца! — в шутку заметил Раджан, обращаясь к Нише (автомобиль был страстью отца).

— Не могу понять, почему все расстраивается из-за каких-то пустяков? — не скрывала Ниша своего раздражения.

— Ну что же случилось? — спросила Сушма, глядя на расстроенное лицо Ниши.

Те вещи, которые понравились Нарешу, оказались немного дороговаты. Отец был этим раздражен. Может быть, Нареш повел себя не так, как следовало бы. Отец рассердился на него... И оба... — затараторила Ниша и у нее на глазах появились слезы.

— Э-э, ты чего плачешь из-за такого пустяка! — сказала Сушма, погладив ее по волосам. Сушма не видела слез в глазах Ниши с самого детства. Если кто-либо из ребятишек пытался обидеть ее милую сестренку, Сушма стояла за нее горой. Никто лучше Сишу не знал, насколько чувствительной была Ниша.

За ужином отец сидел, насупив брови. Было ясно, что он был не в настроении. Ниша же сказала всем, что у нее болит голова, и она не будет есть. За столом мать сказала сыну:

— Во время подготовки к свадьбе случается много всяких пустяковых неприятностей, зачем придавать им значение и напрасно переживать?

Отец вспылил:

— Это не пустяки. Я дам своей дочери все, что пожелает. Мне не нужно, чтобы кто-то напоминал, что деньги, в конце концов, предназначены, чтобы их тратили. Кто такой Нареш, чтобы говорить мне об этом?

— Родители молодых всегда испытывают страхи, — заметила бабушка, покачивая головой.

Ниша, сидевшая в своей комнате и слышавшая их разговор, расстроилась еще больше. Ночью она долго не могла уснуть, возможно, не спал и отец. Ниша терялась в догадках, как и когда кончится эта ссора. Отец не был из тех, кто может кому-то угодить, а Нареш? Он тоже будет упрямитесь?

На следующий день Сушма обо всем рассказала Ашоку, сидя за чашкой кофе в кафе.

— Нареш кажется недалеким человеком второго сорта. — сказал он, поднимая чашку. В тот день он был очень доволен и воодушевлен. Выводы, вытекавшие из анализа его новых соображений и мыслей, казались ему весьма обнадеживающими. Они ему были по душе. В результате он решил написать статью на эту тему. Но Сушма была расстроена последним происшествием в доме. Успокаивая ее, Ашок сказал:

— Но в чем ты видишь трудность? Это всего лишь столкновение гордынь двух людей.

— Так-то оно так, в этом нет никакого сомнения.

— А почему Ниша сама не может положить конец этой связи? Почему она хочет выйти за этого Нареша?

— Кто же отважится ей предложить такое? — сказала Сушма, покачивая головой. — Вчера вечером мать ей посоветовала, чтобы она сказала Нарешу, что, если он не хочет покупать тех вещей, которые нравятся отцу, то пусть купит то, что ему самому нравится.

— У тебя тоже ума палата, Сушма! В результате Нареш скоро поймет, что все должно быть только так, как он захочет... Он принимает во внимание только цену, то есть деньги... Подобные связи просто покупаются. Твоему отцу кажется, что Нареш хочет оказать на него давление, а Нареш смекает, почему бы при удобном случае не извлечь для себя выгоду.

— Но чем же провинилась бедная Ниша, что стала центром этого разногласия?

— А в том, что она, совсем не будучи беспомощной, стремится такую стать. Разве она не могла бы сама сказать Нарешу, чтобы он купал, что ему нравится?

— Именно это ей и посоветовала мама. Она, должно быть, не хочет говорить Нарешу ничего такого, что ему могло бы не понравиться... Может быть, она уже полюбила его...

— Видимо, не Нареша, а скорее какую-либо мечту о будущем.

— В самом деле, она просто парит над землей и купается в мечтах.

— Если бы ты смогла, то тебе самой следовало бы разъяснить бесполезность такой связи.

— Как я могу объяснить ей такое?! — ответила Сушма. Ее кофе совершенно остыл. Ашок бросил взгляд на часы и вскочил на ноги. — Ой, я совсем забыл: сегодня же у нас заседание кафедры... Опаздываю... Надо бежать... Встретимся завтра...

В мгновение ока он исчез. Сушма оставила деньги на столе и отправилась в библиотеку.

Когда она ступила на лестницу библиотеки, кто-то окликнул ее по имени. Она обернулась и увидела приближающуюся Рекху.

— В какие мысли ты погружена? — подойдя, сказала Рекха, — Я уже давно иду за тобой по пятам.

Сушма улыбнулась.

— Только что я встречалась с Ашоком, а он умчался, сломя голову.

— Ты тоже в библиотеку?.. — спросила Сушма.

— Я разыскиваю именно тебя.

— Меня? А в чем дело?

— Сейчас расскажу, — говоря это, Рекха положила свои книги на ступеньки и присела возле них. На последние ступеньки падала тень от стены. Сушма уселась рядом с ней.

— Этот красный шарфик тебе к лицу, — сказала Рекха Сушме.

Утром ей то же самое сказал Ашок.

Затем она продолжила:

— Ладно, послушай. Сегодня папа сообщил, что их журнал хочет посвятить женщинам целиком один номер, по причине чего они подыскивают авторов статей, редакторов, художников и других.

— Тебе как раз по душе то, что...

— Оставь меня! Так как там работает папа, моя кандидатура не годится... А в твоём присутствии там нет ничего предвзятого, хотя... Почему бы тебе не подать заявку?

— Мне? — спросила Сушма с удивлением.

— Да, да, тебе.

— Что за глупости ты говоришь... Мне нужно учить историю...

— Ты что, собираешься всю жизнь учить историю? Брось ты. Через пару месяцев уже последний экзамен... А чем ты думаешь заниматься дальше?

— Дальше... Ничем... Я и не думала об этом...

— Так вот тебе и удобный случай, подавай заявку... Пока решится вопрос с занятостью, пройдет еще три-четыре месяца.

— Но я ничего никогда не писала... Я ничего не смыслю в журналистике!

— Но ты же написала целую кучу статей. Недавно профессор Малик говорил...

— Но они все были посвящены какому-нибудь историческому вопросу...

— У тебя ясный и убедительный стиль, я верю, что...

— Что толку с твоей веры или недоверия? Писать для женщин и о женщинах — это совершенно разные вещи.

Рекха ничего не ответила. Несколько мгновений она молчала. Затем с неуверенностью в голосе спросила Сушму:

— Ты, действительно, никогда не задумывалась о том, что ты будешь делать после окончания колледжа?

Сушма ответила не сразу. Уже год, как средоточием ее жизни является Ашок. Возможно, в сердце Сушма была убеждена, что она нашла своего спутника жизни. Разве могли тут появиться какие-либо мысли о будущем? Неожиданно, обрывая ход ее мыслей, вновь заговорила Рекха:

— Что, помимо Ашока в твоём будущем нет места ничему другому?

Сушма вздрогнула. Рекха гордо взглянула на нее.

— Сейчас я не могу думать ни о чем другом, кроме приближающихся экзаменов и о свадьбе Ниши.

— А когда состоится свадьба Ниши?

— Пока еще совсем не ясно.

Действительно, дома как раз об этом и разговаривали. Отец хотел, чтобы свадьба была устроена через семь-восемь месяцев, но господин Капур и Нареш настаивали на том, чтобы устроить свадьбу через два месяца. Отец растолковывал им, что двух месяцев недостаточно, тем более что в этот период Раджан получает свою степень бакалавра, а Сушма — университетский диплом. Как же устраивать свадьбу во время их экзаменов? Господин Капур, в конце концов, с ним согласился.

Все эти разговоры Сушме совсем не нравились. В этот же день она сообщила матери:

— Отец Рекхи подготавливает новый журнал для женщин... Ему нужны репортеры и авторы... Рекха говорит, что мне бы стоило подать заявку.

Мать ничего не ответила.

— Совсем неплохо было бы писать статьи для журнала, — продолжала Сушма.

Сидевший рядом Раджан резко заметил:

— Тебе лучше сидеть бы дома, — он сидел на стуле, положив ноги на другой стул, и пытался сосредоточиться на книжке по химии, но его мысли были очень далеко.

— Нет, тут ничего плохого нет, — сказала мать, луща горох.

— Так мне подать заявку? — тихо спросила Сушма. В ее душе затеплился лучик надежды.

— Сначала посоветуйся с отцом, — мать произнесла эти слова, не поднимая взора. Лучик, загоревшийся было в душе Сушмы, начал угасать — убедить отца совершенно невозможно!

Как раз в это время отец вернулся из клуба:

— Для чего там понадобилось спрашивать у меня совета? — спросил он, войдя в коридор. Хозяином дома и творцом-вседержителем был именно он. Ему всегда доставляло большую радость сознание этого своего высокого положения.

— Отцу Рекхи нужны авторы для журнала. Сушма хочет посоветоваться с тобой о возможности подачи заявки, — сказала мать.

— Какие могут быть возражения против подачи заявки? — сказал отец, усаживаясь в кресло.

Сердце Сушмы наполнилось радостью:

— Так я подам заявку?

— А не помешает ли это подготовке к экзаменам? — произнес отец, снимая туфли. Мгновенно появились Роми и Монти, неся в зубах его тапки и виляя хвостами. Отец, благодаря своих верных слуг, погладил каждого по голове и спросил, — а где Ниша?

— Ушла с Нарешем в кино, скоро вернется.

По лицу отца скользнула легкая тень. После бури, пронесшейся в тот памятный вечер, отношения в доме теперь стали более спокойными, но отец не был удовлетворен. Господин Капур сделал вид, будто бы ничего не случилось, но Нареш дулся на отца. Два-три дня Ниша была унылой, но затем появились господин Капур с супругой и преподнесли ей сари. Нареш вот сегодня увел ее в кино. Поэтому для нее эта буря уже прошла. Отцу приходилось одному испить горькую чашу, к чему у него не было ни малейшей привычки. Сушма же считала неудобным задавать Нише вопросы на эту тему. Она тешила себя надеждой на то, что Ниши уже избавилась от огорчений и уныния. Хотя ее иногда раздражало поведение Ниши, она никогда не могла видеть ее грустной или тоскующей. В тот день она вернулась из кино в очень приподнятом настроении. На лице играл легкий румянец. Когда они сидели в кинотеатре, Нареш взял ее руку в свою, и до сих пор возбуждение от этого прикосновения было заметно на ее лице. Сушма сразу же уловила настроение ее души. Как она могла не уловить? Разве ей самой не было знакомо прикосновение рук Ашока?

Сон долго не приходил к двум сестрам, лежавшим в своих постелях. Сушма была удивлена, что отец так легко дал свое согласие. Если бы можно было, она сейчас же сообщила бы об этом Рекхе и Ашоку. Утром по пути в университет она сначала заехала к Рекхе. Та только еще завтракала. Войдя, Сушма воскликнула:

— Рекха, отец разрешил... Я могу подать заявку!

— Thank God¹⁰, у тебя еще есть немного ума! Я, в самом деле, очень тревожилась о том, как бы твоя рассудительность не покинула тебя, — ответила Рекха, поднимая стакан молока. Сушма уселась рядом на стул.

— Да, я пропустила несколько лекций профессора Малика... Мне нужен твой конспект о периоде Великих Моголов, — сказала Рекха.

— У Ашока есть на эту тему несколько замечательных книг.

— Ты нам всем уже в который раз толкуешь об этом. Раньше ты сама весь день проводила за книгами, а после знакомства с ним только и слышно: «Как учен Ашок!» — заметила Рекха со смехом.

¹⁰ Слава богу (англ.).

В этот день сразу после занятий Сушма и Рекха поджидали Ашока в кафе. Он вскоре появился, держа в руке книгу и сияя улыбкой. Еще не присев, он спросил:

— Почему не пьете кофе?

— Мы жаждем тебя, а ты говоришь, почему не пьете кофе! — моментально ответила Рекха.

— Тебе нужно сообщить очень важную новость, — сказала Сушма с улыбкой.

— Какую новость?

— Я подаю заявку на работу журналисткой.

Ашок с удивлением смотрел на Сушму. Только позавчера они встречались здесь, но тогда она ни словом об этом не обмолвилась.

— В самом деле, отец Рекхи организует новый журнал для женщин. Ему нужны журналисты...

— Ох!

Рекха быстро выпалила:

— Истинной новостью является то, что «отец дал разрешение!»

На этот раз Ашок громко расхохотался:

— Ну и номера вы откальваете!.. Да, ты посоветовала Нише, как я тебе говорил, расторгнуть эту помолвку? — обратился он к Сушме.

— Что ты мелешь?.. Ты думаешь, что, если я ей дам совет, то она его примет? Она находится сейчас в таком состоянии духа, что ей давать какие-нибудь советы совершенно бесполезно.

Ашок опустил свою чашку с кофе и спросил:

— Отец позволил тебе подать заявку или пойти на работу?

Сушма промолчала.

— Со временем все станет ясно... Зачем уже сейчас тревожить ее этим? — сказала Рекха.

— Все это так по-детски! — слетело с уст Ашока.

— Ты можешь сейчас уже видеть в этом ребячество, потому что тебе самому никогда не приходилось выпрашивать у кого-либо позволения по всякому пустяку, — ответила ему Рекха, придав своему голосу серьезность. Сушма мысленно воскликнула: «Превосходно!» Возможно, поэтому Ашок рассердился на Рекху. Она могла ему давать отпор, и у нее хватало на это смелости. Сушма же не чувствовала у себя сил ни на то, ни на другое.

— В журнале для женщин следовало бы работать тебе, а не Сушме, — сказал Ашок.

Рекха опустила руку в сумочку, извлекла оттуда какие-то бумаги, положила их перед Ашоком и сказала:

— Вот я написала статью — прочтешь?

Ашок заботливо положил листочки в свою книгу и ответил:

— С большим удовольствием.

После того, как Рекха ушла, он обратился к Сушме с вопросом:

— Ты и в самом деле хочешь заняться журналом?.. Раньше ты никогда об этом не заикалась...

Сушма подумала про себя: «Чем я, в самом деле, хочу заниматься, я и сама-то толком не знаю... Никогда и не думала...» — А Ашоку сказала:

— Действительно, я не могу представить себя на месте Ниши... — может быть, это и было правдой. Ашок, глядя на нее, подумал: «Как она наивна!»

— Чего ты смотришь?

— Вставай, идем отсюда!

— Куда?

— Не знаю... Куда-нибудь.

Незаметно для себя они подошли к тому самому дереву у дороги, у которого они раньше встречались несколько раз. Сушма уселась на траву и сняла туфли. Ей очень нравилось прикосновение мягкой прохладной травы.

Ашок растянулся рядом на траве. Он подложил под голову кисти рук и с любопытством рассматривал длинные вереницы птиц, одна за другой таявшие в небе у горизонта. Его глаза обнаружили первые звездочки на фоне вечерней зари. На несколько мгновений он совсем забыл о том, что Сушма молча сидела рядом. С правой стороны в лунном свете заблестали тысячи белых цветочков среди темно-зеленых листьев. Он закрыл глаза.

— Уснул? — спросила Сушма.

Ашок вздрогнул. Она рассмеялась:

— Ну, ты даешь!

В этот вечер господин Капур настойчиво предложил назначить время свадьбы на апрель. По мнению его астролога, день 30 апреля является самым лучшим днем в году, а у него дома к астрологии относились с большим почтением. Господин Чаудхри упорно возражал, но тот остался непреклонен. Как можно было сделать все необходимые приготовления за полтора месяца? Его это сильно беспокоило. Когда он прибыл домой, Роми и Монти, как всегда, выбежали к нему навстречу. Бабушка сидела на веранде. Ниша в своей комнате красила ногти (Нарешу это нравилось). Раджан и Сушма еще не вернулись из своих колледжей. Господин Чаудхри, войдя в дом, спросил у матери:

— Где Шанти?

— Вместе с Джагат Синхом ушла покупать фрукты... Скоро придет.

Господин Чаудхри опустился на стул. Роми и Монти ожидали, когда он снимет обувь. В этот момент вошли Шанти и Джагат Синх. В руках у Джагат Синха были две большие сумки — в одной, вероятно, были фрукты, а в другой — овощи.

— Ты где-то долго ходишь, — произнес господин Чаудхри в сторону жены.

— Это не я опаздываю, а просто ты слишком рано вернулся... Ты не ходил в клуб?

— Ходил... Встретился там с господином Капуром.

— Что он говорил?

— Настаивал на том, чтобы свадьбу устроить 30 апреля. По мнению его астролога, этот день самый благоприятный.

— Но как можно за такой короткий срок сделать все приготовления? Хотя, конечно, еще есть некоторое время...

— На днях он к нам заедет... Он сказал, что нужно обсудить организацию свадебной процессии, — сказав это, господин Чаудхри удалился в свою комнату.

Ниша оторвалась от своего занятия. Ее душу охватило неизъяснимое волнение после слов отца о том, что до свадьбы осталось только полтора месяца.

Несколько дней спустя господин Капур со своей супругой нанес вечерний визит, как он и обещал.

— Нареш не пришел? — спросила у него Шанти.

— Нет... При сегодняшнем разговоре присутствие детей необязательно, — ответил господин Капур. Господин Чаудхри промолчал. — В Дели у нас много родственников и друзей, но свадебная церемония начнется в Чандигархе.

— А сколько людей будет участвовать с вашей стороны?

— Будет не меньше пяти-семи сотен.

— Семь сотен?

— Но скажите, пожалуйста, кого же я могу не пригласить из родственников или друзей?

Господин Чаудхри не ответил, но поджал губы.

Господин Капур, заметив это, продолжал, ничуть не смущаясь:

— По мнению астролога, свадебная церемония должна отбыть из Чандигарха¹¹ за три дня до свадьбы. Ввиду этого нужно обеспечить всех гостей жильем на три дня в Дели...

— Но у вас ведь в Дели свой дом... И брат ваш живет здесь.

— Что вы такое говорите, господин Чаудхри! Чья это свадьба: вашей дочери или дочери моего брата? Вы, должно быть, помните, что когда речь шла о помолвке, вы нас уверили, что вы окажете необходимый почет и уважение нашим родичам.

Господин Чаудхри проглотил горькую пилюлю, но по его лицу было ясно, что он не был особенно доволен.

Тут в разговор вступила жена господина Капура:

¹¹ Чандигарх (англ. Chandigarh; хинди चंडीगढ़; в.-пандж. ਚੰਡੀਗੜ੍ਹ) — город на севере Индии (примерно в 240 км к северу от Дели), столица одновременно двух штатов — Пенджаб и Харьяна. Город не входит административно в состав этих штатов, а имеет статус союзной территории, управляемой непосредственно из Нью-Дели. Чандигарх построен после обретения Индией независимости (1953) известным французским архитектором Ле Корбюзье. Население — более миллиона человек.

— Да, еще есть одно важное дело.

— Говорите.

— Вы ведь знаете, что мы не скупались ни на какие расходы на учебу Нареша, который учился не где-нибудь, а в Америке. Мы сделали все, что было нужно. Теперь он начинает работать... Чтобы ему стать на ноги, потребуется время, поэтому как нам, так и вам придется ему помочь...

— Я не совсем понимаю то, к чему вы клоните... — проговорил господин Чаудхри.

— Я имею в виду именно то, что нам всем нужно будет оказать ему помощь. Вы ведь обязательно дадите Нише в приданое некий капитал... Это и следует иметь в виду.

На этот раз господин Чаудхри заявил прямо:

— То, что я хочу дать Нише, будет соответствовать моему положению и желанию... У меня нет никакого намерения дать ей капитал.

— Вот поэтому мы и пришли поговорить с вами обстоятельно... Как бы вы не упустили из виду что-нибудь важное... Насколько Ниша дорога вам, настолько же и нам, но мы также уверены, что, если вы относитесь к Нарешу, как к собственному сыну, вы поймете настоятельность нашей просьбы.

— Но помимо Ниши на мне висит еще ответственность за...

— Это так, но чего не сделает человек ради своих детей? Необходимо всего лишь 30-40 тысяч рупий!

Господин Чаудхри на это промолчал. В это время вошел Нареш и тут же вслед за ним Раджан. Лицо Ниши расцвело в улыбке при виде входящего Нареша. Вообще, ей было известно, что господин Капур со своей супругой расположились в гостиной, чтобы обсудить вопросы, связанные со свадьбой. Мама на кухне готовила чай. Сушма ей помогла.

По лицу отца Раджан догадался, что в деле возникла какая-то заминка. Взглянув на Нареша, отец даже не улыбнулся. Лишь приподнял руки, сложенные в приветствии. В это время в комнату вошла Сушма, неся горячие самосыи и барфиш. Раджан тут же взял пирожок.

После чаепития семья Капуров удалилась. Как только они ушли, Раджан спросил отца:

— Что случилось?

— Где Шанти? — перебил его отец.

Бабушка громко крикнула невестку.

— Знаешь, что сказал господин Капур?

Помимо матери это же поскорей хотелось узнать и Сушме, и Нише, и Раджану.

— В свадебной процессии будет участвовать семьсот человек... Здесь нужно будет сделать приготовления для трехдневного пребывания всех прибывших из Чандигарха... И представляешь?.. Чтобы состоялась свадьба с Нарешем, требуется сумма в 30-40 тысяч наличными...

— Но... — сорвалось с уст Шанти.

— Никаких но... Они заявили, что человек ради своего ребенка чего только не сделает.

Мать взглянула на Нишу — ее нежное личико было совершенно бледным. Охваченная страхом, она молча удалилась в свою комнату. Сушма тоже не могла оставаться здесь и последовала вслед за ней. Ниша, уткнувшись лицом в подушку, заплакала. Сушма, положив ей руку на голову, с любовью сказала:

— Тише, глупая! Разве стоит плакать по такому поводу! — А в своем сердце она говорила себе, — не выходи замуж за него... Порви эту связь, — но язык говорил другое, — ничего, все уладится!

Этим вечером у всех пропал аппетит. А у Раджана даже испортилось настроение, чего с ним давненько не случалось.

Проведя ночь в раздумьях, господин Чаудхри пришел к твердому решению: он может дать только двадцать тысяч наличными (и то только ради Ниши, а не ввиду угроз и страха перед родителями жениха), если свадебная процессия не будет больше ста-полутораста человек и ему не придется платить за их ночлег в гостинице. Иначе эта свадьба ему не по силам и не по карману. Да, деньги, которые были отложены на украшения и на наряды для Ниши, можно было бы также пустить в дело. Семья Капуров резко изменила атмосферу в доме. Лицо Ниши сразу как-то вытянулось, а другие замкнулись в себе. Только на одну бабушку все это не произвело никакого впечатления.

Сушме не хотелось возвращаться из колледжа домой.

В этот день, стоя у дверей библиотеки, она наблюдала за тем, как к ней приближался Ашок, — еще заметив его издали, увидев его радостное, улыбающееся лицо, она позабыла обо всех своих тревожениях. Он приближался как бы игриво: в каждом движении тела обнаруживалось изящество юности.

Перед ней простерлось, как широкое небо, будущее Ашока с его бесчисленными возможностями. Ее собственная искренняя привязанность была сокрыта где-то в этих его возможностях, а ему просто не представлялся случай нащупать ее — а к чему было спешить?

Вот он заметил Сушму, стоявшую возле библиотеки с перекинутым через плечо узким красным шарфиком, который ему так нравился и так был ей к лицу. Он развелся на ветру, и Сушма старалась его удержать. Но в руках у нее были книги, поэтому, заметив ее беспомощность, Ашок

рассмеялся. На душе у Сушмы, то и дело поглядывавшей на него, стало легко и хорошо.

— Ты знаешь, сколько я тебя здесь уже жду?

— А ты знаешь, насколько ты хороша, когда поправляешь развевающийся шарфик!

Лицо Сушмы залилось краской. В глазах зажглась радость. Как было легко заставить ее замолчать! Подумав об этом, Ашок вновь рассмеялся. Приблизившись, он взял книги из рук Сушмы и сказал:

— Эй, что ты будешь делать, когда все это прочтешь?

— То, что и ты.

— Простите, госпожа редактор!

Оба громко рассмеялись.

В десять часов принесли телеграмму, в которой сообщалось, что у дяди случился сердечный удар. Телеграмму принял Ашок и тут же прочел ее отцу. Тот немедленно, надев очки, перечитал ее еще раза два. Семья его младшего брата жила в Лакхнау. Тетя просила его приехать в Лакхнау, с тем чтобы как-то ей помочь. Мать и Ашок решили, что утром, отпросившись с работы, сразу же стоит отправиться в Лакхнау полуденным поездом. Ашок купит билет, а мать соберет в дорогу необходимые вещи.

Утром в семь часов он собрался на вокзал. Мать попросила его:

— На обратном пути купи четыре банана.

Ашок недовольно возразил:

— Что вы не обойдетесь в дороге без бананов? — Мать промолчала.

— Бананы можно купить на любой станции, — бросил он, уходя.

Когда он вернулся с двумя билетами первого класса, то отца еще не было из школы. Бануа принес одежду, отутюженную дхобихі, расположившимся за углом под мелиейхii. Мать собрала еду в дорогу, стараясь не забыть то, что предпочитает отец. Упаковала одежду, которую принес Бануа, и принялась укладывать в дорожную сумку постель. При ее телосложении эта работа давалась ей с трудом.

— Мама, это может сделать Бануа, зачем тебе беспокоиться? — сказал ей Ашок.

Мать хотела спросить, во сколько обошлись билеты, но у нее не хватило духа. Ашока такие вопросы раздражали. У матери был еще один предмет для беспокойства: как знать, будет ли Бануа достаточно расторопен по их отъезде, оставшись один с Ашоком. Будет ли он потчевать его хорошо приготовленной пищей или нет? Накануне отъезда она объяснила ему тысячи мелочей — кто знает, сколько отложилось в

его мозгу, а сколько улетучилось в пространство? Ашок проводил их до станции. Бануа не находил себе места от радости. Как только такси отъехало, он включил радио, чтобы насладиться музыкой и пением.

Не успели отъехать от дома, как отец спросил:

— Ты не забыла чашку для моих зубов и другие очки?

— Нет. — тут же отозвалась мать.

Ашок подумал, что для матери поездка была менее важным делом, чем забота о том, чтобы не забыть какую-либо нужную или любимую вещь отца. Вещи укладывались так спешно, что она не знала, все ли необходимое они захватили. Вдруг она встрепенулась: кажется, забыла свою расческу. Ашок спросил:

— Что случилось, мама? Тебе плохо?

— Я беспокоюсь о тебе. Будешь ли ты накормлен, оставшись один с Бануа, или нет?

— К чему это беспокойство? Неужели я кажусь тебе совсем беспомощным?

Отцу, несомненно, было приятно в купе вагона первого класса, однако, в душе он осуждал Ашока за напрасные траты.

Мать также ощущала неловкость, но оба испытывали гордость за то, что сын оказывает им такое уважение. Оставалось несколько минут до опрвления поезда. Ашок купил на платформе бутылку кока-колы для матери и чашку чая для отца. Подмышкой он держал пару газет, которые купил, для того чтобы отцу было чем заняться в дороге.

Он сильно припоздал, когда вернулся с вокзала. Но Сушма все еще ждала его в кафе. Сначала она ожидала его на улице минут 15-20, затем вошла внутрь и села за столик. Затем она заказала чашечку кофе и уже осушила ее к тому моменту, когда в кафе вбежал Ашок.

— Very sorry¹²... — выпалил он, задыхаясь.

— Что случилось? Почему ты выглядишь таким уставшим?

— Я суечусь с самого утра. Только что усадил отца с матерью в поезд.

— Съешь чего-нибудь?

Ашок шелкнул пальцами, стараясь привлечь внимание официанта:

— Две масала-досы¹³, побыстрее.

— Досы закончились... Есть только катальсь... Принести? — отозвался тот.

— Да ну их эти катальсь-ватальсь, — обратился Ашок к Сушме, — идем ко мне! Может быть, Бануа чего-нибудь приготовил. Мама перед отъездом ему наказывала хорошо готовить, — рассмеялся он.

¹² Весьма извиняюсь (англ.).

¹³ Перченые лепешки из рисовой муки с манной кашей.

Сушма вскинула на плечо сумку с книгами и последовала за ним. Было жарко. Когда они вошли в дом, у обоих пересохло в горле. Бануа спал, закрыв дверь изнутри. Ашоку пришлось многократно стучать и кликать его по имени, прежде чем он, вздрогнув, проснулся. Открыв дверь, он увидел, что Ашок пожаловал с одной из своих подруг.

— Ты что, спишь?

— Только глаза сомкнул, господин!

— Принеси воды, два стакана... Послушай-ка, есть что-нибудь покушать?

— Ваша матушка готовила овощи, я поджарю лепешки... Мигом... — отозвался Бануа и, шмыгнув на кухню, загремел посудой.

Ашок направился в ванну:

— Сейчас вернусь минут через десять, — сказал он Сушме.

Когда он вернулся, умывшийся и освежившийся, Сушма и Бануа уже несли еду. Покушав, Ашок спросил у Бануа:

— Ну что, не хочешь сходить в кино? — лицо Бануа залилось краской от радости и смущения. — Вот, возьми три рупии... Ступай, посмотри. — сказал Ашок.

Забыв о посуде и всем на свете, Бануа тут же собрался и направился к двери. Его сборы были не долги: он сбросил поношенную рубашку, натянул другую, но очень тщательно зачесал волосы, смачивая их водой.

— Эй, где твои сандалии? — спросил Ашок. В ответ тот рассмеялся. На самом деле, он отдал сандалии своей матери. На ногах у этого бедняги, бегавшего по домам и чистившего посуду, были волдыри.

Когда Бануа вышел, Сушма вытянула ноги и откинула голову на спинку. Ашок поставил пластинку на проигрыватель. Кругом была такая тишина. У нее в доме шли приготовления к свадьбе Ниши. Покупки, подарки, гости, торговцы сладостями — невесть сколько дел! Расходы возрастали; возможно, поэтому отец выглядел все более озабоченным. Мать же то и дело совершала какие-либо погрешности, то большие, то маленькие. Что тут поделаешь — по природе она была бессильной и беспомощной! Сушме удавалось оставаться в стороне от этой круговерти, но только потому что близилась ее экзамены. Каждому было ясно, что дома не возможно заниматься. (Дядя со стороны матери приехал в Дели со всей семьей неделю назад, поэтому в доме не было свободного места). Сушма занималась в библиотеке, а, вернувшись домой, не могла дожидаться утра. Раджан готовился к своим экзаменам в доме друга.

Когда Сушма вернулась домой от Ашока, было уже поздно, но на ее лице не было ни одного признака усталости, а светила лишь легкая улыбка. Она впервые переживала ощущение воодушевления от испытанного чувства родства и близости. Ей казалось, что никто раньше на земле не испытывал такого чувства собственного достоинства и упоения красо-

той, хотя Ашок и рассказывал ей о том, что в Америке у него была задушевная подруга.

Она настолько была погружена в себя, что, казалось, что вовсе не замечала окружавшей ее предсвадебной суматохи. С усилием она переключала свое внимание на учебу. Время, проведенное вдали от Ашока, ей казалось потраченным впустую. Она уже считала дом Ашока своим. А он? Он ей казался не просто человеком, а прекрасным смеющимся и улыбающимся образом. Ашок также видел, что лицо Сушмы светиться счастьем, красотой и нежностью — не признаки ли это любви? Теперь они большую часть времени проводили не в кафе, а в доме Ашока. Оба, верно, желали, чтобы отец и мать не спешили с возвращением.

Тем временем была справлена свадьба Ниши. Она уехала в дом свекра. Еще до свадьбы миры обеих сестер отдалились друг от друга, тем не менее, Сушма остро ощущала ее отсутствие. Причиной этого, возможно, было и то, что господин Капур, получив накануне свадьбы приданое, затеял еще одну ссору, которая расстроила отца, мать и причинила большие душевные страдания Нише. Ее свекор искал возможность сделать так, чтобы господин Чаудхри не мог найти себе места ни там, ни

тут. Тот разгневался до глубины души, но что ему было делать? Было уже поздно расторгать помолвку. Собрались все родственники, кондитеры разогрели сковородки. К тому же речь шла о его достоинстве, поэтому господин Чаудхри не стал перечить требованиям отца Нареша и смолчал. Он решил, что после свадьбы он ему ясно скажет, что не в силах его терпеть.

Ниша уехала в дом свекра, а Сушма и Раджан с головой ушли в подготовку к экзаменам. В доме вдруг воцарилась тишина. После стольких недель оживления эта тишина казалась совсем непривычной. После экзаменов Раджан уехал на несколько дней в Чандигарх и должен был вернуться вместе с Нишой. Перед этим мать один раз говорила с Нишой по телефону. Ей, казалось, дом стал безразличен. Как только она услышала голос матери, в ее тоне стали заметны нотки недовольства.

- Ниша, когда ты вернулась из Кашмира? — спросила мать.
- Я не смогла съездить, — ответила та тихим голосом.
- Почему, что случилось?
- Они были заняты по работе.

Тон голоса Ниши пробудил в сердце матери беспокойство. Счастлива ли она? Она казалась охваченной волнением.

Сушма сдавала экзамены один за другим. Когда она выходила из экзаменационного класса, ее часто встречал Ашок, а если его не было видно, то она сама разыскивала его. Тем временем из Лакхнау вернулись отец и мать. Они тоже привыкли видеть Ашока вместе с Сушмой.

Сегодня, когда отец ушел спать, мать задала Ашоку вопрос:

— Сушма — хорошая девушка... Что ты думаешь?

— Да, хорошая, но что я должен думать?

— Когда ты намерен ввести в дом жену?

— Уф... мама! Разве обязательно, чтобы каждый мужчина прошел по этой исхоженной дорожке?

— Ты что, хочешь отыскать какие-нибудь новые тропинки?

— Ты не поймешь...

— Почему, я настолько неграмотна? — спросила мать со смехом.

Влетевший в этот момент сквозь открытое окно порыв ветерка коснулся густых волос Ашока и очаровательной волной прокатился по ним. На его устах играла улыбка. Мать, глядя на него, подумала: «Правду говорит... Он еще ребенок... К чему спешить с женитьбой?»

На следующий день у Сушмы был последний экзамен, и в этот вечер Раджан должен был вернуться с Нишой из Чандигарха. Мать суетилась по дому, желая предвосхитить все желания Ниши. Отец не пошел в клуб. Сердце Сушмы, с одной стороны, стремилось к Ашоку (ей хотелось провести с ним весь вечер), а — с другой, порывалось к Нише. После обеда, сдав экзамен, она направилась с Ашоком в кафе. Вдруг она задумалась над тем, что в ее учебе завершится одна глава. Вскоре порвется ее связь с университетом.

— О чем ты думаешь? — спросил Ашок.

— Как замечательно, что больше не надо ходить в библиотеку...

— Да, мадам журналистка! Ох, я совсем забыл... когда вы оборудуете свой кабинет?

— Ты с насмешкой относишься ко всем моим занятиям.

— Сколько раз я тебе говорю, что ты не способна на серьезные занятия.

— Да, только ты обладаешь в совершенстве этой способностью... Я об этом совсем забыла, — ответила Сушма со смехом.

— Хорошо, ходим в кино? — спросил Ашок.

— Сегодня нет... Приезжает Ниша... Мне надо быть дома, — ответила Сушма смущенно.

— Оставь, что такого, если ты встретишься с Нишой после кино?.. Сегодня ведь закончились твои экзамены!

— Теперь у меня впереди столько свободного времени... Почему бы нам не сходить в кино завтра?..

По лицу Ашока было заметно, что предложение Сушмы ему ничуть не нравилось. Сушме самой не хотелось расставаться с ним... но не известно, по какой причине Ашок всегда был склонен расценивать и расценивал ее колебание как слабость. Сушме пришлось долго его уговаривать и убеждать. Наконец, когда она приехала домой, она обнаружила, что Раджан и Ниша еще не прибыли. Отец уехал их встречать на вокзал. Поезд немного опаздывает, высказала предположение мать.

Площадь Чандни Чаук, Вокзал

Услышав звук машины, Сушма и мать вышли на веранду. Бабушка уже давно сидела там. С момента отъезда Ниши прошло три недели, но всем в доме казалось, что ее не было много лет. Мать, взглянув на Нишу, поняла, что все идет не так, как должно было бы идти. Ее лицо вытянулось. Раджан тоже был молчалив — куда девалась его обычная говорливость?

Вечером Раджан сообщил, что семья Капуров (включая и Нареша) весьма разочарована приданым Ниши. Они совершенно определенно заявили Раджану, что считают себя обманутыми; господин Чаудхри, дав

такое заурядное приданое, навлек на них бесчестье. Он сказал, что это заявление просто ошеломило его. Он впервые оказался в ситуации подобного рода. Никто из их семьи не пошел их проводить к вокзалу. С Нишой никто не разговаривал все это время. Молча, повесив голову, она вышла из дома свекра, подобно грешнице. В дороге она приподнимала голову только для того, чтобы задать вопрос о маме, отце, Сушме и бабушке. В то время когда Раджан рассказывал обо всем этом матери, отцу и бабушке, Сушма и Ниша готовились в своей комнате ко сну. Ниша была задумчива и молчалива. Глядя на нее, у Сушмы слова застывали в горле. Наконец, она не выдержала:

— Что с тобой случилось, почему ты все молчишь? — В детстве она говорила с той же интонацией: «Скажи, кто тебя ударил? Я ему сейчас покажу».

Ниша уткнулась лицом в грудь Сушмы, и невесть откуда появившиеся слезы хлынули в два ручья. Она ехала с твердой решимостью не говорить никому ничего, но, оказавшись в кругу любящих сердец, ее горе само выплеснулось наружу. Она ничего не говорила, но ее всхлипывания были красноречивее слов. Когда мать вошла в комнату, она уже успокоилась. Сушма ласково поглаживала ее и непрерывно вытирала слезы. Мать медленно подошла к ним и уселась на кровать.

Бабушка советовала отцу поехать к господину Капуру и уладить это дело. В конце концов, что им нужно?

Ашок, выслушав все, сказал Сушме:

— Я ведь тебе еще раньше говорил, что когда родственные связи заключаются наподобие торговой сделки, такое отношение становится совершенно естественным. Я не удивлюсь только тогда, если Нареш и его семья будут постоянно притеснять Нишу в убеждении, что это принесет экономическую выгоду.

Сушма в душе согласилась с тем, что сказал Ашок, но с ее уст невольно слетело:

— Ты это так хорошо понимаешь... Как прекрасна моя судьба...

— Оставим этот бесполезный разговор! Да, знаешь, я закончил ночью свою статью.

— Когда напечатаешь? — с воодушевлением спросила Сушма.

— Я думаю, что хорошо было бы написать книгу.

— На какую тему?

— По истории, может быть...

Глаза Сушмы оживились. Несколько недель назад Ашок читал лекцию именно об этом предмете, которую она посетила вместе с Рекхой.

Он тогда высказал несколько глубоких и интересных мыслей. Слушая его, казалось, что он занимается исключительно историческими исследованиями. Все присутствующие были увлечены ходом его мыслей. Сушме его взгляд на историю доставлял особое удовольствие. Неожиданно Ашок сменил тему разговора и предложил:

— Я подумал, почему бы нам на каникулах не совершить путешествие в горы?

— Куда ты намерен направиться?

— В Гомукх¹⁴.

— Гомукх? Но чтобы добраться туда надо прошагать... не знаю сколько кос¹⁵.

— Вся прелесть именно в этом... Пойдешь?

Сушма вместо ответа пристально посмотрела на Ашока.

¹⁴ Гомукх (хинди) — «Лик небес», очевидно, начало Зодиака, ныне олицетворяемое ледником, дающим начало Ганге.

¹⁵ Кос (хинди) — мера длины, равная 3200 м.

— Ну, что тут такого удивительного? Неужели два человека не могут вместе сходить в Гомукх?

Предложение было неожиданным и очень романтичным.

На обратном пути домой, сидя в автобусе, Сушма предавалась мечтам о Гомукхе. Ашок настолько глуп — ну, как же она может так запросто пойти с ним в поход? Но если бы, действительно, они могли вдвоем вместе удалиться к этой безлюдной, загадочной горе, как было бы хорошо!.. По камням пешком до самого истока Ганги¹⁶...

Не успела она выйти из автобуса и повернуться в сторону дома, как ее внимание переключилось с Гомукха на Нишу — как она несчастна! Как помочь ее горю? Отец решил, что он подождет того момента, когда за ней придет Нареш...

Незаметно пролетело три недели. От Нареша не было ни одного письма. Ни разу не дала о себе знать ее новая родня. Вчера вечером Ниша опять пыталась написать письмо Нарешу. Написав несколько строк, она смяла бумагу и, уткнувшись в подушку лицом, уснула — а, может быть, она не спала, а пыталась подавить слезы.

Встречаясь с домашними, ее лицо еще более бледнело. Когда мать предложила надеть нарядное платье и украшения, она просто растерялась. Соседки тоже спрашивали у матери, почему Ниша после свадьбы так осунулась и помрачнела. Ниша не боялась только присутствия Рекхи, так как Сушма ничего не скрывала от своей закадычной подруги. Освободившись от экзаменов, Рекха теперь частенько навещала к ним. Бабушка с удовольствием вслушивалась в беседы двух подруг. Рекха нравилась ей и своей внешностью, и приятным веселым смехом.

¹⁶ Ганготри (хинди) — «Исток Ганги» считается священным местом, так как символизирует волосы и чело Шивы (ночное небо), где рождается Небесная Ганга (Зодиак), олицетворяемый на земле рекой Гангой.

Кутуб-минар и железная колонна, Дели.

В этот день Ниша, тоже заслушавшись тем, что рассказывала Рекха, забыла обо всем остальном. Раджан и Рекха поспорили об заклад о том, кто быстрее доедет на велосипеде от Кутуб-минара¹⁷ до Канат-Плейс¹⁸. На прошлой неделе они спорили о том, кто больше съест манго. Бабушку не мало забавляли эти пари и состязания. Рекха ни в чем не хотела отставать от Раджана. Они ни свет, ни заря отправились на своих велосипедах на состязание. Пришлось долго дожидаться их возвращения с Канат-плейс. Она уже попила чаю, когда они явились совершенно обессиленные. Пристально взглянув на Рекху, бабушка вдруг заметила, что та усыпает на своем стуле. Она не смогла сдержатъ смех. Ее волосы растрепались, а лицо было совершенно сонное. Ниша тоже уставилась на Рекху. На ее лице запечатлелось такое унылое безразличие, по которому было ясно, что ей и слышать не хочется о том, чтобы куда-либо отсюда двигаться.

Наконец, однажды утром от Нареша на имя Ниши пришло письмо. Она в это время принимала душ. Сушма положила письмо на стол. Ниша каждый день с нетерпением дожидалась прихода почтальона и уже привыкла к постоянному разочарованию. Мать возносила в сердце молитвы к богу о том, чтобы все уладилось. Сегодня больше обычного она читала «Гиту» и молилась о счастье Ниши. Это было первое письмо от Нареша, хотя уже прошло несколько недель с тех пор, как она приехала из Чандигарха. Уединившись в своей комнате, Ниша открыла его с некоторым беспокойством. Это было краткое послание из десятка фраз, в которых требовалось, чтобы она, возвращаясь в Чандигарх, привезла импортный телевизор. Ни слова о том, чтобы она быстрее возвращалась — только грубо-безразличное требование. У нее сжалось сердце. Она долго сидела безмолвно. Наконец, вошла мать и спросила:

— Ну, что там пишет Нареш?

Прошла неделя. Этим вечером отец против обыкновения не пошел в клуб. Он вернулся домой с немецким телевизором, увидев который, Ниша, сгорая от стыда и смущения, сразу же убежала в свою комнату. Позже господин Чаудхри сообщил Нарешу по телефону, что он прибудет в Чандигарх вместе с Нишой в воскресенье. Нареш не выразил никакого признака радости. Его отношение было нескрываемо грубым. Мать не могла скрыть своего отчаяния. Ей казалось, что из нее вытаскивают жилы или приходится расстаться с тем, что было дороже зеницы ока. Она не смогла заснуть ни на мгновение этой ночью. Что это за

¹⁷ Минарет, построенный в 1199 Кутуб-уд-Дином как памятник победы, башня которого имеет пять ярусов и достигает 73 м.

принуждение? Дочь после замужества не только становится чужой, но и попадает в зависимость свекра и его родни.

Сушма пребывала в беспокойстве. Она хотела сказать Нише: «Обещай, что не уедешь! — но сказала, — не переживай, Ниша, все уладится». Несколько дней все родственники и знакомые были озабочены одним вопросом: «Когда собирается уезжать Ниша в дом свекра?» Не это ли общественное давление называется притеснением?

Мнение Ашока по этому поводу было определенным: «Что скажут люди? — Этот страх закабаливает людей среднего сословия, не то бы полностью бесполезные и безобразные обычаи уже давно отмерли». — Сушма была согласна с ним. Разве не видела она на протяжении всех этих дней, как пугалась Ниша всякого постороннего человека и необходимости давать ответы на его вопросы?! Когда кто-либо спрашивал у матери, когда Ниша возвращается в Чандигарх, она обычно отвечала: «К чему спешить?!» — Будто бы все было в порядке!

Всему, что говорил Ашок, это служило подтверждением в глазах Сушмы. Сегодня Ниша с отцом собрались в Чандигарх. Глядя на ее заплаканные глаза и сломленную волю матери, Сушма подумала про себя: «Если бы я была на месте Ниши, то разве могло быть так? — но, сосредоточившись в себе, она тихонечко ответила — да, именно так».

Еще до возвращения отца из Чандигарха пришло приглашение на собеседование (по поводу работы в редакции), и она пошла на него, не сказав никому дома. Через две недели пришло сообщение, что она получила работу. Несомненно, в этом ей помог отец Рекхи господин Шарма. Как бы то ни было, Сушма была очень счастлива. Бабушка прямо заявила, что она против того, чтобы девушки работали. Ее сразу же перебил Раджан:

— Разве не было бы лучше, если бы Ниша работала?

Бабушка ничего не ответила. Отец не возразил. Сушма вдруг подумала, что притеснение Ниши открыло ей дорогу, которая ранее была закрыта.

Она направилась к Рекхе, чтобы пожаловаться ей на то, что бабушка стала относиться к ней суровой. Однажды ей хотелось даже с ней поспорить. Но потом она решила, что это не хорошо. Подойдя к дому Рекхи, она столкнулась у входа с ее отцом — Дэви Прасадом Шармой.

— Когда приступаешь к работе? — спросил он с улыбкой.

— Как только вы скажите.

— В понедельник подойди к Ранджану Сахни. Он — ответственный за колонку для женщин. — сказав это, он уселся в свой автомобиль.

Рекха, лежа на диване, читала роман. Увидев Сушму, она отложила его в сторону. Присев рядом на стул, Сушма сказала:

— У меня не было никакой уверенности... Как прекрасно, что отец раз в жизни не стал возражать... Это, видно, из-за Ниши.

— Я не сомневаюсь, что притеснение Ниши причиняет большое страдание твоим родителям...

Сушма промолчала. Рекха спросила:

— Ладно, а об Ашоке кто-нибудь кроме Раджана знает дома?

Сушма отрицательно кивнула головой:

— Нет.

Она была уверена, что Ашоку понравится то, что она устроилась на работу.

— Когда ты готовишься приступить к работе? — спросил он.

— С понедельника... Мы сможем встретиться в пять после работы?

— Yes, Madam¹⁹, — ответил Ашок. Оба весело рассмеялись. Возможно, они забыли даже, что рядом была Рекха! Она видела, как непрерывно Ашок поглядывал на Сушму, — сколько живости в его взорах! Вероятно, поэтому у Сушмы такая уверенность в себе!

Все трое уже пили кофе, когда вошел Ананд. Он готовился к экзаменам в департамент Индийской административной службы, поэтому его редко можно было видеть дома. Увидев его, Рекха спросила:

— Эй, в этом ли мире ты живешь? Мне кажется, что ты переместился в какой-то иной мир!

— Тебе известно, что сейчас я обитаю в мире экзаменов. Ни для чего другого там нет места.

— А мне кажется, что до окончания экзаменов твоя голова ни на что не пригодна... — заметил Ашок, заостря шутку.

— Очень точное замечание... По правде говоря, для государственной службы крайне важно, чтобы голова не была пригодна ни для чего... Если бы было не так, то разве страна находилась бы в таком положении? — ответил Ананд, пододвигая стул и усаживаясь.

— Так ты, готовясь на государственную службу, уже совсем перестал думать и рассуждать? — спросила Сушма.

Придав лицу глубокомысленное выражение, Ананд ответил:

— Если я застряну на этом экзамене, то последствия будут весьма плохими. Прежде всего, моя честь будет втоптана в грязь. Во-вторых, увеличится угроза сердечного приступа у горящего отца и, в-третьих, Рекха под каким-нибудь предлогом отклонит предложение выйти за меня замуж.

Все четверо расхохотались.

— Напите бедного кофе? — спросил Ананд.

¹⁹ Да, мадам (англ.).

— Карманы Ашока почти всегда пусты, но Сушма получила работу. Вот она и напоит тебя кофе, — отозвалась Рекха.

— Правда? Счастливая... Так, ты оказывается переодетый Рустам²⁰... А мы ничего не знали... Хорошо, скажите-ка, когда вы вдвоем заиграете на флейтах? Да, и вот еще что... До моего экзамена не дерзните объявить о свадьбе... Понятно вам, господин ученый? — произнес Ананд, обернувшись в сторону Ашока.

Ашок широко улыбнулся. Всякий раз при упоминании слова «свадьба» по его лицу пробегала тень раздражения, но на сей раз Ананд сделал это упоминание в такой манере, что улыбка не сошла с его лица. Ананд постоянно вел беседу в такой манере, беря всю ответственность в споре на себя. Он не оставлял даже Рекхе никаких шансов. Наконец, она, не выдержав, заметила:

— Ананд, ты никогда не обращал внимания на то, что сам отвечаешь на собственные вопросы? Тебе не страшно вести споры с самим собой?

— А ты не задумывалась над тем, какое благотворное влияние это может оказать на моих друзей и приятелей? — накинулся на нее Ананд.

Рекха, закрыв уши, ответила:

— Признаю поражение!

— Ты что, хочешь отсрочки для благодарственного кофе? Раз получила работу, то сладости, напитки и угощения на стол — все это должно быть непременно, Сушма! — сказал Ананд.

— Непременно и будет, но сначала я должна получить зарплату, а ты сдать экзамен.

— А что с твоей работой? — обратился Ананд к Рекхе.

— Пока жду результатов, — ответила Рекха, покачивая головой.

Спустя несколько недель стал известен результат экзамена на степень магистра гуманитарных наук. Не было пределов радости Сушмы: она заняла первое место в университете. У Рекхи также было хорошее место в первом ряду. Дома все были довольны. Отец по телефону сообщил эту весть Нише. Бабушка также исполнилась гордости за дочку. Дошло до того, что она покопалась в своих многочисленных «сокровищницах»- узелках и извлекла дорогую, старомодную накидку, которую преподнесла Сушме в качестве награды! Обычно она боялась не то чтобы подарить какое-либо из своих сокровищ, а просто извлечь наружу и показать его кому бы то ни было. Накидки поры ее молодости по сравнению с современными шарфами были более длинными и широкими. Их раскраска была более сложной. Приняв в свои руки

²⁰ Рустам — богатырь, герой персидского эпоса. Выражение «Переодетый Рустам» означает человека, о достоинствах которого мало известно.

шелковую накидку, расцвеченную желтыми и синими полосами, Сушма почувствовала легкое головокружение.

Она ходит на работу уже две недели. Но пока еще она не очень хорошо ориентируется в учреждении. Познакомилась с несколькими людьми, но никого толком не знает. Пока работы не много. Поэтому, начиная с двух-трех часов, она начинает поглядывать на часы: когда же пробьет пять, и она сможет встретиться с Ашоком? Однажды, как только вернулась домой, отец очень заинтересованно спросил, что у нее за работа, и каковы коллеги?

Однажды, в бабушкиной накидке, только она вошла в учреждение, навстречу в дверях ей попался господин Сахни. Приветливо поздоровавшись, он спросил:

— Почему ты пришла без коробки сладостей?

Сушма, опешив, ничего не нашлась ответить. Только залилась краской.

— Ладно, ничего, сладости я сам закажу, сказал господин Сахни, улыбнувшись. Это был тот самый Ранджан Сахни, с которым ей рекомендовал встретиться отец Рекхи. Он возглавлял женский сектор.

Когда Сушма вошла в свою комнату, ее коллега Видья Кришнан, взглянув на ее развевавшуюся накидку и залитое краской лицо, спросила:

— Что такое? У тебя сегодня день рождения?

— Нет же, но такое ощущение, будто бы происходит нечто подобное.

Сушма положила свою сумочку и стала наводить порядок на заваленном бумагами столе. Вчера, спеша на свидание с Ашоком, она ушла, оставив разбросанными множество своих бумаг. Она все еще раскладывала бумаги, когда в офис вошел рассыльный господина Сахни и сообщил, что начальник вызывает ее к себе.

Сушма встала, а Видья, вытирая очки, спросила:

— Что там случилось, что вызывают с самого утра?

Сушма была чрезвычайно взволнована, впервые входя в кабинет господина Сахни. Тот, видя написанное на ее лице смущение, всячески старался придать их беседе непринужденный характер. В этой просторной комнате не было слышно ни внешнего шума, ни ходьбы служащих в коридоре. Кабинет господина Сахни был обставлен весьма просто. Большую часть времени господин Сахни, расположившийся за широким столом, проводил, очевидно, за телефоном — так показалось Сушме. Справа от него стояли три аппарата разного цвета.

— Присядь, Сушма... Попросить принести мороженого с орехами и миндалем?

Улыбнувшись, Сушма присела. Старый слуга принес блюдо с мороженым и три чашки с чаем. Не успела Сушма сообразить, для кого принесена третья чашка, как в комнату с сигаретой во рту вошел Ранграджан. Господин Сахни, указывая ему на блюдо с мороженым, сказал:

— Не поприветствуете Сушму? — заметив удивление на лице Ранграджана, он добавил, — Она заняла первое место в Делийском университете.

— О, congratulations²¹!

— Thank you²²!

Ставя выпитую чашку, господин Сахни произнес:

— Я хочу рассказать вам обоим о своем новом плане... Я хотел бы придать новый вид приложению для женщин... свежести и бодрости...

Сушма и Ранграджан внимательно выслушали «новый план» господин Сахни. Она так и не смогла понять, в чем заключается «новизна» и «свежесть» плана Сахни. На протяжении всей беседы рука Ранграджана непрерывно протягивалась к блюду с мороженым, как только он проглатывал кусочек. Господин Сахни продолжал:

— Завтра из Японии прибывает в Бомбей женская команда. Она попытается покорить некоторые вершины в Гималаях. Сушма сможет подготовить статью с фотографией команды для следующего номера журнала. Воспользуйся советами Ранграджана. Понятно, что у тебя еще мало опыта. Когда ни сочтешь нужным, заходи. Я готов помочь тебе в любом вопросе.

Когда Сушма вернулась в свой кабинет, Видья с кем-то разговаривала по телефону. К этому времени на ее столе появились еще новые бумаги. Не успела Видья положить трубку, как телефон опять пронзительно зазвонил.

— Это, скорее всего, тебя... Уже звонили раз пять. — сказала она Сушме. Это был Ашок. Услышав его голос, она обрадовалась. Они договорились встретиться точно в пять часов у офиса газеты.

Ранграджан сообщил, что японская команда уже прибыла в Дели. Встреча с журналистами назначена в их отеле на три часа. Сушме предстоит быть там. С ней поедет фотограф Санджит Гхош.

Когда Сушма с Санджитом Гхошем прибыла туда, то там уже собралась небольшая группа журналистов. До этого она никогда не присутствовала на пресс-конференциях. По-видимому, она единственный новичок среди всех этих журналистов? (Подумала про себя Сушма). Глава японской команды сперва представила всех членов — все они были замужними женщинами. Затем она показала на чертеже вершины,

²¹ Поздравления (англ.).

²² Спасибо (англ.).

на которые они хотят взобраться в Гималаях. После это присутствующие журналисты начали задавать вопросы. К концу пресс-конференции Сушма спросила:

— Не скажите ли вы, что вас толкнуло оставить свои семьи и заняться этим трудным и романтичным делом?

Японка на миг задумалась и уверенно ответила:

— Любопытство.

Санджит Гхош слишком долго примерялся, прежде чем сделал фотографии, поэтому, когда они вернулись в офис, было уже четверть шестого. Сушма нетерпеливо поглядывала на свои часы, но когда прибыла на место, увидела, что Ашока еще нет.

Он появился только минут через пятнадцать, выбравшись из кибитки моторикши. Сушма подбежала к нему. Увидев в руках Ашока книгу, она подумала, что это — подарок для нее, но, присмотревшись, увидела на ней библиотечную печать.

Ей хотелось столько рассказать Ашоку. С чего начать, она не могла сообразить. Расположившись в кафе «Мадрас», она начала с описания блюда с мороженым:

— Знаешь, чтобы отметить мое окончание университета они заказали мороженое с орехами и миндалем. Ранграджан очистил блюдо за десять минут... Они хотят изменить характер журнала, но ни слова о том, как... Употребляли очень высокие слова, но я так ничего и не поняла... Слышал о японской женской команде?..

Разумеется, Ашок ничего не слышал. Он с большой нежностью рассматривал ее прекрасные глаза и красное в крапинку сари. По всем членам Сушмы разливалось счастье.

Домой она вновь вернулась поздно. Но отца еще не было из клуба. Мать и бабушка сидели на веранде. Роми и Монти ждали отца. Как только Сушма отворила дверь, они сразу наострили уши.

— Бабушка, моя приятельница по работе, как только увидела эту красивую накидку, сразу спросила, не праздную ли я день рождения! — сказала Сушма.

— Сушма, если ты проголодалась, так умывай руки. Я распорядюсь, чтобы Джагат Синх подал тебе еду. Раджан и отец сегодня вернутся поздно. — сказала мать.

— Нет, я не хочу есть мама, — ответила Сушма, садясь на стул и поглаживая по голове расположившегося тут же у ее ног Роми. Пес начал с любовью лизать ей ноги.

Сумерки на улице сгущались. Все втроем сидели молча. Затем мать незаметно удалилась. Вернулась она с подносом в руках, на котором принесла три стакана с прохладительным фруктовым шербетом и какое-то письмо.

— Сишу, на твое имя от Ниши пришло письмо.

Сушма сразу же открыла конверт. Ниша не высказывала прямых жалоб, но из каждой фразы чувствовалось, что она душевно страдает от одиночества в доме свекра. Маленькая беспомощная лодка, унесенная в открытое безбрежное море. Прочитав письмо, Сушма передала его матери.

Его поочередно прочли и все остальные. Лежа в постели, Сушма задумалась, вспомнив японских альпинисток — как знать, каково их душевное самочувствие в кругу семьи? Не скрывается ли за любопытством к труднодоступным горам острое желание необычных впечатлений и попытка бегства от серых будней? Этой ночью ей привиделся сон. Ниша одна взбиралась на крутую гору... и медленно исчезала с глаз... Через некоторое время она превратилась в точку на сверкающем снегу.

Увидев напечатанной в журнале свою первую статью под названием «Необычное любопытство», Сушма оказалась на седьмом небе от радости. Ашок искренне смеялся над ее простотой. Грудь отца просто распирало от гордости. Он даже не мечтал, что его дочь однажды напишет статью, которую будут читать другие. Он понес журнал к себе на работу. В тот день в беседе со всяким человеком, кто бы ему ни встретился, он упоминал о статье Сушмы. А вечером в клубе, играя в бридж с приятелями, он только что и рассуждал о содержании статьи дочери. Сушма более всего удивлялась тому, что бабушка, не понимавшая ни слова по-английски, внимательнейшим образом рассмотрела каждую страницу журнала. А потом заставила Раджана перевести ей всю статью на хинди. Кто бы ни заходил в дом, она всякому говорила: «Наша Сишу так прекрасно пишет — она зарабатывает, как парень...».

Раджан, не сдержавшись, упрекнул ее:

— Недавно ты сетовала на то, что Сушма уже взрослая и ее следует выдавать замуж, а теперь с гордостью похваляешься, что она зарабатывает! Бабушка, у тебя нет уверенности...

Бабушка никак не отреагировала на этот упрек. Сушма поняла, что Раджану не стоило этого говорить.

Ашок готовился к путешествию в горы к Гомукху. Он нашел себе товарища — младшего брата Ананда Сурендру, которого все именовали Суку. Они начали упаковывать палатку и все необходимое. Ашок раза два говорил Сушме:

— Почему бы тебе ни присоединиться к нам? Чего ты боишься? Когда еще представится такая возможность?

— Я только что приступила к работе, мне никто не даст отпуска. — ответила Сушма.

— Это всего лишь отговорка... Страх перед установленными обычаями... Что люди скажут. Ты на службе с десяти лет и по-прежнему у тебя не хватает смелости... — Ашок прямо высказал все то, что у него было на сердце.

Сушма промолчала. Опустила глаза. Не было ли это действительным признаком отсутствия у нее смелости? Если бы на ее месте была Рекха, то, возможно, она ответила бы: «Что ты понимаешь в смелости? Если бы тебе самому пришлось за все расплачиваться, то ты бы узнал, почем фунт лиха. Тебя всякая вещь достается бесплатно, поэтому ты и говоришь, что не стоит бояться обычной». — Но Сушма промолчала. Что было говорить, если она сама не могла понять, является ли она, на самом деле, слабой, как утверждает Ашок, или нет?

С первой зарплаты она купила книгу для Ашока, но, не вынувши ее из сумочки, собралась уходить домой. Посмотрев ей в лицо, Ашок ощутил, что ему нанесен удар. Но он не научился признавать поражения, поэтому и не стал ее останавливать. В тот вечер она одна вернулась домой. Все уже ужинали.

— Ты сегодня очень поздно, Сишу! — заметила мать.

— Много было работы в офисе? — спросил отец, поднимая горячий чайник. Произнеся «да», Сушма присела за стол рядом со всеми.

На следующее утро в пять часов Ашок вместе с Суку отправился в путешествие. Сушма после работы пошла по магазинам. Она решила всем сделать подарки со своей первой зарплаты. Для Ниши она купила книгу ее любимого писателя, которую отослала на следующий день по почте в Чандигарх. Она не догадывалась, что придется выслушать Нише по поводу этой посылки.

Как только почтальон вручил посылку Нарешу, он тут же, не общая Нише, вскрыл ее. Обнаружив внутри книгу, он расхохотался:

— Ничего не нашлось прислать!

Свекровь язвительно воскликнула:

— Люди посылают своим дочерям дорогие платья, но у нас несчастная судьба — невестка пришла с пустыми руками, а когда ей что-нибудь посылают, так это оказывается какая-либо совершенно бесполезная вещь!

Нареш швырнул книгу на пол. У Ниши не хватило духа сразу же ее поднять. Когда подняла и прочла на внутренней странице с любовью написанные Сушмой строки, ее сердце наполнилось любовью. Она с нетерпением ждала письма или любой весточки из Дели. Узнав о результате Сушмы, она не смогла удержаться от того, чтобы не поделиться тотчас же этой новостью с Нарешем. Но он остался совершенно безразличным к

тому, что она ему говорила. Она теперь не была уверена, что это — тот же самый человек, с которым она познакомилась перед свадьбой. Все теперь казалось таким непривычным. Как полагали отец и мать, дела господина Капура шли не так уж и хорошо. Нередко до ее ушей долетали фразы об убытках и ущербах. При этом они произносились с такой интонацией, будто во всем была повинна она по какой-то неведомой причине. Все в доме относились к ней так, как будто бы она была грешницей. Вероятно, поэтому ее духовное состояние было неустойчивее день ото дня. Ее чувство собственного достоинства было сломлено. Возможно, она и сама стала думать, что корнем всех несчастий является она сама.

Несколько дней тому назад на три-четыре дня приезжала тетя Нареша со стороны матери. Даже делая над собой тысячи усилий, Нише не удавалось перед ней выдать улыбку на своем лице. Та как-то спросила у нее:

— Что с тобой, дочка, у тебя хорошее самочувствие?

Но прежде чем Ниша успела открыть рот, свекровь сказала:

— По правде говоря, такое уж положение!

Ниша склонила голову и ногтем ноги стала что-то непроизвольно царапать на полу.

Она волновалась о том, как там отец и мать, Сишу и Раджан, бабушка, но когда садилась писать письмо, приходила в замешательство — что писать, чего не писать — полная растерянность. Бабушка говорила, что каждой девушке предстоит найти свое счастье в семье свекра...

Приближался день рождения Раджана. Вечером Ниша попросила Нареша сходить на базар. Нареш отозвался:

— Чего купить?

— Подарок Раджану на день рождения...

— А почему бы тебе ради спасения этого дома не послать подарки своим родителям?! Много они надарили тебе!

Ниша на это смолчала. Теперь она не просит денег у Нареша. По крайней мере, те деньги, что дала ей мать, провозжая из Дели, она может считать своими. Но ведь когда-нибудь придется обратиться к Нарешу? От этой мысли ей стало тяжело на сердце.

Из письма Сишу ей стало известно, что Рекха получила работу преподавательницы в Колледже им. госпожи Шри Рам²³. Нише казалось, что она заброшена за тысячи, сотни тысяч миль в пустыню, откуда уже, вероятно, ей не выбраться. Мама подарила ей такие прекрасные сари. Она выбирала их с особым вниманием, но когда бы ни предоставлялся случай их одеть, она одевала их с печалью и равнодушием. В этот день Гуддо, младшая сестра Нареша, сказала:

— Невестка, вы что ни наденете — на вас все так хорошо сидит, просто загляденье.

Только одна Гуддо была к ней расположена. Но она была еще ребенок, с ней невозможно поделиться тем, что лежит на сердце. Но она положительно действует на состояние ее души. Нише казалось, что, если бы не было Гуддо, то она была бы совершенно беззащитна.

²³ Колледж для женщин при Делийском университете был основан в 1956 г. сэром Шри Рамом в честь своей супруги. В нем учится 2000 студенток, специализирующихся в области обществоведения, гуманитарных наук, торговли, статистики и журналистики.

После отъезда Ашока прошло восемь-десять дней, но Сушме казалось, что она не видела его уже целый месяц. В офисе ей не удавалось даже на минуту отвлечься. Работа была не просто чрезвычайно напряженной. Действительно, у Ранграджана была способность самую простую работу сделать запутанной и трудной. Каждую статью он переписывал по два-три раза, а Сушма, воспринимая каждое его слово как распоряжение, прилагала все свое старание к его исполнению. Несколько дней Видья взирала на это, не произнося ни слова. Наконец, однажды она предложила Сушме:

— А почему бы нам не прогуляться и не выпить где-нибудь чашечку чая?

Сушма, окинув безнадежным взором разбросанные на столе бумаги и незавершенную работу, промолвила:

— Ничего уже не идет в голову... Не могу завершить это...

— Будь у Ранграджана возможность, так он превратил бы тебя в этом возрасте в выжатый лимон... Пошли, брось это!

Сушма, взяв сумочку, направилась вслед за Видьей. Когда они, попив чая, минут через двадцать вернулись, то застали у стола Сушмы Ранграджана, смотревшего на них с явным недовольством.

— Где та статья? — спросил он, обращаясь к Сушме.

— Еще не закончена.

— Еще не закончена? Послушайте, как же можно так работать?.. Вам следует быть попроворней.

— Я уже сегодня заканчиваю — осталось совсем немного. — ответила Сушма тихим голосом, опустив взгляд, будто бы она хотела сказать: «Признаю свою ошибку, это не повториться».

Ранграджан гневно посмотрел на нее. Затем, взглянув на свои часы, сказал:

— К пяти с половиной чтобы все было закончено.

Сушма тут же принялась за работу. То есть принялась в третий раз переписывать эту статью. Когда Ранграджан вышел, Видья сказала:

— Сам он двух слов написать не может, а еще устрашает!

Немного спустя зазвенел телефон. Это был голос Рекхи:

— Я купила два билета в кинотеатр... Очень хороший фильм... Пойдем, а?

— Сегодня столько работы, — отозвалась Сушма.

— Ты еще можешь поработать, фильм начинается в половине седьмого... Еще достаточно времени... Кинозал ничем не отличается от твоего офиса... Там и встретимся.

Сушма, согласившись, вновь принялась за работу. Она закончила статью не к пяти с половиной, а к шести. Войдя в кабинет Ранграджана, она застала его расхаживающим взад и вперед с засунутыми в карманы

руками. Увидев Сушму, он взглянул на часы. Трепеща, Сушма положила статью на стол.

— У меня не осталось времени на ее прочтение. ...Есть неотложное дело... Меня никто не будет ждать... как это делают по отношению к тебе!

Сушме было обидно, но она не подняла глаз. Она вышла подавленной.

Перед кинотеатром она заметила Рекху.

— Что случилось — на тебе сегодня лица нет? — спросила Рекха, посмотрев на нее.

— Очень устала.

— Тебе приходится переворачивать горы?

— Если нужно одно и то же делать по несколько раз, то откуда тут быть хорошему настроению?

— Будешь чай? — спросила Рекха.

— Сегодня вовсе не представилось возможности пообедать, — ответила Сушма.

Когда, выпив по чашечке чая, они вдвоем входили в зал, то Сушма рядом с собой в очереди заметила Ранграджана с билетом в руке. «Вы» — сорвалось невольно с ее уст. Ранграджан опустил глаза. Сзади за ними стояло в очереди множество людей, тут не до разговоров.

Назавтра, придя на работу, Сушма обнаружила, что для нее от Ашока есть письмо, что ее несказанно обрадовало. Ашок и Суку, миновав Гомукх, уже путешествовали по селениям пограничного высокогорья, расположенного в округе Гархваль. Не везде были почтовые отделения. С одного из них Ашок и отправил ей открытку с несколькими строками, которая прибыла через десять дней. Сушма во второй или в третий раз перечитывала послание, когда в комнату вошел Ранграджан.

— Когда освободитесь, зайдите в мой кабинет. Есть дело. — сказал он и вышел.

— Если бы речь шла о работе, то почему бы он не сказал об этом прямо здесь? — заметила Видья, как только он удалился.

Сушма не обратила внимания. У Видьи есть привычка... В это время в комнату заглянул Санджит Гхош и спросил:

— Если есть время, я вам хочу показать фотографии?

Ну, у кого же не найдется время посмотреть фотоснимки?! К тому же снимки Санджита Гхоша — это живые картины. Разглядывая их, Видья заметила:

— Санджит, почему ты растрачиваешь свои силы на этот несчастный журнал? Тебе бы снимать кинофильмы.

— Я ищу случай — посмотрим, что выкинет судьба, — рассмеялся в ответ Санджит.

Сушма сказала:

— Господин Гхош...

— Please²⁴, называйте меня просто Санджит, — перебил он ее.

— Я вчера написала статью и хотела бы побеспокоить вас по поводу подходящих фото.

— Какое тут беспокойство — показывайте свою статью...

Достав из ящика стола копию статьи, Сушма протянула ее Санджиту.

— Вы пишете от руки? — удивился Санджит.

— Говорите мне «ты», а не «вы», please... Я только начала учиться печатать.

Вслед за этим, как только она вошла в кабинет Ранграджана, тот вручил ей целую кучу бумаг и приказал:

— К завтрашнему утру письменно изложите мне ваше мнение по каждой из этих статей.

Сушма молча смотрела в его сторону. Услышав скрип двери, она обернулась и увидела, что в комнату входит господин Сахни. Сидевший в кресле Ранграджан тут же встал.

— Ну, как, Ранграджан? Что вы думаете о том рассказе? — спросил господин Сахни.

— Да, хорош... но, но конец немного...

— Э-э, вся суть в его развязке. Вы прочли все-таки рассказ?

Ранграджан начал выдумывать отговорки. Господин Сахни обернулся к рядом стоящей Сушме:

— А почему бы тебе его не прочесть и не поделиться со мной своим мнением? В рассказе повествуется о женских переживаниях. Вероятно, будет справедливо, если мы учтем мнение женщины. Что вы скажете, Ранграджан?

— Да, сэр!

— Тогда хорошо. Сушма, прочтите его.

Такой поворот дела Ранграджану не понравился, но он не посмел возразить господину Сахни. Он стал разыскивать этот рассказ в своих папках. Но он не мог его найти, так как он был среди тех бумаг, которые он сунул Сушме несколько минут назад, будто кучу мусора.

В этот день она допоздна сидела у себя в офисе, но работу так и не закончила. Наконец, захватив в сумочке бумаги Ранграджана и рассказ господина Сахни, она направилась домой. Дома она сидела до двух часов ночи, читая все это и делая пометки на полях. Рассказ ей понравился. Она изложила свое мнение простым естественным языком на листке бумаги. Когда она уже заканчивала, в комнату тихо вошел отец. Он проснулся, заметив свет в ее комнате. Невольно он исполнился

²⁴ Спасибо (англ.).

гордости за дочь. Он часто советовал Раджану побольше читать и даже настаивал на этом, но ему никогда не доводилось его застать столь глубоко погруженным в чтение. Скоро станет известен результат его экзамена. Отец терялся в догадках — что за место ему достанется?

После свадьбы Ниши у отца было тяжело на душе. Он всегда делал всякую работу, хорошенько поразмысливши, тогда как же произошла такая ошибка. То, что произошло с Нишой, сильно подорвало его уверенность в себе. На лице Шанти также лежала печать постоянной озабоченности. Она с нетерпением ждала писем от Ниши, но всякий раз, прочитав письмо, на душе становилось еще тяжелей. Сушма посмотрела на отца и сказала:

— Иди спать, уже очень поздно.

Но он остался у дверей. Сушма, увидев на его лице вместо важности и сердитости выражение нежности, удивилась. Но прежде, чем она смогла еще что-нибудь сказать, он вышел.

Утром, оставив на своем столе все бумаги и захватив с собой только рассказ, она направилась прямо в кабинет господина Сахни. Он разговаривал с кем-то по телефону. Сушма ждала, стоя. Наконец, прочтя листок, который она ему подала, господин Сахни снял очки и произнес:

— Я с вами согласен. — он окинул ее удовлетворенным взглядом. Сушма не скрывала своего счастья.

Приблизительно через полчаса она понесла остальные бумаги Ранграджану. Тот читал газету, вытянув ноги на стол. Закрывшись газетой, он не заметил, как она вошла. Положив газету на стол, он не нашелся сразу, что сказать — она тут же завернулась и вышла. Через некоторое время он появился у ее стола с серьезным выражением на лице:

— Где тот рассказ?

— Я его вернула господину Сахни, — заметив, что этот ответ пришелся не по душе Ранграджану, она добавила, — господин, господин Сахни попросил меня высказать свое мнение, поэтому...

Ранграджан резко ее оборвал:

— Впредь, прежде чем что-либо передавать ему, потрудитесь показать мне.

Сушма промолчала. Ранграджан, поджав губы, вышел из комнаты. Как только он удалился, Видья сказала ей:

— Что ты все безмолвствуешь и терпеливо выслушиваешь глупости этого невежи? Кто он такой?

— Господин Сахни сказал, что мне следует советоваться с Ранграджаном по всем вопросам.

— Поэтому, если даже Ранграджан начнет петь тебе частушки, ты будешь их выслушивать? А он на что годиться, только на то, чтобы давать тебе советы?

— Но он уже двадцать лет работает журналистом...

— Да, работает двадцать лет, но знаешь почему? Потому что его дядя — член Конгресса, дослужившийся до министра экономики... В противном случае кто бы ему доверил эту работу?

— Откуда ты знаешь?

— Не только я, все это знают... Тебе доводилось читать когда-нибудь какую-либо его статью?

— Нет... Но я так мало знаю.

— Ты знаешь в два раза больше этого осла, но у тебя не хватает опытности, и он пользуется этим. Ты внушаешь ему страх, поэтому всякий раз, когда ты встречаешься с ним, он напускает на себя высокомерие.

— Но ведь его дядя такой большой человек...

— По этой причине он каждый месяц получает хорошую зарплату, ничего не делая, и надеется получать ее до конца жизни. Но это не значит, что ты должна прислушиваться к каждому его слову.

— Но господин Сахни...

— Он получил работу от его дяди... Тот тут вытрясал все новости о внутренних разборках в Конгрессе...

— О, а ты откуда все это знаешь?

— Я уже семь лет ломаю карандаши в этом учреждении. За семь лет ты тоже многое узнаешь. Если бы мой дядя был министром экономики, то господин Сахни также отсылал бы и ко мне спрашивать совета, мне бы не пришлось торчать в этом углу... Поняла?

Сушма кивнула в знак согласия. Видя с новой силой принялась стучать по клавишам машинки.

В этот вечер Сушма очень поспешно вернулась домой. Бабушка смотрела телевизор. Мать что-то шила. Раджана не было дома. Роми и Монти отдыхали на веранде. Приняв душ, Сушма уселась почитать книгу. С тех пор как приступила к работе, ей даже не представлялось возможности открыть книгу по истории. Это была книга Ашока. Взяв ее в руки, она как бы ощутила прикосновение его рук.

Неделю спустя, только придя на работу, она услышала в трубке его такой знакомый голос.

— Когда ты вернулся?

— Сегодня утром — скажи, когда увидимся.

— Вечером в шесть.

— Ты заставишь меня ждать так долго?

— Сейчас два.

— Хорошо, где встретимся?

— В кафе!

— Не опаздывай.

Сушма рассмеялась.

Войдя в кафе, она стала озираться по сторонам — Ашока не было. Вдруг кто-то ее окликнул:

— Что, не узнаешь?

— Ой, ты! Борода?.. Что за вид?

Ашок несколько недель не брил бороду, а от солнечного света его кожа приобрела черный цвет, поэтому его было не легко узнать.

Она весело рассмеялась. Осмотрев его с головы до ног, она заметила:

— Ты еще и похудел.

— Ты говоришь, как моя мать.

Ну, рассказывай, как прошло твое путешествие? — спросила Сушма, усаживаясь за столик в углу.

— Чудесно. Горы — это особенный мир... Они постоянно меняют свой цвет в зависимости от света и времени, возможно, от этого постоянно присутствует чувство новизны...

Сушма рассматривала его выразительные глаза.

— Ты ведь меня не слушаешь! — с упреком произнес Ашок.

— Мне не привычно видеть тебя таким, — ответила Сушма, улынувшись. А про себя она подумала: «Как было бы хорошо, если бы она могла пойти с ним.

Ашок был одурманен горами, возможно, поэтому он забыл спросить у Сушмы о том, как она поживает, и как дела в редакции.

В тот вечер отец с Раджаном отправился навестить одного из своих приятелей. У Раджана не было особой тяги к учебе. Несколько дней назад стал известен результат его экзамена — он оказался во втором ряду. Отец прилагал усилия к тому, чтобы устроить его с помощью своих знакомств в какую-нибудь фирму. Вчера возил его к кому-то. Сегодня повез к другому знакомому, занимавшему важный пост в «Банке Гриндэйла». Чайтарджи велел Раджану явиться в банк на следующей неделе на собеседование. Мать считала работу в банке более престижной, чем на заводе.

Допоздна отец растолковывал Раджану, каким должно быть его поведение во время собеседования. Бабушка, сидевшая рядом, внимательно прислушивалась к их разговору. Взглянув в сторону комнаты Сушмы, она заметила, что та что-то пишет, склонившись над столом. Ей часто приходится брать работу на дом. Она весьма старается. Никому не пришлось ходатайствовать за нее при устройстве на работу. Совсем недавно со своей первой зарплаты она купила бабушке сандалии.

Мать молилась теперь не только о благополучии Ниши, но и о том, чтобы Раджана взяли на какую-либо хорошую работу. Вчера от Ниши пришло письмо. Мать решила, что пригласит ее на месяц-другой в Дели.

Через несколько дней в комнату Сушмы пожаловал с готовыми фотографиями Санджит Гхош. Сушме и Видье фото понравились.

— К вам есть одна просьба, — сказал он Сушме.

— Какая просьба? — Сушма вопрошающе взглянула на него.

— В воскресенье я направляюсь снимать в мавзолее Хумаюна...

Если бы вы тоже смогли прийти, надев свою накидку...

Сушма была удивлена, но и обрадована:

— Какую накидку?

— А ту желто-голубую, длинную и широкую...

— Ах... бабушкину?

— Ее название «бабушкина»?

Сушма и Видья рассмеялись.

— Вы не возражаете? — спросил Санджит.

— Только против того, чтобы вы не обращались ко мне на «вы».

— Я не отниму у вас, т. е. у тебя, много времени.

— Мое время не такое уж дорогое.

Вечером, ожидая Ашока, она подумала, что Ашок вовсе не видит в нем никакой ценности.

В субботу, сидя с Рекхой и Ашоком в кафе, Сушма спросила у Ашока:

— У тебя нет желания сбрить бороду?

— Ты разве не знаешь, что интеллигенты большей частью носят бороды? — сразу вставила свое слово Рекха. Все трое рассмеялись.

Рекха предложила выехать в воскресенье на пикник.

— Очень хорошее предложение, — отозвался Ашок, поглаживая бороду.

— Но я не смогу, — неуверенно проговорила Сушма.

— Почему, Ниша завтра приезжает? — спросил Ашок.

— Нет, она не приезжает, но мне нужно будет съездить... в одно место.

— Что за работа может быть в воскресенье?

— Санджит Гхошу надо сделать фотоснимки...

— А ты-то тут при чем? — сразу же спросил Ашок.

— Мне нужно быть с ним.

— Скажи ему, что ты не можешь.

— Я уже обещала, поэтому мне придется съездить. — ответила Сушма слегка сжатым голосом.

Рекха поняла ее затруднительное положение:

— То почему бы нам не устроить пикник в следующее воскресенье? Не смей ничего назначать на следующее воскресенье.

Сушма сразу же согласилась, но Ашоку все это не понравилось ни в малейшей степени. Когда Рекха ушла, он спросил у Сушмы:

— Кто этот Санджит Гхош?

— Фотограф, очень хорошо снимает... Я...

— Почему тебе нужно ехать с ним?

— Он... Он просто меня попросил.

— Но ведь в твои служебные обязанности не входит делать фотоснимки.

— Я не собираюсь делать фотоснимки, Ашок...

— Так зачем ты едешь?

— Санджит, кажется, хочет сфотографировать меня.

— Ох... Так ты станешь его фотомodelью! Ну, разве не так?!

— Мне... Я ему говорила... но...

Ашок протянул руку и положил ее на руку Сушмы:

— Не опутал ли тебя этот Санджит своими сетями?

— Пока не известно! — Сушма улыбнулась в ответ.

Ашок опять погрузился:

— Послушай, Сушма, скажи ему, что у тебя есть я.

— Что за глупости ты говоришь... Он просто по службе... Я с ним едва лишь знакома...

Действительно, она его совсем не знала. В воскресенье Санджит сделал несколько снимков мавзолея и Сушмы: стоя, сидя и анфас крупным планом.

Недели через три он появился с фотографиями, не скрывая своего воодушевления:

— Ты — номер один, то есть первоклассная модель!

Увидев фото, Сушма была поражена — неужели эта девушка она сама? В накидке бабушки она казалась на фоне мавзолея некоей царевной. Видья, просмотрев фото, сказала:

— Тебе следует бросать журналистику и становиться фотомodelью.

— Я хочу некоторые из этих снимков послать на конкурс, — сказал Санджит.

Через пару месяцев несколько наиболее живых снимков были помещены в каком-то журнале. Сушма об этом ничего не знала. Утром Видья показала ей тот номер, в котором была помещена статья о любовных интригах могольских императоров. Вскоре за ней пришел посыльный господина Сахни. Как только Сушма вошла в его кабинет, он воскликнул:

— Твой фото в журнале блистают как четыре луны... Ты оказалась переодетым Рустамом... — при этом его взгляд был направлен прямо на нее.

Сушма почувствовала себя неловко под этим взглядом... Такого ранее не было. Она прикрылась накидкой таким образом, будто пыталась от чего-то защититься. Господин Сахни перешел к обсуждению ее последней статьи.

Фото понравились и Рекхе, но дома и отец, и мать были недовольны — вплоть до того, что Раджан, выражая общее мнение, сказал, что девушки из хороших семей «такой» работой не занимаются. Сушма видела, что и Ниша, увидев эти фотоснимки, недовольна. Ниша и так была в отчаянном положении, но ей казалось, что если Нареш увидел бы эти фото, то он сказал бы невесте что. Свекровь же прямо скажет, что сестра Ниши не просто нашла себе работу, а нашла недостойную работу. Находясь в Дели, на расстоянии многих километров от дома свекра, Ниша не могла не испытывать этого страха.

Когда Сушма попыталась поведать Ашоку о царившем в доме настроении, он еще больше огорчился. Хотя фотоснимки были замечательными, они ему не понравились.

— Ну, зачем тебе понадобилось все это? — спросил он.

— Но он не обманывал меня...нет же...

— Но кто он такой, чтобы делать с тебя фотоснимки?

Сушма молча посмотрела на Ашока. Она не видела никакой причины для недовольства. В конце концов, ни она не причинила никому вреда, ни ей кто-либо.

— В будущем не смей заниматься ничем подобным, — сказал ей Ашок.

— Что ты имеешь в виду?

— А то, что на работе тебе следует заниматься только своим делом и нет нужды соваться в посторонние дела.

— Но, Ашок... — у Сушмы закружилась голова. Она надеялась, что Ашок поможет ей снять напряжение, возникшее дома, но и тут она столкнулась с тем же отношением.

Несколько дней спустя, измучившись, она поделилась своими переживаниями с Рекхой. Она была уверена, что Рекха ее поймет. Реакцию Ашока Рекха оценила совершенно определенно:

— Его голова воспламенена ревностью, — рассмеялась она, — Ашок, несомненно, боится того, как бы Санджит Гхош не вскружил тебе голову. — И добавила, — Увидев эти фото, Ашок уверен, что Санджит восхищен твоей личностью...

— Но если и так, допустим, то в чем тут моя вина? Я совершила какой-либо проступок, что он на меня сердится?

— Почему бы тебе не задать этот вопрос ему самому?

Несколько недель спустя, Санджит, прочтя в журнале новую статью Сушмы, сказал ей:

— Ты так наивна...

Вечером, когда она вышла из редакции и поджидала Ашока, она вновь случайно столкнулась с Санджитом, возвращавшимся с камерой на плече. Она посмотрела на часы.

— Если позволите, я сделаю снимок, называющийся «Тревога»?

Сушма улыбнулась.

Санджит остановившись рядом, закурил сигарету:

— Что там с Ранграджаном?

— Уже дня три помалкивает.

— Я слышал, он уходит из редакции.

— Правда? Где ты об этом слышал? — Сушма не могла скрыть своей радости. Она сможет освободиться от Ранграджана — как приятна сама эта возможность! Взглянув ей в лицо, Санджит рассмеялся. Она сильно смутилась. В это время Ашок, расплатившись с моторикшей, направлялся в ее сторону. Заметив оживленное лицо Сушмы и смеющегося Санджита, он прибавил шагу. Сушма заметила Ашока, когда он был рядом. Она тут же, слегка растерявшись, начала знакомить Ашока с Санджитом:

— Это — Санджит Гхош, который... а это — Ашок...

Санджит сразу же дружелюбно протянул руку. Ашок, хотя и пожал ее, остался серьезен. Сушма в растерянности переместила сумочку с правого на левое плечо. Санджит не собирался уходить. Тогда Ашок резко посмотрел на часы и сказал:

— Поздно... Нам нужно идти.

Не успела Сушма сделать и шаг, как Ашок, демонстрируя свое право обладания, обнял ее за плечи. Он впервые сделал это на улице.

В этот вечер они не пошли в кафе. Ашок повез ее к себе домой. Уже давно она там не была. С тех пор как Ашок вернулся с Гомукха, они встречались в кафе. Его мать уже перестала спрашивать о Сушме, поэтому, увидев ее с Ашоком, она удивилась.

— Давненько я тебя не видела, — сказала она.

— Не представляется случая из-за работы, — ответила Сушма, улыбаясь.

— Чистейшая ложь... Так уж много люди работают в своих конторах! — рассмеялся Ашок.

Всю дорогу Ашок выказывал серьезность и недовольство. Эта его шутка слегка успокоила ее. Как всегда, Бануа через какое-то время при-

нес приготовленные матерью закуски и сладости. Он хорошо помнил, как господин Ашок по отъезду отца и матери в Лакхнау каждый день приводил госпожу Сушму и выпроваживал его то в кино, то на базар. Как счастливо они проводили те дни.

Улучив случай, Ашок сказал ей:

— Санджит Гхош показался мне немного глуповатым.

«Но ты ведь с ним едва знаком», — хотела было возразить Сушма, но воздержалась.

— Подобные корыстолюбивые люди, ради личной выгоды, пытаются извлечь пользу из всего, что встречается на их пути, — сказал Ашок.

— Возможно, он и есть такой корыстолюбец. Я не знаю его так хорошо, поэтому ничего не могу сказать, — тихо ответила Сушма.

Это направление беседы изменилось с появлением отца. Вскоре должна была быть проведена забастовка учителей — не только его школы, но всех правительственных школ Дели. Отец находился в возбужденном состоянии. Наслушавшись лозунгов и призывов, раздававшихся на протяжении нескольких дней подряд, он изрядно от этого устал.

— Коррупция, которая осуществляется под левыми лозунгами, — это преддверие ада. — сказал он, расположившись в кресле.

— Неужто современное положение в обществе можно назвать раем? — громко и саркастически отозвался Ашок.

— То положение, которое было в наши времена, действительно, кажется раем. Тогда обращали внимание не только на деньги и удобства, но и на коренные цели, которые сегодня не замечают.

— Теперь люди не желают терпеть насилия. К чему терпеть?

— Дело в том, что все хотят, не прилагая усилий, жить на широкую ногу.

— Что вы такое говорите... Разве не ясно, что самые богатые и состоятельные люди общества работают меньше всего?!

— Возможно. Но если все пожелают иметь деньги без труда, то возникает опасность остановки всего общественного колеса.

— Те, кто перемалываются в колесе, вспомнив о себе, обязательно пробудятся... И в этом нет ничего плохого. По правде говоря, это — признак естественного хода истории.

— Что за глупости ты говоришь! Сейчас школьный учитель зарабатывает куда больше, чем в старые времена. По сравнению с прошлым несоизмеримо улучшились условия его жизни, но служебное рвение не возросло, а ослабло.

Сушма молча прислушивалась к оживленному спору Ашока с отцом. Они были оба раздражены. Выбрав момент, она сказала, что ей

нужно идти домой, и встала. Ашок проводил ее до автобусной остановки.

— Твои родители, вероятно, осуждают общение девушек с такими парнями. Они не весть что могут подумать обо мне. — сказала Сушма.

— Мама никогда ничего такого о тебе не говорила.

— Но если бы ты был девушкой, неужели бы они относились к тебе также безразлично и бездумно?

Ашок молчал. Затем, подумав, сказал:

— Ты неловко чувствуешь себя в присутствии моих родителей? Если это так, тогда тебе не следует с ними встречаться. Я никогда не буду тебе этого предлагать.

— Ты всю жизнь намерен встречаться в кафе?

— Сейчас я не могу говорить обо всей жизни... Хорошо, можно задать один вопрос?.. Ты всегда рассматриваешь настоящее так, будто хочешь разрешить затруднения всей жизни?

Заметив подъехавший автобус, Сушма быстро направилась к нему. Вопрос и ответ повисли в воздухе. Сидя в автобусе, она твердила про себя: «Суть в том, что я запуталась в твоём настоящем, возможно, надеясь на то, что эта путаница станет моим будущим. Поэтому, несмотря на стыд, я не боюсь появляться в твоём доме. Затруднение состоит в том, что я не могу сопротивляться твоему ясному и острому уму». — Кроме того, она чувствовала привязанность к его надеждам, желаниям, мыслям, далеким от обыденной жизни, возносящимся в заоблачные высоты или погружающимся в далекое прошлое, а также влечение к его глазам, из которых лучился свет неземных сновидений, — к тому, что никак не было связано с браком, семьей и домом.

Ниша, гулявшая на улице с Роми и Монти, первая заметила Сушму, направляющуюся к дому. Сестра была всецело погружена в себя. Ниша почувствовала, что Сушма сильно изменилась с тех пор, как приступила к работе. Она стала более уверенной в себе. Все (включая и отца) стали относиться к ней по-другому. Она возвращалась домой после наступления темноты, но никто не спрашивал, где была и почему задержалась. Бабушка, которая частенько заговаривала о ее свадьбе, теперь совсем оставила эту тему. Позавчера Раджан с гордостью рассказывал одному из своих приятелей о том, что Сушма работает в журнале. Отец и мать были недовольны тем, что фото Сишу появились в журнале, но никто из них не стал устраивать бурю в доме.

Сушма приблизилась. Заметив у дверей дома Нишу в сопровождении собак, она ощутила резкий укол в сердце — как печальна и бес-

помощна ее любимая Ниши. Неужели нет выхода из мрачного подземелья, в котором она оказалась после замужества?

Господин Чаудхри осуществлял многие дела своей кампании благодаря своим знакомствам. Действительно, он слыл хорошим игроком в бридж. Несколько лет он постоянно встречался по вечерам за этой игрой с первым советником Радживом Батрой. С некоторых пор по причине загруженности работой господин Батра перестал находить время днем. Теперь он появляется в клубе только по воскресеньям. Господин Чайтарджи из правления «Банка Гриндэйла» был осведомлен, что Чаудхри хорошо знает Батру. В субботу он поделился с Чаудхри своей обеспокоенностью.

— Что за обеспокоенность? — спросил господин Чаудхри.

— Мне не понятно отношение правительства к иностранным банкам. Слышал, что политика меняется... Ходят слухи, что к иностранным банкам будут применены суровые санкции... Мне хотелось бы узнать об этом поподробнее... Ты мне должен помочь.

Господин Чаудхри понял суть обеспокоенности.

— Ты в хороших отношениях с Ранджитом Батрой... — добавил Чайтарджи, поднеся к губам сигарету и делая глубокую затяжку.

Перспектива заняться с Батрой выяснением расклада политических сил в правительстве не очень-то увлекала господина Чаудхри, но он не мог ответить «нет». Чайтарджи назначил Раджану на следующий день собеседование по поводу приема на работу в банк. У Раджана не было никакой надежды получить такую работу, опираясь на собственные способности и силы.

— А если я вас сведу с Батрой и вы сами с ним обо всем потолкуете, а?

Чайтарджи, притушив окурочек сигареты, сказал:

— Вероятно, не удобно устраивать встречу в его кабинете — было бы лучше, если бы мы встретились у вас дома или в клубе, — а в беседе участвовали бы только мы трое.

— Я приглашу его в клуб отобедать. — согласился господин Чаудхри.

Когда он вернулся домой, бабушка сообщила, что у Шанти сильная лихорадка.

— Давно? — спросил господин Чаудхри.

— С обеда... но к вечеру усилилась... — ответила бабушка.

— Врач уже был?

— Ты же знаешь, что Шанти не доверяет врачам. Я ей несколько раз предлагала вызвать по телефону доктора Бери... но...

— А где Сушма и Раджан? — господин Чаудхри, как обычно, уселся в кресло на веранде и стал снимать туфли.

— Они еще не вернулись... Возле Шанти сидит Ниша.

— В этом доме нет никакого порядка. Все приходят, когда им вздумается... Это — следствие попустительства Шанти.

Ниша, сидевшая в комнате матери слышала это ворчание отца. Должно быть, слышала и лежавшая в жару с закрытыми глазами Шанти. Как всегда, она ничего не ответила. Ниша и Сушма хорошо знали это ее обыкновение. Помимо спокойного молчания матери ее дочери никогда не видели никакой другой реакции.

Когда в половине десятого вернулись Сушма и Раджан, Джагат Синх подал на стол. Увидев их, у отца вздулись от гнева щеки, напрыглись скулы и поджалась губы.

Увидев, что у матери сильный жар, Сушма поняла, что было бы лучше после работы сразу явиться домой. Потом, лежа в постели, она раздумывала о том, почему она, в конце концов, каждый вечер в силу какой-то дурной привычки спешит на свидание с Ашоком. Сегодня он раздражался на нее по всякому пустяку. Среди его колкостей была и такая:

— Несмотря на весь твой ум, ты хочешь жить как обычная женщина, превратившись в лягушку в колодце!

— Допустим, я и впрямь похожу на глупую лягушку в колодце, но почему ты, витающий среди звезд за облаками, водишься со мной? — парировала Сушма.

— В надежде на то, что однажды ты выберешься из своего колодца, и я покажу тебе бескрайнее небо.

Покачивая головой, Сушма ответила:

— Ты не способен понять, Ашок! Ты утром, вечером, ночью — в любое время свободно выходишь на улицу, засунув руки в карманы и насвистывая песенки. Я весь вечер наблюдаю за тобой: твои движения, поведение совершенно свободны. А посмотри на меня... или взгляни на Рекху... разве мы можем без смущения, совершенно свободно выйти на улицу? Мы приучены оглядываться назад — постоянно озабочены мыслью о том, кто и с какой стороны приближается. Нам не возможно поднять взор к небесам и смотреть на звезды.

— Пописывая статьи, ты и сама начала выражаться витиевато, как все писатели! — меняя тему разговора, отозвался Ашок.

Сушма решила, что несколько дней не будет встречаться с Ашоком. Но сердце ослушалось. На следующий день она вновь оказалась в кафе. Ашока еще не было. Ожидая его, она подумала, что на ее месте, если бы

у него заболела мать, то он, вероятнее всего, остался бы подле нее. Он всегда поступал сообразно обстоятельствам. Почему же и она не может поступать таким же образом? У нее, что же, нет выхода? Дело не в том, что она хочет ясно заявить о том, что ни в чем не собирается уступать Ашоку. Но Ашок в любой ситуации желает оставаться свободным, не связанным никакими путями.

Болезнь матери и собеседование Раджана явились двумя причинами, по которым настроение отца совершенно испортилось. Утром он отчитал Джагат Синха. Тот забыл почистить его туфли. На самом деле, он не забыл, но просто ввиду болезни матери не справлялся со всей работой. Ниша старалась изо всех сил, чтобы во время всех накормить. Она не забывала положить в пластиковые коробочки и обед Сушмы, как это делала мать. Вероятно, во всех домах хватает суеты по утрам. Проводив кого в колледж, кого на работу и дав лекарство матери, Ниша принимала душ. С болезнью матери вся тяжесть забот по дому навалилась на плечи Ниши. Однажды мать подумала, что было бы хорошо, если бы Сушма могла помочь Нише, но вместе с тем она не могла не видеть, что благодаря всем этим хлопотам Ниша стала выглядеть более здоровой и радостной. В ней нуждаются в этом доме — это стало ее опорой.

Несколько дней спустя позвонил по телефону из Чандигарха Нареш и спросил, когда она возвращается. Он также зачитал составленный свекром и свекровью длинный список тех вещей, которые она должна выслать в Чандигарх. Лицо Ниши вновь помрачнело. Сердце матери, заметившей это, наполнилось болью. После отъезда Ниши в Чандигарх у нее пропал аппетит. Перед сном, закрыв глаза, она ясно видела заплаканное и поникшее лицо Ниши, выходящей из дома. У нее тогда появилось неодолимое желание не отпускать ее в Чандигарх. Сказать бы ей, что она не в силах видеть ее такой несчастной. Но слова, готовые слететь с языка, так и не были произнесены — веками закладывавшиеся стереотипы поведения наложили печать на ее уста. Только глаза не подчинились — и из них хлынул поток слез.

Ашок, выслушав рассказ об этом от Сушмы, сказал:

— Если Ниша так несчастна, то почему она не разведется с ним?

— Что ты такое говоришь, Ашок? Разве замужество это игра в куклы, которая может быть расторгнута по прихоти?

— Но если браки заключает господь, тогда разве они не могут расторгаться по его велению?

Сушма промолчала.

— В Америке очень мало крепких браков. Большинство вступает в брак два-три раза, — сказал Ашок.

— Это, что же, — замечательный обычай, и нам следует перенять его?

Я не сомневаюсь, что брак, семья и прочие подобные устои постепенно разрушатся и станут достоянием истории. В современной жизни они приносят мало пользы, но — много вреда.

— Ты говоришь, что в Америке два-три раза вступать в брак — обычное дело. Из этого следует, что пока еще не появилось никакого института, который бы смог заменить брак, — возразила Сушма, набравшись смелости.

— В Америке не появилось, но как знать, может быть, появиться в какой-либо иной стране. Вот посмотри, большая семья исчезает в нашей стране на наших глазах. В больших городах ее можно обнаружить только там, где отец и сын основывают свое существование на наследственном состоянии. Имущество является основой семьи.

Сердце Сушмы подсказывало ей, что это — не вся истина, а Ашок внимательно смотрел на нее. Опять собрав воедино всю свою смелость, она сказала:

— Смысл сказанного тобою состоит в том, что подобно тому, как сын, поступивший на службу, становится независимым от большой семьи, так и женщины, становящиеся экономически независимыми, разрушают семью...

Ашок, опуская чашку, кивнул головой в знак согласия.

— Рекха утверждает то же самое, — добавила Сушма, улыбнувшись.

— Рекха высказывает много такого, глубины чего она совсем не понимает.

— Так как она подобно тебе не училась в Америке, не так ли? — рассмеялась Сушма.

Ашоку эта шутка не понравилась.

Когда Сушма утром вошла в редакторскую, Видья протянула ей завернутый в цветную бумагу подарок.

— Ой, откуда ты узнала, что у меня сегодня день рождения? — спросила Сушма с удивлением.

— С помощью волшебства. — ответила Видья.

Сушма работала в журнале уже несколько месяцев и за это время близко сдружилась с Видьей. Она была ее главной советчицей. С ее помощью она научилась уклоняться от выпадов Ранграджана. Теперь она в одно ухо впускала его болтовню, а через другое выпускала. Тем временем Ранграджан, как и говорил Санджит, подал заявление об уходе,

но, как и предсказывала Видья, через месяц его забрал назад. По словам Видьи, «он не был одним из тех, кто оставляет работу».

Вечером, завершив работу, Сушма вскинула на плечо сумочку и собралась уходить, как тут в дверях появился Санджит.

— Можно войти? — спросил он.

Прежде чем Сушма успела ответить, он вынул из-за спины букет цветов и протянул ей. Увидев красные цветы и смеющиеся глаза Санджита, лицо Сушмы от неожиданности, радости и стыда загорелось румянцем. «К чему это?» — спрашивали ее глаза.

— Можно испросить у тебя одолжения — не могли бы мы где-нибудь выпить чашечку кофе?

Сушма быстро взглянула на часы. Ашок, должно быть, уже ждет.

— Ты торопишься? Куда-то нужно? Хорошо, тогда завтра... — сказал Санджит.

— Да, завтра...

— Договорились!

— Да, договорились.

Сушма, выходя на улицу с букетом цветов, чувствовала себя приподнято. Осмотревшись, она не обнаружила Ашока. Она сказала Санджиту:

— Я здесь должна подождать.

— Если нет возражений, я составлю тебе компанию, — отозвался Санджит, доставая из кармана сигарету.

Ашок сегодня задерживался больше обычного — так казалось Сушме. Она то и дело посматривала на часы, затем на улицу. Когда прошло с полчаса, она сказала Санджиту:

— Уходи же, сколько, в конце концов, ты можешь стоять со мной рядом на улице?

— Все, это — последняя сигарета, — ответил Санджит.

Увидев цветы, Ашок спросил:

— Ты чего такая радостная стоишь здесь с этим?

Сушма не ответила.

— Кто подарил? — вновь спросил Ашок.

— Видья. — само собой сорвалось с уст Сушмы.

— Ох!

Сушма не замедлила догадаться, что у Ашока плохое настроение. Еще раз в голове мелькнула мысль о том, что совершенно глупо встречаться каждый вечер. Направляясь домой, она, собравшись с духом, сказала:

— Ашок, завтра вечером... я буду занята... мы не сможем встретиться.

— Чем?

Посмотрев на молчащую Сушму, Ашок подумал, что, вероятно, ей не нравится то, что он сердится по всякому поводу. Улыбнувшись, он сказал:

— Sorry²⁵, Сушма, мне нужно было тебе сказать раньше, что день в колледже выдался беспокойный, к тому же, болит голова.

Сушма улыбнулась, заметив в глазах Ашока признаки нежности.

Назавтра, выйдя из редакции, Санджит сразу же спросил:

— Ну, говори, какой ресторан ты предпочитаешь?

Сушма посмотрела вверх. Наступал вечер. Небо совершенно прояснилось после дождя.

— Почему бы не поехать к мавзолею Хумаюна? — спросила она.

Санджит сразу же согласился. Он остановил проезжавшее мимо такси.

У мавзолея людей было не много. Со всех четырех сторон в воздухе колебались, будто волны, вереницы птиц. Невдалеке расположился торговец мороженым. Сушма выказала желание посмаковать мороженое

²⁵ Извини (англ.).

вместо кофе. Санджит поймал что-то своими глазами, напомиравшими фотокамеры, и стал рассматривать. Сушма спросила:

— Скажи-ка, ты когда-нибудьмотришь своими глазами или уже разучился?

Санджит расхохотался. Затем, став серьезным, сказал:

— Когда я смотрю на тебя, то смотрю только своими глазами.

На следующий день Ашок спросил ее при встрече:

— Чем ты занималась вчера?

— Ездил в мавзолей Хумаюна. — Сушма попыталась придать тону своего голоса непосредственность.

— И тот твой фотограф тоже ездил?

— Ездил.

Ашок изумился.

— Почему ты дружишь с такими пустыми людьми? — Ты не видишь разницы в хорошем и плохом!

— Ты же совсем не знаешь Санджита... видел его лишь раз несколько минут...

— Я больше знаю людей... Я сразу распознаю подобных типов. Ты не должна с ним встречаться.

На этот раз изумилась Сушма:

— Что ты такое говоришь, Ашок!

— Следует понимать, что его общество тебе нравится... не так ли?

— Что с тобою сегодня случилось? — спросила с удивлением Сушма.

Ашок и сам почувствовал, что он переборщил. Он положил свою руку на руку Сушмы и сказал:

— По правде говоря, мне ни с кем не бывает так приятно встречаться, как с тобой.

Сушма не могла скрыть своей радости. Она с силой сжала руку Ашока.

— В следующее воскресенье будет концерт Равишанкара²⁶, пойдём? Я позабочусь о билетах, — предложила Сушма.

²⁶ Родился 7 апреля 1920 года — индийский композитор и виртуоз игры на ситаре. Дружил с гитаристом Джорджем Харрисоном (тоже игравшем на ситаре) из группы The Beatles. В 1980-х концертировал вместе с Иеугуди Менухиным. согласно «Книге рекордов Гинесса» его музыкальная карьера — самая продолжительная в мире (длится уже более шести десятилетий). Рави Шанкар имеет множество премий, наград, и почётных званий, в числе которых — три премии «Грэмми» и 14 почётных докторских титулов. Он — отец известной певицы Норы Джонс, в активе которой восемь «Грэмми».

Ашоку очень нравилась игра на ситаре в исполнении Равишанкара. Предложение ему очень понравилось. На следующий день во время обеда Сушма направилась покупать билеты. В очереди она простояла около получаса. Наконец, вернувшись в редакцию, у дверей она столкнулась с Санджитом.

— Откуда ты летишь на такой скорости? — спросил он.

— Ходила покупать билет. На воскресный концерт Равишанкара.

— Если бы сказала мне, то я провел бы тебя без билета — я его знаю... правда...

— Ты знаешь Равишанкара?!

— Да, я тоже люблю играть на ситаре.

— Правда?

— Санджит громко рассмеялся:

— Нет, ложь!

В воскресенье, когда они с Ашоком подошли к концертному залу, Сушма сказала:

— Сегодня мы можем встретиться с Санджитом. — Она хотела еще добавить: «Ты, пожалуйста, не сердись из-за этого», — как в это самое время в белом наряде перед их глазами появился Санджит. Он сразу заметил в толпе Сушму. Он приблизился к ней и Ашоку и, улыбнувшись, сказал:

— Рави и его группу уже пригласили на сцену — идемте вон туда!

Сушма тут же взглянула на лицо Ашока — как бы предложение Санджита не оскорбило его. Предложение ему не понравилось, но он не поджал губы.

Зал вскоре наполнился до отказа. Равишанкар был на сцене в окружении своей группы. Сначала он исполнил рагу Мультиани. Это была одна из самых любимых мелодий Санджита, которая сразу же с первых тактов захватила его целиком. Сушма тоже ощутила себя как бы в некоем ином мире. Ашок, сидевший рядом, слушал с задумчивым видом, как вдруг он нечаянно поймал очень нежный взгляд Санджита, устремленный на Сушму. Мгновенно губы Ашока поджались, и он положил на руку Сушмы свою руку. Сушма внезапно спустилась с небес на землю.

В перерыве Санджит спросил:

— Будете чай?

— Нет... У буфета такая толпа, — сказала Сушма.

— Не важно, сейчас принесу, — сказал Санджит и ушел.

Сушма и Ашок стояли в углу фойе. Вдруг Ашок сказал:

— Пойдем домой.

— Домой?.. Почему?

— Сегодня отец и мать на пару дней уехали в Сахарнпур²⁷... Дома никого... Пойдем же...

— Но... а окончание концерта?

²⁷ Город в Индии (ок. 500000 жителей), центр округа в штате Уттар-Прадеш. Основан во времена Империи Великих Моголов. В 1340 году правитель Делийского султаната Мухаммед бин Туглук приказал назвать эту местность «Городом Шах-Харанпуром» в честь местного святого суфия, звавшегося Шахом Хараном Чишти. Могила святого расположена в старейшем квартале города. Могольский император Акбар I Великий даровал местность Радже Шах Ран Веер Сингху, знатному джайну при своём дворе, который заложил современный город. Город был окружён стеной и имел четверо ворот: Сарай, Мали, Буриа и Лакхи. Сохранились руины старого форта Шах Ран Веер Сингха. Им так же был построен большой джайнский храм.

— То, что в программе... — Ашок не успел закончить фразу, в это время появился Санджит с двумя чашками чая.

По поведению Ашока было ясно, что он взбешен, но сейчас подняться и уехать домой — это не может не показаться глупым. Что подумает Санджит?

Игра на ситаре после перерыва была просто превосходной. Но как обычно бывает на таких концертах, в конечном счете, в зале остались только истинные ценители, остальные потихоньку разошлись.

Как подметил Ашок на следующий день в разговоре с Сушмой, большинство появляется на концерте только для того, чтобы показать самих себя и тем самым свою принадлежность к разряду людей, являющихся любителями музыки, танца и литературы.

В тот воскресный вечер господин Чаудхри пригласил Чайтарджи Бабу и Батру в клуб отужинать. Перед ужином он отыграл с Батрой партию в бридж, во время которой шутил больше обычного. Также пили виски, благодаря чему Чайтарджи не чувствовал скованности. За столом он смог задать Батре волновавшие его вопросы. Батра, отвечая, сказал:

— Дело в том, что пока еще не выработана формула политики.

— В каком направлении идет эта работа? У вас ведь есть какие-то соображения... Вы же являетесь творцом политики... Ваш господин министр всецело полагается на вас... слышал, что он сам мало что понимает, — сказал Чайтарджи с улыбкой.

Батре понравились эти слова. Он сразу же ответил, прожевывая нежный кусочек курятины:

— Мистер Чайтарджи, дело совершенно ясное. Во время выработки политики правительства всегда нужно иметь в виду две вещи. Прежде всего, она должна быть «любима народом» и «направлена на благо народа». Поэтому ее характер до некоторой степени должен быть или изображаться левым.

— Я с этим согласен, — Чайтарджи подтвердил свое одобрение кивком головы.

— С другой стороны — несущая обшество колонна, вроде вашего банка или кампаний, — сказал Батра, глядя в сторону господина Чаудхри, — колебать которую представляется крайней ошибкой — totally unproductive²⁸ — вы понимаете?

— О да, я с вами совершенно согласен, — ответил Чайтарджи, подкладывая рис себе на тарелку.

²⁸ Совершенно бесплодно (англ.).

— Через десять месяцев будут выборы... Их тоже нельзя оставить без внимания... Сейчас не допустимо предпринимать такие шаги, которые могут нанести вред любой основной части общества и вызвать у нее сомнения в отношении правительства... — сказал Батра, вынимая сигарету.

Чайтарджи тут же поднес ему зажигалку и сказал:

— Мистер Батра, я боюсь прямо перед вами возносить хвалу вашему тонченному разуму, но обязан сказать, что я получил огромное удовольствие от встречи с вами.

На лице Батры появилось выражение удовольствия. Чайтарджи выказал и дополнительное внимание, предложив знаменитую английскую сигарету «Бенсон и Хэджис», открыв перед ним золотой портсигар. Он решил, что завтра передаст Батре через шофера такой портсигар с наилучшими пожеланиями. Прощаясь с господином Чаудхри, Чайтарджи сказал:

— У Раджана все в порядке, никакого беспокойства?

— Благодаря вашей доброте... — ответил господин Чаудхри.

Когда он вернулся домой, в комнате Сушмы еще горел свет. В комнате Раджана было темно. Неожиданно он вспомнил Нишу и невольно пробормотал молитву, прося бога даровать ей счастье. Шанти подсчитывала семейный бюджет. На этот раз расходы были больше обычного. Пришлось потратиться, с одной стороны, на покупки для свекров, с другой — на новую одежду для Раджана. Но сейчас так поздно ночью она не сочла удобным говорить мужу о возросших расходах. Он вернулся усталым. Не трудно догадаться, какой груз лежит у него на душе.

Лежа в постели, Сушма думала о том, какую бы отговорку ей придумать, чтобы ее отпустили после обеда с работы. Она обещала Ашоку, что будет у него дома в три часа. На работе было все как обычно. Она, сославшись на головную боль, после обеда ушла и на моторикше прибыла к дому Ашока. Дверь была закрыта. Не было и Бануа. Она уселась в тени дерева гуаяваххiv. Ашок, увидев ее там, извинился:

— Very sorry²⁹... Тебе пришлось ждать...

— А где Бануа? — спросила Сушма.

— У него заболела мать, он пошел ее навестить, — ответил Ашок, открывая замок.

— Что случилось? Ты выглядишь обеспокоенным.

— Лекции в колледже, студенты — иногда хочется бросить все!

— Но тебе ведь нравилось работать преподавателем...

²⁹ Восьма извиняюсь (англ.).

— Это верно, но среди тридцати студентов только четыре-пять хотят учиться, остальные... принадлежат к тем людям, которые хотят жить, не утруждая своей головы... бесполезно напрягать свой мозг ради них.

— Если им удастся жить счастливо, ни о чем не думая, то и хорошо... Не утруждай свою голову из-за них... — сказала Сушма, снимая свои туфельки.

Ашок ее не слушал, весь поглощенный ее созерцанием.

Когда Бануа возвращался к ним домой, он заметил господина Ашока и Сушму на автобусной остановке.

— Завтра придешь? — спросил Ашок.

— Завтра будет трудно отпроситься... Намечено собрание.

— Отпросись на весь день.

— Но я сегодня отпрашивалась.

— Please... — взмолился Ашок, глядя на нее глазами, пьяными от любви.

Собрание в редакции созвал господин Сахни. Все же Ашок надеялся, что Сушма сможет отпроситься и, обязательно, придет. Сушма боялась вновь прибегать к предлогу, но у нее было такое сильное влечение к Ашоку, что она не могла с собой ничего поделаться. Ноги сами быстро понесли ее к автобусной остановке — они ей тоже не подчинялись. Она подумала, что вот это, должно быть, и называют «любовной привязанностью».

Увидев ее, Ашок сказал:

— Я уже думал, что ты, наверно, не придешь.

— А ты, что, не ходил в колледж?

— Нет, сегодня нет занятий... Как было бы прекрасно, если бы отец и мать не приезжали сегодня вечером!

Сушма также подумала о том, что вновь придется бороться с раздражением, порождаемым ежедневными встречами в кафе. Если бы был свой дом, то этого горя не было бы. Эта мысль и ранее появлялась у Ашока. Но у отца и матери предложение жить отдельно — в одном городе! — вызовет столбняк. Тут и думать нечего. В Америке это совершенно не считалось неестественным, но это — не Америка.

— О чем ты думаешь? — спросила Сушма.

— О том, что в нашей стране двое людей никак не могут быть вместе просто потому, что они этого хотят... Кроме брака нет никакого другого исхода... Это те самые прочные устои нашего общества, которые в определенном смысле держат всех в заточении... Никто не может быть свободным...

«Эти устои есть во всяком обществе», — хотела было возразить Сушма, но сдержалась.

Вечером, глядя на то, как она закутывается полой сари, будто шалью, Ашок предложил:

— Холодно? Не накинешь ли шаль матери?

— Нет, я ведь иду домой... — ответила Сушма. Но Ашок быстро вынес из комнаты матери ее шаль и сказал, накидывая ей на плечи:

— Ты стала такой родной, что мне больно видеть, что ты уходишь из дому. По правде говоря, если бы ты была готова порвать путы общественных и семейных предрассудков, то мы были бы вместе.

Сушма, широко раскрыв глаза, спросила:

— Что ты имеешь в виду?

— А то, что, и поженившись, можно жить, не считаясь с устоявшимися традициями и стереотипами поведения. Ты можешь отказаться от всех этих забот о родственниках, детях, доме?

— Сушма посмотрела в сторону Ашока, и на ее губах заиграла легкая улыбка.

Она долго не могла уснуть этой ночью. Вновь и вновь она возвращалась к одной и той же мысли: «Как я счастлива! Как умен Ашок, как чистосердечен...»

Когда Рекха узнала о предложении Ашока, она сказала:

— Ну, тогда нельзя упускать время. — И добавила, — А дома уже знают?

— Нет, еще не представился случай, — ответила Сушма.

Вскоре после этого, улучив момент, она сначала рассказала об этом матери. Та, узнав об Ашоке, весьма удивилась. Но, помня об отчаянном положении Ниши, она не высказала ни одного возражения. Ашок был образован. Несколько лет жил в Америке. Да, у него обыкновенная работа — это не понравиться отцу.

— А чем занимается его отец?

— Директор государственной школы.

— Гм... А братья-сестры?

— Он один.

— Ты хочешь жить на уровне учителя? Сможешь ли?

Сушма не ответила. Она вдруг вспомнила, как Ашок говорил: «О том, высок или низок уровень, судят исключительно по деньгам».

— А твоя работа? — спросил отец.

— Я не собираюсь оставлять работу. Ашок также не хочет, чтобы я ее оставила.

Самые тонкие вопросы были заданы бабушкой. Она расспрашивала о его дядях, дедах и даже прадедах. Удивительным было то, что Ашок очень понравился бабушке. Наконец, по приглашению Сушмы, он однажды пришел к ним домой. Да, узнав, что он приехал на автобусе, отец поморщился. На самом деле, он приехал на моторикше, не изменяя своим

привычкам, но на вопрос отца о том, как он добрался, он быстро ответил:

— Автобусом.

— Сушма говорила, что ты пишешь книгу? — спросил отец.

— Да, только начал.

— В каком университете ты учился в Америке?

— Беркли.

— О!

Отец взглянул на часы и спросил:

— Играешь в бридж?

— Раньше играл... Но уже давно не играю.

Отец уехал вскоре в клуб, а беседа продолжалась за чаем между Ашоком и Раджаном. Имя Ашока было знаменитым в Делийском университете. Все его именовали «блестящим историком».

Бабушка внимательно рассматривала Ашока. Ей нравилась его естественная простота. Парень был всего лишь учителем. Семья тоже была простой. Он благодаря собственным способностям попал в Америку и вернулся. В разговоре и поведении ничего деланного. Бабушка, когда бы ни посматривала на Сушму, видела, что ее лицо светиться от счастья. У матери в голове застряла лишь одна мысль: в деле Ниши совершили слишком много ошибок. Да спасет ее господь от этой недоли!

Глядя на радостное лицо Сушмы, мать желала только одного, чтобы она всегда была такой. Ашок был всего лишь учителем, но вовсе не казался жадным. Но кто знает, не ведомо, какие надежды связывают со своим детищем его родители — все это выясняется не сразу. По мнению Сушмы, Ашок выказывал точно такую же почтительность, как и в случае прихода к нему хороших знакомых. Он не чувствовал необходимости в помощи Джагат Синха, чтобы навести порядок в комнате или одеть униформу.

Нельзя сказать, чтобы отец удивился, узнав о желании Ашока жениться. Возможно, он знал, что те, кто бояться разговоров о женитьбе и семье, в конце концов, сами находят правильный путь. Сушма не была ни красавицей, ни особо талантливой. Обычная девушка. Была только одна необычная особенность, а именно, то, что она была журналисткой. Девушки обычно работают врачами и преподают, редко занимаются чем-либо иным. Но сейчас все меняется. Часто, выйдя замуж, девушка оставляет работу. Но его расстроило заявление о том, что Ашок не намерен устраивать свадьбу в духе индусских традиций, что брак будет засвидетельствован в государственном учреждении всего лишь их подписями. Ашок в этом вопросе был определен и непреклонен, так что спорить было бесполезно. В некоторых вопросах отец тоже был непреклонным.

Например, по поводу обычая давать приданное. Он ясно высказал свое мнение при первой же встрече с господином Чаудхри.

Господин Чаудхри на встречу с господином Упадхьяем приехал вместе с супругой. Мать Ашока оказала им большое почтение, как и подобало. Мать Сушмы не отказалась от ее угощений. Тогда как в доме свекра она не пожелала даже воды. Отец, окинув взглядом убранство комнаты, сразу определил уровень их благосостояния. Помимо плетеных и деревянных стульев здесь находился платяной комод, на котором стоял проигрыватель Ашока. Господин Упадхьяй заметил, что этот проигрыватель Ашок привез из Америки — ему очень нравится музыка. Да, история и музыка.

Потом он сообщил, что со следующего года уходит на пенсию. После этого намерен переехать жить в Лакхнау. Там живет его брат — и у него там есть свой дом.

— Возможно, будет непривычно жить в небольшом городе, прожив всю жизнь в Дели, — сказал господин Чаудхри.

— Да, это верно... Но меня утешает мысль о том, что Ашок до нашего отъезда создаст свою семью. С тех пор как я узнал Сушму, я предполагал, что она станет украшением нашей маленькой семьи. — сказал отец Ашока.

Господин Чаудхри удивился — господин Упадхьяй знает Сушму, как видно, уже давно — и сказал:

— Ни о чем не беспокойтесь, мы сделаем все, что в наших силах, чтобы обеспечить их всем необходимым для начала совместной жизни.

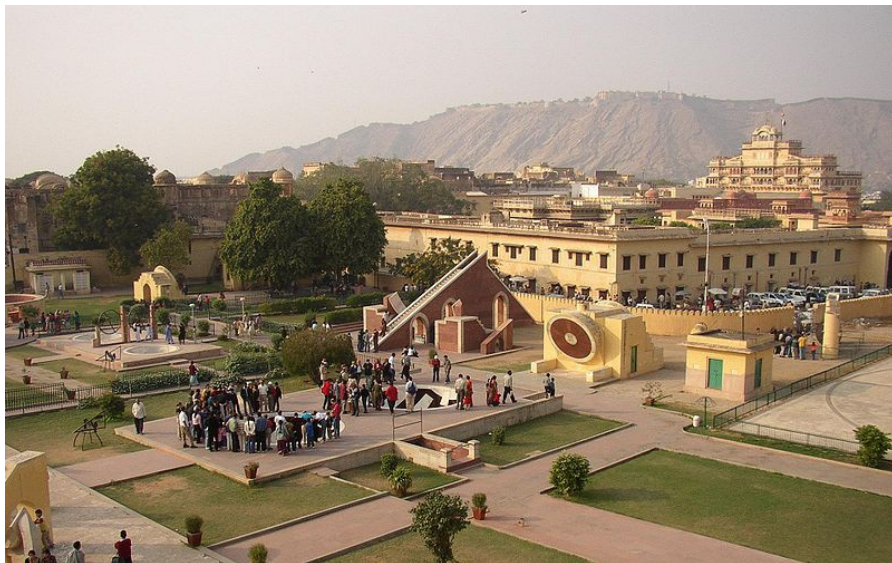
Отец Ашока сразу же возразил:

— Вы, кажется, неправильно меня поняли. Кроме Сушмы мы от вас ничего больше не примем. Я против обычая давать приданное и прошу вас, чтобы вы в этом поддержали нас. — господин Чаудхри был поражен.

Мать Ашока давно знала о дружбе сына с Сушмой. Но когда он говорил, что не хочет погружаться в рутину брака и семейной жизни, она не чувствовала недовольства. Возможно, потому, что он был ей не просто сыном, но, до некоторой степени, ее духовной опорой. Мать никогда не поднимала голос против отца, но судьба даровала ей защитника. Он так глубоко понимал все ее озабоченности. Но после свадьбы не уйдет ли он с головой в свои собственные заботы до такой степени, что для матери у него не останется времени?

Мать взглянула в счастливое лицо Сушмы и ощутила легкий укол в сердце.

По поведению господина Чаудхри было ясно, что он принадлежит к кругу англофильских господ. Мать терялась в догадках, что такого нашел Ашок в Сушме и ее семье.

Джантр-Мантр (Обсерватория) в Джайпуре

Оставалось всего лишь три месяца до ухода отца на пенсию, когда Сушма стала членом этого знакомого мирка, состоявшего из двух с половиной комнат. Она взяла отпуск на три-четыре недели. После свадьбы они с Ашоком сразу же отправились в путешествие в Джайпур³⁰, Удайпур³¹ и Джайсалмер³². Не было пределов воодушевления Ашока — была б на то его воля, они с Сушмой носились бы как стрекозы. От автобусной тряски, вони выхлопных газов и пыли пустыни у Сушмы не раз начинала кружиться голова, но Ашоку было хоть бы что. Сушме казалось, что он разыскивает под камнями и развалинами древних строений какой-нибудь клад, спрятанный с незапамятных времен.

³⁰ Джайпур (Розовый город) — столица Раджастана — основан в 1727 г. махараджей Джай Сингхом II, правителем Амбера и создателем грандиозной обсерватории Джантр-Мантр.

³¹ Удайпур («Город Рассвета»), также называемый «Озерным градом», является административным центром района в штате Раджастан. Основан в 1559 г. махараджей Удай Сингхом II как столица княжества Mewar.

³² Крепость построена в 1156 г. правителем Джайсалем на трехгорье, возвышающемся на 80 м и защищена 99 бастиями, напоминающими о 99 крепостях Вритры «Риг-веды». В крепости живут тысячи людей, расположены княжеские палаты, джайнские храмы, дома и лавки торговцев.

Удайпур

— Сушма, тебе никогда не приходило в голову, что люди в этих маленьких деревнях, возможно, живут точно так, как жили их предки много столетий назад?.. Кажется, что на большинство обитателей этой провинции время не оказало никакого влияния... — сказал Ашок.

Сушма осматривала окрестности из окна мчавшегося вперед автобуса — вот на глаза попался подросток лет десяти, сидевший на куче камней. В руках у него была палка, на теле — грязная широкая рубашка. Он должно быть с утра пасет коз. Спутанные волосы на его голове развеваются ветром. Автобус бежал вперед. Верно говорит Ашок. Отец и дед этого мальчика точно также пасли здесь коз. Различие только в том, что они видели караваны проходивших мимо верблюдов. Ашок говаривал: «Вероятно, именно по этой причине в нашей стране нет интереса к истории... Какой может быть смысл у истории там, где время застыло либо совершает перед взором однообразные круги?!»

Сушма взглянула на Ашока. Его глаза были устремлены в какую-то даль... Куда-то очень далеко отсюда... Вдруг резкий толчок автобуса вернул его к действительности. Проснулся и человек, спавший на кресле впереди. Было уже не далеко до Джайсалмера. На горизонте на алом фоне зари появились очертания крепости. По мере приближения эти очертания разрастались, так что казалось, будто крепость поднимается из песка пустыни и усаживается на дюну.

Крепость в Джайсалмере

Когда Сушма и Ашок, со своими вещами добрались до гостиницы, стало уже темно. Ночи в пустыне замечательны. Солнечный свет и жар песка расплавляют небо, и оно становится ночью таким чистым, что на его безбрежном пространстве звезды сияют еще ярче. Насколько бы ни была уставшей Сушма, она не могла не задержаться на несколько мгновений под этим раскрывшимся ночным простором.

После дневных экскурсий Ашок, как только они возвращались в отель, тут же кидался в душ. Иногда после просьб и соответствующего подношения, бакшиша, им удавалось уговорить одного служителя гостиницы приготовить им пищу. Раджастанская кухня чрезвычайно перченая. Вплоть до того, что у Сушмы появлялись на глазах слезы. Но вскоре она к ней привыкла. Время бежало быстро. Наконец, через четыре недели утренним поездом они вернулись домой. Бануа, увидев их, встрепенулся от радости.

— Что случилось, Бануа? — спросила мать.

— Матушка, возвращаются господин Ашок и госпожа Сушма!

— Так иди поднеси им вещи! Что ты подпрыгиваешь? — сказал отец, открывая дверь. Он и сам направился к воротам. Ашок рассчитывался с таксистом. Сушма осматривала вещи.

Омывшись, Сушма за столом сказала:

— Мама, ты знаешь насколько перчена раджастанская пища, о боже!

Отец очень тщательно расспрашивал о каждом месте. Разговор продолжался бесконечно.

Сушма сказала Ашоку:

— Я пойду с почты позвоню домой.

— К чему спешить? Позвонишь как-нибудь попозже. — отозвался тот.

Но Сушму не возможно было остановить. Она быстро ушла и через некоторое время вернулась бегом.

— Что случилось? — спросил Ашок, взглянув на ее оживленное лицо.

Еле переводя дух, Сушма сообщила, что у Ниши появилась девочка. Восемь дней назад. Она хочет немедленно ехать в Дифенс-колони.

— Поедешь со мной? — спросила она у Ашока.

— Раз тебе нужно ехать, то поезжай. Но не требуй, чтобы я впутывался в эти семейные дразги.

Сушма во время путешествия для всех родных покупала подарки. Уложив их в сумку, она собралась ехать в Дифенс-колони.

— Я, скорее всего, не успею вернуться к ночи. — сказала она, уходя.

Это не понравилось Ашоку.

Ниша еще не дала имени крошечной куколке. Сушма скоро узнала, что в доме свекра никто не выразил радости по поводу рождения девочки. Нареш до сих пор не побеспокоился приехать сюда из Чандигарха. У нее нет сомнений в том, что и по этому случаю список заказов Капуров будет не малым. Сушме показалось, что лицо Ниши стало более серьезным и отрешенным. Ведь у нее была девочка, да к тому же и не светлокожая. Мать сказала:

— Цветом и личиком она похожа на свою тетю.

Сушма взяла спавшую куколку на руки и прижала к своей груди. Ее сердце исполнилось к ней огромного чувства нежности.

Отец ушел в клуб, Раджана также не было дома. Оставшись с матерью наедине, Сушма спросила:

— Что происходит? Ниша выглядит такой отчаявшейся. Да и атмосфера в доме кажется какой-то необычной...

— Что сказать... Не известно, что написано в книге судьбы этой несчастливцы. Никто из них не справился о ее самочувствии с тех пор, как она здесь. Мы сообщили по телефону о рождении ребенка. Послали телеграмму, но так никто и не приехал, и не написал ни строчки. Что они хотят... не возможно понять... Держа на руках спящего ребенка, Сушма сказала:

— Какая она крошечная... Почему бы не назвать ее Нанхи?³³

У Сушмы на душе было тяжело. Ну, какая же вина лежит на этой куколке, что она появилась на свет в атмосфере такой безнадежности?! Она настроилась растолковать матери и бабушке, что плакать не стоит. Если в доме свекра намерены и дальше унижать ее, то ей лучше остаться в родительском доме. Это — не конец ее жизни, а у Нанхи — это начало. Это же самое она растолковала и Нише:

— К чему так отчаиваться, Ниши?.. Если ты захочешь, ты сама сможешь встать на ноги... Ты же образованна...

— Ты не понимаешь... Какую бы любовь ни выказывали отец и мать, это теперь не мой дом... Дом вышедшей замуж...

— Ты собираешься следовать устаревшему обычаю... Эти времена уже прошли, когда дом свекра считался домом вышедшей замуж.

Глаза Ниши упрямо говорили: «Нет, Сишу, обычай совсем не изменился». Затем она тихо проговорила:

— Я ни на что не гожусь, а сейчас нужно будет еще заботится и о ней. — сказав, она взглянула на крошку.

Покушав, Сушма поехала к Рекхе. Она хотела с ней обстоятельно поговорить. Но ее не было дома. Сушма, немного расстроившись, вернулась к себе. На следующий день рано утром она вернулась в университет. Ашок, выслушав ее рассказ о Нише и Нанхи, сердито

³³ Крошка, малютка (хинди).

ответил, что у него нет ни времени обсуждать, ни сочувствия к тем, кто в трезвом разуме не понимает собственной пользы.

Сушма промолчала. Ашок сказал:

— Прежде всего, ей не нужно было выходить за него замуж. Было очевидно, что Капуры скряги. После этого, совершив одну ошибку, нужно было воздержаться от другой ошибки. Ну, к чему было в такой ситуации заводить ребенка?

Все, что говорил Ашок, было правильно, но Сушме было трудно с этим согласиться. Но почему все-таки? Не потому ли что Ниша была ее сестрой, была ей дорога, близка? Нарушая течение ее мыслей, Ашок сказал:

— Так как она твоя сестра, ты не хочешь замечать ее ошибок.

Сушма задумалась: «Если бы она не была моей сестрой, то неужто я не испытывала бы к ней сочувствия?»

От этих мыслей ее оторвал голос матери, приглашавший к еде.

Перед сном Ашок обратился к Сушме:

— Мать, бедняга, постоянно прикована к дому. Вытащи ее с собой в кино или на базар.

Сушма согласно кивнула. Теперь ее обычный распорядок дня изменился. Дорога в кафе после работы была забыта. Чаще она прямо возвращалась домой. Но иногда, если шел хороший фильм, они с Ашоком ходили в кинотеатр, а потом заглядывали в китайский ресторанчик и запоздно возвращались домой. Ашок однажды, смеясь, напомнил ей, как она боялась отца, когда поздно возвращалась домой.

— Тебя оставили эти бесы страха или все еще нет? — спросил он, улыбаясь.

— Да, покинули... А скажи-ка, из тебя тоже вышел бес, что терзал тебя страхом перед женитьбой?

— То, каким он окажется, обоснованным или необоснованным, зависит всецело от тебя. — серьезно ответил Ашок.

Сушма склонила голову, слушая его, будто Ашок водрузил ей на плечи тяжелую ношу.

В воскресенье за завтраком Ашок предложил:

— А почему бы нам не устроить сегодня пикник?

Все сразу согласились, хотя потребовалось какое-то время, чтобы уговорить отца.

— В моем возрасте уже не ездят на пикники. — возразил он.

— Отец, какое отношение имеет возраст к пикнику? Если вы не поедете, то будет скучно, — сказала Сушма.

И отец сдался. А он ведь уклонялся даже от ежегодного школьного пикника. Он вел спокойную жизнь, которую оживляли только утренние и вечерние прогулки. Сейчас к тому же близок и уход на пенсию...

Сушма попросила мать ничего не готовить. Решено было довольствоваться вечером сладостями и фруктами или покушать в каком-нибудь ресторане. После прогулки по Старой крепости они зашли в ресторан поужинать.

Мать молча поглядывала на отца. Дома, если ему что-либо не нравилось, он морщил нос и кривил губы, но тут он с удовольствием ел перченую пищу, поджаренную неведомо на каком масле. Наслаждался. Мать уже не помнила, когда он последний раз ел в ресторане.

Сушма, возвращаясь с работы, часто приносила для отца с базара сладости ладдуххvii. Они ему весьма нравились. Его также трогало заботливое отношение Сушмы. Особенно была приятна изменившаяся атмосфера в доме. Он только одного не мог понять: почему невестка столь много времени тратит на уборку, наведение порядка и украшение дома цветами. Может быть, современные люди пытаются выразить свое понимание культуры с помощью внешней показухи? Но какая связь между показухой и культурой?

Смакуя ладду³⁴ и листовая принесенный Ашоком журнал, отец думал о том, что решение через месяц переехать в Лакхнау не верно. Но у него была привычка никогда не пересматривать раз принятые решения. Он уже давно принял решение переехать в Лакхнау сразу после выхода на пенсию. В Лакхнау придется делать ремонт дома. Младший брат отца не то что ремонт, не делал даже простой побелки. Было очевидно, что ему совершенно не хотелось передавать отцу половину дома. Но после перенесенного удара сердца его нрав смягчился. Теперь он считал, что ему не помешает помощь отца. Вот поэтому он без ссор согласился освободить половину дома. Мать опасалась того, что, если они затянут с отъездом, он может изменить свое решение. Ей пришлось это растолковать Ашоку, когда тот попытался уговаривать их не спешить с отъездом. Мать сказала, что будет лучше, если они переедут туда и благоустроятся, а затем при желании приедут их навестить.

Сушма попросила мать ничего не готовить. Обойдутся вечером сладостями и фруктами или покушают в каком-нибудь ресторане. Так и сделали: после прогулки по старой крепости зашли в ресторан поужинать. Мать поглядывала на отца. Дома, если ему что-нибудь не нравилось, он морщил нос и кривил губы, но тут с удовольствием ел перченую пищу, поджаренную неведомо на каком масле. Наслаждался. Мать уже не помнила, когда он последний раз ел в ресторане.

Мать терзалась беспокойством, по коей причине утратила покой и сон. Например, она не могла решить, какие именно предметы и вещи следует взять с собой, а что надо оставить. Ашок твердил ей, что нет никаких оснований беспокоиться, так как он проводит их обоих в

³⁴ Psidium guayaava. Сладости в виде шариков из муки, замешанной на молоке.

Лакхнау.³⁵ Но отцу не нравилось это предложение: будто бы он уже был не в состоянии сам справляться со своими проблемами. Однако, в конце концов, он поддался на уговоры. Также, по предложению Ашока, решили, что будет лучше для отца и матери, чтобы Бануа, если он хочет, поехал жить вместе с ними в Лакхнау.

Лакхнау

— Если Бануа поедет с нами, то вы будете чувствовать большие неудобства, — возразила мать.

— Мы найдем кого-нибудь другого, мама. Не будет никакого неудобства... — Твердо ответил Ашок.

А теперь наступила очередь уговаривать Бануа. Бануа сказал Ашоку, что ему следует, если хозяин не возражает, посоветоваться с матерью... Затем, набравшись храбрости, он спросил:

— Но если я уеду, то кто же здесь будет вам прислуживать?

Несколько дней спустя он появился вместе с матерью и сказал:

— Господин, возьмите, пожалуйста, на мое место мою мать. Я же буду очень старательно служить вашим родителям в Лакхнау.

— Сколько вас всего в семье? — спросила Сушма у матери Бануа.

— Госпожа, только я и две мои дочери... Старшенькая, госпожа, тоже сможет вам прислуживать... Меньшая еще совсем крошечная.

— А где живет ваш хозяин? — задала Сушма следующий вопрос, на что Бануа сразу же ответил:

— Отец уж много дней не появляется дома, госпожа... А мать ходит из дома в дом, подрабатывая стиркой и мытьем посуды... Если бы ей нашлось здесь местечко, то я бы спокойно служил вашим родителям.

³⁵ Лакхнау — столица штата Уттар-Прадеш. Население — 2,9 млн человек.

— Хорошо, ты, — Ашок обратился к матери Бануа, — будешь жить и работать здесь.

— Готовить умеешь? — спросила Сушма.

— Разумеется, госпожа, я могу стирать для себя, но я не знакома с блюдами, к которым вы привыкли.

— Да что там стирня, научится! — сказал Ашок, перебив Сушму.

Сушма же, глядя на истощенное тело матери Бануа, будто бы истерзанное туберкулезом, думала о том, что эта бедняга вряд ли может справиться с работой, имея на руках двух маленьких детей. Возможно, кроме лепешек и гороха она ничего не умеет готовить. Однако спорить с Ашоком было бесполезно. Но когда вечером они оказались одни в своей комнате, она решила предостеречь его:

— Мать Бануа кажется такой истощенной, что сомнительно, что она справится с работой...

— Конечно же, бедняга, весь день чистящая посуду и не могущая наполнить свой живот, будет тощей... Но разве в нашем доме есть какая-нибудь работа, с которой она не может совладать?

— Работа найдется, но она вряд ли может готовить.

— Ты уже заранее начинаешь беспокоиться. Дай несчастной сначала возможность проявить себя!

Сушма промолчала.

Приближалось время отъезда отца и матери из Дели. В крошечной кухне, несмотря на суету сборов, мать готовила впрок сладости — на то время, когда она уже будет в Лакхнау. Она не забыла ни одного любимого Ашоком кушанья. Сушма и Бануа молча взирали на это проявление ее любви. Один Ашок ничего не замечал.

В этот день отец готовился в последний раз наведаться в школу. Он встал, как обычно, в положенное время и, позавтракав, вышел. Он направился на утреннюю прогулку. Ашок, взглянув на него, задумался: «Не ведомо, какие мысли роятся сейчас в его голове. Он из тех людей, которые не склонны с легкостью раскрывать свою душу и считают такое поведение проявлением слабости».

В школе по традиции учителя и ученики устроили в его честь линейку. Новый директор произнес речь, полную фраз, которые обычно произносятся в подобных случаях.

Отец вернулся вечером, держа в руке свои блокнот и ручку. Положив их на стол, он сам снял свои туфли и улегся на постель. Закрыв глаза. Мать, когда она вошла в комнату с чашкой чая, застала его именно в этом положении. Поставив чашечку на стол, она на цыпочках вышла из комнаты. Но отец уловил легкий перезвон посуды.

Вскоре он встал. Чай остыл, но он сегодня не попросил вновь его разогреть. Он долго рассматривал блокнот и ручку. Ручка была

настолько же стара, насколько и дорога ему. С ее помощью он вносил в блокнот записи обо всем том, что оказывало на него влияние или нравилось ему. Иногда он пролистывал блокнот и перечитывал с удовольствием некоторые строки. Прошло столько много времени.

Вдруг в комнате появился Ашок и сказал:

— Отец, чего ты сидишь в потемках?

— Ох, уже темно... так быстро? — произнес отец и вдруг осознал, что эти слова свидетельствуют о его слабости. Ашок зажег свет и уселся рядом. Некоторое время они сидели молча.

В этот день Сушма вернулась с работы поздно. Господин Сахни, прочитав ее статью, посоветовал ей переписать ее пару раз. Несчастной пришлось полностью переделывать всю работу. Кроме того, ей пришлось нести груз обязанностей заболевшей Видьи. А в довершение всего, когда она собралась уходить домой, появился Санджит.

— Что ты такая занятая? — спросил он, улыбаясь.

— Кому-то ведь надо работать, — ответила Сушма, улыбнувшись в ответ.

— Может быть, тебе перестал нравиться твой супруг Ашок, что ты частенько запаздываешь домой?

— А ты что здесь делаешь в это время? Могу я полюбопытствовать?

— Нет, не спрашивай, потому что, если я скажу правду, то ты, наверное, рассердишься.

В глазах Санджита по-прежнему искрился смех.

По правде говоря, Ашоку не нравилось то, что Сушма возвращалась с работы поздно. Еще на подходе к дому она начинала придумывать оправдания своего опоздания. Не то чтобы Ашок требовал каких-то объяснений, просто она чувствовала, что ей следует обязательно показать ему, что в том, что она опоздала, нет ее вины.

Как только она выбралась из скутера, Ашок, открыв дверь, спросил:

— Не слишком ли поздно?

— Да, что добавить... Твоя преподавательская работа куда лучше моей службы... не приходится возвращаться ночью... — после этого предисловия она подробно описала ему все причины своего позднего возвращения.

Сушма думала, что когда Ашок повезет отца, мать и Бануа в Лакхнау, то она сможет несколько дней побыть у своих родителей в Дифенс-колони. Узнав об этом, Ашок воскликнул с удивлением:

— Разве это не твой дом?.. Ведь сюда переберется мать Бануа. Тебе не придется быть одной...

— Я не боюсь одиночества... Я просто думаю, что уже давно никого не видела — ни мамы, ни папы, ни Ниши, ни Нанхи...

— Я никак не могу понять логики женщин. До замужества у вас только одно желание. После свадьбы же вы думаете только о маменьке и папеньке.

Сушма промолчала. Что на это скажешь? В том, что говорит Ашок, есть некоторая доля правды. Как обычно, перед отходом ко сну Сушма умыла лицо, распустила волосы и начала их укладывать. Ашок, подложив под спину подушку и уселся на кровать с книгой, как вдруг его взгляд остановился на ее густых волосах. Отложив в сторону книгу, он начал поглаживать ее по голове, будто бы окруженной черными тучами.

Сушма на утро проснулась поздно. Она выбежала из дома, не успев позавтракать, так как ей не попался свободный скутер, она остановила такси. Сегодня, наконец, в отделе появилась Видья.

— Ну, как ты? — спросила Сушма, ласково глядя на нее.

— Теперь уже хорошо. — Видья выглядела похудевшей. Глаза впали внутрь, цвет лица был почти желтый.

— Тебе еще следовало бы отдохнуть... ты так ослабела! — сказала Сушма.

Говоря это, она почувствовала неловкость. Даже раза она не наведальась домой к Видье, чтобы узнать, как она. Сушма была так погружена в свой мир, что просто не нашла для этого свободного времени. Видья была старше ее на восемь-девять лет и была ее советчицей и наставником. Она никогда не расспрашивала Сушму о ее домашних делах и сама никогда ничего не рассказывала о своих.

Видья жила вместе со своей матерью. Отец ее скончался несколько лет назад. Она жила в небольшом доме, состоявшем из двух комнат, в Кароль-баг. Сушма однажды была там. Видья не была замужем. Она была из тех людей, которые никогда не надеются на чужую помощь.

— Ты взяла на себя все мои обязанности. Я думала, что вся работа остановилась, но, придя, увидела, что... — сказала с улыбкой Видья.

Мир Видьи был другой. Она знала все, но никогда ни перед кем не подчеркивала этого. Она вкладывала всю душу в свою работу. Дома все вертелось вокруг матери. Мать же каждый день собирала ей еду: иногда она клала ей в металлическую коробочку рис, иногда досу³⁶. Видья всегда строго в час дня съедала все это, запивая чашечкой кофе. Спустя несколько месяцев после первого знакомства она начала приглашать к своему застолью и Сушму. Теперь это стало обычным делом. Иногда в обеденный перерыв к ним заглядывал Санджит, всякий раз спрашивая:

— Нельзя ли войти?

Вероятно, он побаивался Видьи. Когда ее не было, он входил без заминки. Когда Видья заболела, он частенько спрашивал: «Куда подевался твой полицейский?»

³⁶ Доса — рисовый блин; оладья.

На этот раз, неожиданно вновь увидев Видью после нескольких дней отсутствия, он растерялся.

— Когда ты вернулась? — непроизвольно сорвалось с его уст.

— Но я никуда не уходила. — ответила Видья с улыбкой.

— Я хотел сказать, что не видел тебя много дней.

— Я была больна. Перенесла брюшной тиф.

— Брюшной тиф. О, боже!

Сушма в это время печатала на машинке и вдруг заметила, что на бумаге появилось, как бы само собой, слово «тиф»!

Спустя несколько дней Ашок повез родителей в Лакхнау. Он должен был, доставив их туда, вернуться через неделю обратно. Мать, пакуя вещи, увязала их в такие тюки и узлы, увидев которые, Ашоку стало дурно.

После их отъезда Сушма собрала свои вещи в небольшой чемодан и, поручив дом заботам матери Бануа, уехала в Дифенс-колони. Как только она туда прибыла, она сразу же подхватила на руки Нанхи. Ниша, увидев Сушму, очень обрадовалась. Личико Нанхи изменилось: черты приобрели отчетливость.

— Как быстро растут дети! — сказала Сушма Нише.

В этот день Раджан вернулся домой поздно. Сушме показалось, что атмосфера в доме стала еще более унылой. Ей не терпелось услышать смех и шутки Раджана:

— Что с тобой, Раджан?.. Что ты такой серьезный? — спросила она.

— Когда целый день ворошишь бумаги в банке, настроение не может не испортиться.

— Если настроение теперь портиться от таких пустяков, то что же будет дальше?!

— Где найти время, чтобы думать о том, что будет дальше?

— А не угодил ли ты под каблук какой-либо красавицы? — спросила Сушма, рассмеявшись.

— Издеваешься! Если бы я был под каблучком красотки, разве я сидел бы тут?!

— Скажи-ка по правде, тебе работа в банке не нравится?

— Нравится — не нравится... Главное — хорошо платят.

— А как устроились твои приятели по колледжу?

— Большинство ищет работу... Говорят, что я счастливчик, что так быстро нашел такое отличное место.

— Можно тебя попросить? — спросила Сушма, помедлив.

— Говори.

— Не бросай своего обыкновения шутить и смеяться, что бы ни случилось... Please!³⁷

Раджан сначала улыбнулся, затем резко поднялся со стула и предложил:

— Идем в кино... Вставай! — верно, это был его неподражаемый способ выражения любви к сестре.

Незаметно пролетели семь дней. За это время Сушма смогла один разок заскочить по дороге с работы к Рекхе. Лицо Рекхи было, как всегда, приветливым.

— Знаешь, чем я занимаюсь? — спросила она, посмотрев на Сушму, будто они расстались только вчера, а не три месяца назад.

— Чем? — спросила Сушма.

— Пишу пьесу.

— Пишешь пьесу? — изумилась Сушма.

— Да... для постановки на сцене университетского театра. — спеша поделиться этой новостью, она совсем забыла спросить Сушму о ее делах, о том, как течет ее новая жизнь.

Уже уходя, Сушма сообщила, что дочурке Ниши три месяца. Рекха, покачив головой, промолвила:

— Несчастливая!

Сушма вдруг вспомнила Ашока.

Она вернулась в университетский городок за день до прибытия Ашока, с тем чтобы навести в доме порядок и прибраться. Мать Бануа со своими дочерьми сидела снаружи под деревом гуаява. Заметив Сушму, она встала. На уборку дома у Сушмы ушло несколько часов. Затем она направилась в кухню. Открыв одну из коробок со сладостями, приготовленными матерью для Ашока, она подала Бану и Чхоти два шарика ладду, приготовленных из гороховой муки на молоке. Они взяли шарики в свои худенькие ручонки и уставились на Сушму совершенно беспомощно.

— Мать Бануа, как твое имя? — спросила Сушма.

— Мое имя — Ладжаванти, госпожа, но все зовут меня Ладжо.

— Я тоже могу называть тебя Ладжо?

— Как пожелаете, госпожа!

Сушма стала объяснять ей, как готовить и когда подавать завтрак и чай, к какому времени следует готовить ее обед, который она берет на работу, и как его следует укладывать... что следует покупать на базаре... какую одежду относить прачке... Сушма остановилась. Ладжо кажется такой глупой. Когда она научится всему этому? Чтобы только объяснить все и приучить ее к нужному распорядку, несомненно, потребуется

³⁷ Пожалуйста (англ.).

немало времени. Пока она говорила, Бано и Чхоти, докушав ладду, склонили головки на порог и уснули.

Ашок должен был прибыть с утренним поездом. Сушма вечером вытащила из шкафа свои платья. Вот та красная шаль, которая понравилась Ашоку. Она проснулась утром еще до того, как зазвонил будильник. Чувствуя легкое волнение, она не стала прикасаться к завтраку — лишь выпила стакан молока и вышла из дома. Поезд опаздывал на целый час. Не весть сколько раз она обошла всю платформу. Наконец, в клубах дыма к перрону подошел паровоз. Ашок заметил Сушму, стоявшую на платформе, из окна своего купе — как она мила! Как только поезд остановился, он стремительно выскочил наружу.

Дом без отца и матери казался совсем пустым. Затем, откушав то, что приготовила Ладжо, его настроение совсем испортилось. Если бы мать хоть немножко обучила ее готовить до своего отъезда! Сушма сама мало что знает — сможет ли она научить Ладжо?!

Груз обязанностей Сушмы по кухне все более возрастал. А когда садились за стол, Ашок кривил губы и воротил нос. Ладжо также понимала, что господин Ашок ею не доволен. Со своей стороны, она очень старалась. В этот день господин сидел за столом и читал, когда Бано прищемила себе дверью руку. Она начала плакать и кричать. Ашок, заслышав эти вопли, рассердился. Он строго спросил:

— Что там за гвалт?

Ладжо тут же прижала Бано личиком к своим коленям. В тот же день, когда Ладжо занялась стиркой, Чхоти, ковыляя на своих босых ножонках, забрела под стол к господину Ашоку. Не ведомо, что она там вытворила, но господин сердито кликнул Ладжо:

— Забери девчонку, мне нужно работать.

Вернувшись домой и взглянув на Ладжо, Сушма поняла, что по дому пробежала черная кошка.

— Что случилось, Ладжо? — спросила она.

— Дети — как петля на шее... мешают работать хозяйину.

— Ты им объясни, чтобы они не шумели.

— Не слушаются, что мне поделать? Сколько не объясняй, не понимают.

— Хорошо, что ты приготовила поесть?

— Пока ничего, госпожа... сейчас готовлю.

— А где господин?

— Зашел господин Ананд, и они вместе ушли.

— Ох...

Сушма умыла лицо и руки и прошла на кухню.

— Приготовить чай? — спросила Ладжо.

— Нет, Ладжо... нарежь овощи, я сейчас буду сама готовить. — завязав сзади шаль Сушма расположилась у плиты. — Нарезь две луковицы, Ладжо... и немного имбиря... — сказала она.

Лук кончился, — сказала Ладжо, опустив руку в коробку для лука.

— Если закончился, нужно было принести... ты ведь утром ходила на базар.

— Сейчас же принесу, госпожа! — отозвалась Ладжо и ушла покупать лук.

Когда она вышла, Бано и Чхоти приблизились к Сушме и остановились подле нее. Какое-то время Сушма не замечала их, но когда она обернулась, ища нож для резки зеленого перца, ее глаза встретились с беспомощными глазенками Бано.

— Ой, ты когда сюда явилась? — спросила она.

Бано не ответила. Чхоти протянула вперед свою слабенькую ручонку. Открыв коробку со сладостями, Сушма сунула ей что-то в руку. Очевидно, обе томились от голода. Когда появилась Ладжо, они вновь забились в угол. Сушма поняла, что мать теперь не дает им спуска.

Ашок вернулся домой очень поздно вместе с Анандом. Еда была готова, и Сушма, только что умывшись, вышла навстречу. По ее настоянию Ананд тоже остался отужинать. Разумеется, ей было далеко до матери, но, тем не менее, она готовила в сто раз лучше Ладжо.

— Наконец-то я вкушаю перворазрядную пищу! — заметил Ашок. Услышав это, Сушма расцвела в улыбке, будто она получила вознаграждение за многочасовой труд. Ананд выглядел безгранично счастливым: он не только сдал экзамены I.A.S.³⁸, но и, кроме того, получил назначение на нравившуюся ему должность. Он готовился отбыть в Махараштру.

Теперь почти каждый день Сушма, возвращаясь с работы, направлялась напрямиком на кухню. Поначалу Ашок пытался немного возражать:

— Нет никакой необходимости сразу после работы спешить на кухню. Оставь это, давай отужинаем где-нибудь в городе.

Случалось, они выбирались несколько раз в китайский ресторанчик. Но и тогда, когда они кушали вне дома, Сушму не оставляли мысли о доме — как бы Ладжо не забыла чего-нибудь принести с базара. А та, действительно, частенько забывала то то, то другое: отнести белье к прачке и т. п.

По правде говоря, бедняга Ладжо все еще не усвоила всего того, что следовало знать, чтобы содержать дом в порядке. Она еще совсем не была похожа на приличную домработницу. Ее жизненный путь был ухабист — но и то было хорошо, что она как-то могла существовать. До

³⁸ Indian Administrative Service — Индийская административная служба.

ухода мужа у нее не было никогда и двух грошей. Все, что она зарабатывала мытьем посуды, он отнимал и уходил. А когда он возвращался пьяный, еле держась на ногах, то начинал орать и буянить, так что Ладжо и дети трепетали от ужаса. Более всего страдали дети. Несколько раз, когда в доме не оказывалось денег, он продавал что-нибудь из немногочисленной утвари. Не раз, когда у бедняги не было ни крупички муки, она роняла голову на руки и плакала. Тогда Бано было только несколько месяцев, а Бануа был еще ребенком. Перед появлением на свет Чхоти ее муж ушел из дома. В какой-то степени его уход явился облегчением. Постепенно и Бануа стал понемногу зарабатывать. Главное же, теперь никто не отнимал те гроши, которые ей самой удавалось заработать. Да, по-прежнему большие страдания доставляло то, что у нее не было никакого жилища. Прежде она жила в трущобах, но оттуда всех выселила полиция. Затем она жила у одной белой госпожи. Оттуда тоже пришлось уйти, так как Чхоти по ночам громко плакала. Ее плач, как и работа Ладжо, пришлись не по нраву госпоже. Теперь в качестве замены Бануа она получила комнату и хорошо оплачиваемую работу. Но, замечая недовольство господина Ашока, Ладжо опять с ужасом думала о том, куда ей придется деться в случае, если выставят и отсюда. Всякий раз, посещая базар, она забывала что-нибудь купить. Господину Ашоку не нравилось, как она готовит чай. То было слишком много молока, то — сахара. Кроме того, Бано и Чхоти часто шумели и доставляли беспокойство хозяину. Правда, госпожа Сушма была доброй. Однако, если она возвращалась с работы усталой, то и ее настроение было непредсказуемым.

Через три-четыре месяца стало заметно, что здоровье как Бано и Чхоти, так и их матери заметно окрепло. Ладжо теперь кушала вдоволь и стала проворнее в работе. Ашок также привык к тому, что по дому туда и сюда сновали Бано и Чхоти. Однако, заслышав плач Чхоти, он всегда грозил ей; от этого обе девочки побаивались его. Но когда они замечали, что Сушма направляется в кухню, они следовали за ней туда на некотором расстоянии, не отрывая от нее взора и предчувствуя угощение.

Вернувшись с работы, Сушма сама начинала готовить еду. Обучение Ладжо давалось не легко. Готовя горох, она наливала столько воды, что горошины плавали сверху. Всегда излишне много наливала масла в овощи. Однажды, не сдержавшись, Сушма сказала:

— Ладжо, если ты не будешь прилежно учиться, то как ты сможешь работать?

— Госпожа, я очень стараюсь...

— Я уже устала... а ты никак не можешь ничего усвоить. Сколько это может продолжаться?!

В этот вечер Ладжо не могла проглотить кусок! Куда ей деться, если выгонят и отсюда? А тут как раз Бано по какой-то причине ударила Чхоти, и та начала реветь. Ладжо сразу же закрыла дверь своей комнаты и, отвесив две затрещины Бано и Чхоти, заткнула обеим рот руками и заставила их замолчать.

— Зачем вы губите меня? Замолчите! — лицо Ладжо покраснело от гнева. Бано поняла, что у матери неприятности. Должно быть, господин рассердился на нее. Лицо матери такое печальное. Но брови подняты. Несмотря на затрещину, в душе Бано пробудилось сочувствие к матери. Тихонько, обняв Чхоти, она уселась в уголке. Она обняла худенькое тело Чхоти точно так же, как мать прежде обнимала ее после очередных побоев отца.

Книга Ашока постепенно продвигалась вперед. Он много времени проводил в библиотеке колледжа. Ему по-прежнему нравилось преподавать, но иногда, замечая безразличие студентов, он поддавался унынию.

В этот день он твердил, обращаясь к Сушме и Рекхе:

— Если нет горячего интереса к истории, так зачем ее учить? К чему создавать видимость изучения и обучения?

— Для того чтобы получить степень, а для чего же еще? — подала голос Рекха.

— Ашок, не могут же все люди посвятить свою жизнь только изучению истории... — заметила Сушма.

— Но и большинство изучающих ничем не лучше остальных... Это — не университеты, а лавки, где почти бесплатно продаются и покупаются дипломы и степени... К чему это плутовство и затраты?

— Ты так быстро разочаровался? — спросила Рекха, меняя направление беседы.

Сушма поднялась и вышла в кухню. Сегодня Рекха в первый раз зашла к ней отобедать — Сушма хлопотала с самого утра. Другого выхода не было, так как Ладжо поручить что-либо было не возможно.

Рекха начала убеждать Ашока:

— Если ты на все будешь смотреть через американские очки, то тебе будет трудно жить здесь. В конце концов, когда мы говорим, что наша страна отсталая, то что тут имеется в виду? Разве не то, что всюду во всех отраслях имеются прорехи, будь то экономика, общественное сознание, культура...

Раздражение Ашока возрастало. Рекхе было безразлично, о чем спорить. Он не был готов выслушивать одни и те же избитые поучения.

— Еда еще не готова? — спросил он, обращаясь к Сушме.

— Будет готова минут через пять.

Взглянув на Ашока, она поняла, что он готов потерять самообладание.

Кушая, Ашок посмотрел на часы и сказал:

— Мне скоро нужно будет уйти по одному срочному делу.

Что у него может быть за неотложное дело в воскресенье? Сушма про себя решила, что он просто хочет избежать дальнейшего общения с Рекхой. Неужто Рекха не догадается об этом?! Но у нее даже не хватило смелости перевести взор на Рекху.

Спустя несколько дней к ним приехали Раджан и Ниша с Нанхи. И в этот раз Ашок, сославшись на «срочную работу», ушел через несколько минут и вернулся очень поздно. Сушма ждала его. Придет — захочет покушать. Ладжо также сидела возле кухни и позевывала. Как только Ашок вошел, она распорядилась подавать на стол. Ашок все еще был не в духе.

— Еда подана, — доложила Ладжо. Было уже десять часов.

Сушма посмотрела в сторону Ашока.

— Я не буду есть. — сказал он. Она хотела спросить: «Почему?» —

Но вместо этого произнесла:

— Покушай хоть немножко!

— Сказал, не буду.

— Я так долго ждала тебя...

— Я тебя просил об этом?

— Нет, но...

— Никаких но! — отозвался Ашок, переодеваясь.

Откуда это недовольство?..

Ашок застегивал пуговицы рубашки с таким видом, будто молчание было вполне адекватным ответом.

— Может быть, я совершила какую-нибудь ошибку?

— Ошибку совершила не ты, а я... Смысл женитьбы состоит в том, что мужчина не может более вести тот образ жизни, который ему нравится... Без конца приходится сталкиваться и губить время с совершенно неинтересными людьми... Я устал.

Сушма молча стояла и слушала.

А в другой комнате у стола стояла Ладжо, слышавшая все замечания, которыми обменивались супруги. Ее рука застыла в тот момент, когда она начала наливать воду в стаканы. Ей хорошо были знакомы такие перебранки. Ее муж был бедолагой, пьяницей-пропойцей... но хозяин!.. Он учился за рубежом... умен... преподает в колледже...

«Неужели сестра и брат не могут меня навестить?» — хотела было возразить Сушма, но ее остановила какая-то невидимая рука. Похоже, это была та же самая рука, которая останавливала и Ладжо, когда ей

хотелось возразить: «Неужели я одна породила на свет этих детей? Неужто я родила их только для того, чтобы сковать и привязать тебя?»

Ашок улегся. По его виду было ясно, что он не желает продолжать разговор. Сушма еще немного постояла в оцепенении. Упрек Ашока сдавил ей грудь, как камень. Аппетит совершенно пропал. Но что подумает Ладжо?.. Поэтому второпях она проглотила кусочек хлеба. Ладжо не могла отважиться поднять глаза на хозяйку.

Нанхи уже было девять месяцев, когда Раджан собрался сопроводить Нишу с дочуркой в Чандигарх. Крепя сердце Ниша писала письма Нарешу. Тот отвечал, пожалуй, одной краткой запиской на три ее письма. Она была в крайнем отчаянии. Не в силах видеть это, отец и мать несколько раз пытались поговорить с господином Капуром по телефону. Наконец, собрав необходимые вещи и дав ей небольшую сумму наличных денег, отправили в Чандигарх. Несколько ночей накануне отъезда Ниша не могла спать. По ее воспаленным глазам мать догадывалась, что она проплакала не один час. Она совершенно потеряла аппетит. Лицо было удрученным. Лишь иногда на нем появлялась легкая и быстро улетающая тень улыбки, когда она замечала новое телодвижение Нанхи или то, как та ползает на коленках.

Сушма всякий раз, когда навещалась в Дифенс-колони и виделась с Нишой, испытывала сильную подавленность. Несколько раз она советовала ей:

— Если сидеть дома, сложив руки, у любого лопнет терпение — тебе следует заняться чем-нибудь... Если хочешь, я поговорю с Рекхой. Она, обязательно, что-нибудь придумает.

Провожая Нишу, бабушка тоже расплакалась. До этого Сушма никогда не видела слез на ее глазах. Слыша ее всхлипывания, Нанхи громко разревелась. Мать взяла ее на руки. Сушма готова была вскричать: «Отец, не отпускай ее...» — но слова застыли на устах.

Вечером Ашок, посмотрев на нее, спросил:

— Что случилось?

Ниша в таком отчаянном положении... — Ашок, разумеется, не считал нужным откликаться на эту сентенцию. Он уже не раз высказывал свою точку зрения по этому вопросу.

Шли недели, проходили месяцы, но от Ниши не было никаких вестей. Мать позвонила в Чандигарх. Первый раз трубку поднял Нареш. Он грубо сказал, что Ниша моется, и бросил трубку. Во второй раз трубку подняла свекровь и сказала, что Ниши нет дома. Далее, заявив, что не тактично задавать вопросы о ее делах, она тоже бросила трубку, прежде чем мать успела задать вопрос о здоровье Нанхи.

А тем временем не только в колледже Ашока, но и во всем университете преподаватели начали забастовку. Ашок с головой ушел в это дело. Что утро в их доме появлялась парочка, а то и целая толпа преподавателей. Они обсуждали — иногда очень горячо — цели и методы забастовки. Ашок проводил митинги со своими товарищами. Бывал занят целыми ночами. Когда она возвращалась вечером, она его часто не заставала дома.

Ладжо уже научилась готовить чечевичную похлебку с пряностями, однако до сих пор она забывала, какие пряности следует класть в ту или иную похлебку. В этот день она положила столько высушенного сока асафетиды в приправу, что Ашок, попробовав, отодвинул чашечку в сторону. Заметив недовольство Сушмы, Ладжо проронила:

— Виновата... в будущем не повторится...

Увидев ее крайнюю растерянность, Сушма сжалилась. Подав Ладжо два банана, она сказала, что они предназначаются Бано и Чхоти.

— Они уже спят, госпожа.

— Так съедят завтра.

В тот год было очень холодно. Однажды утром Ладжо сообщила, что у Бано сильный кашель. К вечеру состояние ребенка еще более ухудшилось. По случайности Ашок в тот день вернулся рано. Он заметил плачущую Ладжо. Затем, осмотрев лежавшую в жару Бано, он вызвал врача.

Сушма, вернувшись с работы и увидев обеспокоенное лицо Ашока, спросила:

— Что случилось?

— У Бано пневмония. — голос Ашока показался Сушме извиняющимся.

— Пневмония?

— Да, пневмония... Ты знаешь, что Ладжо и ее дети спят в эту стужу под лоскутным одеялом? Ты, что, не могла дать им ватное одеяло? Неужели мы такие безжалостные?

Лицо Сушмы побледнело. Ашок покраснел. Его глаза сверкнули, будто бы он хотел испепелить ее взглядом.

— Разве я могла предполагать?..

— У тебя, что, нет никаких обязанностей?

Сушма вошла в комнату Ладжо. Ашок уже укрыл Бано синим ватным одеялом матери. В углу лежали лохмотья, которые Ладжо собрала еще не весть когда, роясь в кучах бесполезного мусора. Сушме не понравилось то, что она лишилась нового одеяла, подаренного матерью, но она внешне этого не показала.

Вечером, потушив свет, Сушма ласково протянула руку в сторону Ашока. Но от него не последовало обычного ответа. Напротив, он сурово произнес:

— Я из всех сил день и ночь делаю все, чтобы улучшить положение служащих, а тут у меня под самым носом умирают Бано и Чхоти... Что ты себе думаешь?

— Я по-твоему сознательно сделала так, что Бано заболела пневмонией?!

— Я думал, что ты не такая, как большинство «благовоспитанных» девушек, но я ошибся. Ты принадлежишь именно к таким людям, чье сочувствие, сострадание и забота не простираются за пределы собственной семьи! Для своих, как бы богаты они ни были, нельзя не купить подарка, а чужие рядом пусть замерзают от холода... Ведь они — не свои. Это — твоя вера. Слуги ведь — не люди...

— Довольно, Ашок!

— Именно поэтому я испытываю отвращение к семье и традициям, — сказал Ашок и отвернулся.

Сушма была поражена тем, что Ашок может испытывать такое отвращение. На завтра оба молчали. Наконец, вечером Сушма предложила:

— Не покушаешь ли чего-нибудь?

В ответ Ашок вышел из дома. Тем же вечером он вернулся домой в окружении нескольких друзей. Все были очень возбуждены. Глядя одежду в своей комнате, Сушма прислушивалась к их беседе. Было похоже на то, что служащие предлагали прекратить забастовку — Ашок и его товарищи были в отчаянии. Они были твердо намерены продолжать забастовку. Служащие были готовы отказаться от тех целей и требований, ради которых началась забастовка.

— Но почему? — Сушма вдруг обратилась к Ашоку.

— Потому что руководители забастовки готовы пойти на соглашение с правящей политической партией — они видят в этом свою личную выгоду; ведь мы все преследуем, прежде всего, свою личную выгоду, не так ли? — язвительно ответил Ашок, многозначительно посмотрев на нее.

Она не ответила. Непроизвольно потупила взор.

Настроение Ашока еще несколько дней было плохим. До такой степени, что всякий раз, когда он брал в руки какую-нибудь историческую книгу, он тут же откладывал ее в сторону. И речи не могло быть о продолжении работы над рукописью своей собственной книги. По-прежнему в его поведении сохранялось отчуждение по отношению к Сушме. Иногда Сушме даже казалось, что именно это охлаждение является причиной того, что забастовке было придано ложное

направление. С другой стороны, Ашок устал, а руководители не оправдали надежд бастующих служащих. Его разногласия с бывшими единомышленниками углубились. Казалось, что все руководствуются своим сердцем, а не головой.

— Посмотри на свою подругу Рекху — она так образована и начитана! Но когда речь заходит о том, чтобы оказать сопротивление противникам забастовки, то ее нигде не видно.

— Ашок, она была больна... — вступилась Сушма.

— Такие болезни называют слабоумием.

Сушма промолчала. Спорить было бесполезно.

Бану выздоровела. Ладжо обрела прежнее расположение духа. Чхоти теперь веселее прыгала и играла.

— Их следует отдать в школу, — сказал Ашок.

Ладжо возразила:

— Господин, в книге судьбы нет записи о необходимости образования для таких, как мы.

— Судьба создается усилием, — ответил Ашок, переворачивая страницу газеты. Следствием забастовки было понимание того, что все усилия переубедить других, бесполезны; каждый способен понять свою собственную выгоду, но идти дальше никто не желает.

Случайно встретившись, Ананд и Рекха в этот выходной зашли в гости. Сушма сушила на солнышке только что вымытые волосы. Ашок раскинулся в кресле, читая газету. Заметив их, он тихонько сказал:

— Даже в выходной день от них не отвяжешься.

Мысли Сушмы были далеко: где-то рядом с Нишой... Нанхи уже большая... ей уже полтора года... Их ход оборвал смех Ананда.

— Ну, чем, брат, закончилась твоя забастовка?.. — спросил он, здороваясь с Ашоком.

— Оставь это... Тошно.

Рекха думала о чем-то другом и как бы не заметила вопроса Ананда. Сушма сказала Ладжо подать чай.

Рекха, усаживаясь возле Сушмы, сказала:

— Вчера я встретила твою мать... Когда спросила о Нише, она помрачнела... Она сказала, что после того как та уехала, от нее не было ни одного письма и ни одного телефонного звонка.

— Не укладывается в голове. — на лице Сушмы было ясно написано, что она сильно переживает по этому поводу.

Бабушка говорила, что родители Нареша хотят, чтобы Ниша порвала все отношения со своей прежней семьей. Она также настаивала на том, что для благополучия Ниши будет лучше, если она перестанет частенько навещать в Дели. Но ум Сушмы противился этому. Она открыто сказала Рекхе:

— Я не могу с этим согласиться... Известно, что там с ней делают...

Тем временем Ананд так весело начал рассказывать о своей работе в Махараштре, что даже Ашок рассмеялся. Он только на недельку прибыл в Дели в командировку. Сейчас он состоял на службе в магистратуре Аурангабада. Немножко уже стал понимать маратхи. Было очевидно, что он доволен всем. Он был из тех людей, которые редко теряют надежду.

— Вы вдвоем... я хотел сказать, вы втроем, — сказал он, взглянув на Рекху, — приезжайте-ка в Аурангабад³⁹... Вы видели Аджанту⁴⁰ и Элору⁴¹, а?..

Ашок ответил, что нет, отрицательно кивая головой.

— О, отлично! Это стоит посмотреть! Говорите, когда приедете.

Казалось, не было предела воодушевлению Ананда. Когда-то и Ашок, подумала неожиданно Сушма, был таким жизнерадостным, а теперь с ним произошло что-то неладное.

Аджанта

³⁹ Аурангабад — районный центр в штате Махараштра, значительный промышленный и образовательный центр, важный туристический центр (рядом расположены пещерные обсерватории Аджанта и Эллора). Более миллиона жителей. Город возник в 1604—1610 годах. В 1681 г. Аурангзеб, ставший императором, вернулся в Аурангабад и сделал его своей столицей. Отсюда он вёл завоевательные войны с независимыми султанатами Деккана до своей смерти в 1707 году.

⁴⁰ Аджанта — храмово-астрономический пещерный комплекс в Индии в штате Махараштра недалеко от Аурангабада (III—VII веках), состоящий из 29 пещерных буддийских, джайнских и индуистских храмов, высеченных в скале.

⁴¹ Элора — колоссальный комплекс древних сооружений в Эллоре (штат Махараштра, 8 столетия н.э.), среди которых выделяется храм Кайласа-натхи («Владыки горы Кайласы», Шивы), полностью выточенный из скалы по указу царя Кришны I.

Вечером Сушма спросила у Ашока:

— Почему бы нам не съездить в Аджанту и Эллору? Мне надоело вертеться на одном месте, подобно волу вокруг давилного пресса.

Храм Владыки горы Кайласы, Эллора

— Глянув на тебя, не скажешь, что ты устала! — ответил Ашок с легкой иронией в голосе.

— Ну, и что же ты скажешь, взглянув на меня?

— А то же самое, что и о сотне подобных тебе девчонок.

— Что же общего у меня с сотней подобных мне девчонок, скажи-ка!

— Украшать дом, готовить еду, покупать платья... С помощью всего этого делать свою обыденную жизнь более удобной... Что еще?

Сушму всегда преследовало ощущение того, что Ашок витает высоко в облаках, пытаясь дотянуться до звезд, а она живет в узком мирке. Помедлив, она возразила:

— Если и женщины будут витать в облаках, то как же жить?

— Ты говоришь как те навабы⁴², которые утверждают, что невозможно жить без бедняков и слуг! — сказав это, он зажег настольную лампу и уселся что-то писать.

Сушма пришивала пуговицы к рубашке Ашока — вероятно, это тоже относится к низкому труду, думала она про себя.

Утром она твердо сказала Ладжо:

— Что бы ни было, теперь тебе придется все делать самой... С сегодняшнего дня я больше не вхожу в кухню.

Ладжо посмотрела на нее с сочувствием.

— Я решил съездить дней на пять в Лакхнау... Возможно, я приеду назад с отцом и матерью. — сообщил Ашок вечером и, потушив свет, закрыл глаза.

Сушма только что уселась на кровать и приготовилась писать статью для журнала. Но как только она опустила перо на бумагу, в комнате воцарилась тьма. Она тихо вышла в другую комнату и уселась там. Но так как она не очень плотно закрыла дверь, Ашок резко потребовал:

— Ты не потрудишься закрыть дверь, я сплю.

Утром она несколько минут не решалась улыбнуться в ответ на широкую улыбку Санджита.

— Что ты такая серьезная? — спросил Санджит, вынимая из кармочки и надкусывая сэндвич.

— Потому что ты ешь мой завтрак!

— О!.. Отлично... Я буду тебя каждый день угощать чаем и кофе...

Видья посмотрела на часы с таким видом, словно хотела сказать: «Время уже приступить к работе». Кивнув головой, Санджит кивнул и сказал:

— Пора идти!

Сушма уже два или три дня работала над этой статьей. Наконец, завершив, она при встрече попросила Видью:

— Прочти и выскажи свое мнение...

В действительности, она была довольна статьей. Она была уверена, что Видья похвалит ее. Но Видья, прочтя, вернула статью, ничего не сказав. Она почувствовала разочарование.

— Ну, как, не совсем хорошо? — спросила она.

— Да, хорошо. — ответила Видья.

Она принесла свою статью «Индийская женщина» домой в надежде, что Ашок ее прочтет. Она писала ее под историческим углом зрения, но у

⁴² Правитель наместник (в империи Великих Моголов); также титул, которым англо-индийское правительство награждало мусульманских феодалов; человек, кичащийся своим богатством или могуществом.

Ашока не было ни настроения, ни желания читать ее. Бросив: «Оставь... потом прочту», — он уткнулся в свои бумаги. Сушма хотела сказать: «Когда ты даешь мне что-нибудь прочитать, я отбрасываю в сторону все дела и тут же усаживаюсь, чтобы прочитать это. Сегодня я первый раз попросила тебя...» — но слова застряли в горле. Она положила бумаги и вышла из комнаты. Бано и Чхоти уплетали рис с чечевичной похлебкой, расположившись у дверей кухни. Взглянув на их тарелки, Сушма спросила Ладжо:

— Сегодня ты не готовила овощи?

— Завтра утром я иду покупать билет на поезд в Лакхнау. — заявил Ашок так, словно он говорил: «Ты едешь?.. Я беру билет и тебе?»

— Как ты хочешь... Я тоже поеду с тобой?

— Как ты предпочитаешь...

— Но у тебя ведь тоже есть свои предпочтения? — спросила Сушма, как бы допытываясь. Ей все еще хотелось услышать от Ашока приглашение: «Поедем же со мной!» — Но, не услышав этого, она сказала:

— Ты так мною недоволен?..

— Правда, я не раз думал, почему я недоволен... Почему я так устал? Я не хотел бы направить свою жизнь в избитую колею, по которой идут все люди... Почему ты этого не понимаешь?.. Почему не делаешь даже усилия, чтобы понять?..

— Но я ведь ни в чем не мешаю тебе и ни к чему не принуждаю.

— Тебе не нравилось, когда я поздно являлся домой во время забастовки... Это давило меня как тяжелый груз...

— Да, мне хотелось побыть с тобой, но разве я что-нибудь говорила?.. Разве я хоть раз жаловалась?

— Говорила, не говорила... Не успеешь ты вернуться с работы, как направляешься на кухню.

— Только потому что тебе не нравится еда, приготовленная Ладжо...

— Тысячу раз говорил, что можем кушать в ресторане... Но жалеешь потратить несколько пайс... не так ли? Кроме никчемных и глупых домашних занятий ты ничем другим не интересуешься... Это и называют долгом домохозяйки? А я к этому испытываю отвращение...

Сушма почувствовала, что ее голова пошла кругом. Все клеточки и жилки головы напряглись, оцепенели. Раздраженное лицо Ашока теперь ей было невыносимо. Но, протянув руку, она коснулась его руки:

— Я виновата, — слетело с ее уст. — Ну, разве я могла бы сознательно причинять тебе боль?.. Все, что было, случилось произвольно. Забудь об этом... Плиз!

Ашок глубоко вздохнул.

— Принести чашечку чая? — спросила Сушма через мгновение.

— Ты тоже будешь пить?

В Лакхнау Ашок и Сушма каждый вечер прогуливались по городу, словно парочка совершенно свободных людей. Утром и после обеда они проводили время в разговорах с отцом и матерью. Перед сном совершали прогулку. Несколько раз Сушма предлагала: «Я слышала, что здесь очень хорошо готовят жаркое, почему бы нам сегодня не отведать его?» — На что Ашок отвечал: «Мать, должно быть, уже ждет нас».

Однажды вечером им по дороге повстречался торговец глиняной посудой и игрушками.

— Купи что-нибудь для Бано и Чхоти. — сказал Ашок.

Сушма тут же принялась выбирать подходящие игрушки в куче товара. Она купила по одной Бано, Чхоти и Нанхи. Тем временем подошел и Ашок с двумя гирляндами цветов.

— Одна — для тебя, другая — для матери, — сказал он.

— А для тети нет? — смеясь, спросила Сушма.

В действительности, Ашоку тетя совсем не нравилась. Не клеились отношения с тетей и у матери.

У тети было две дочери (ни одного сына), обе замужем. Они жили в Лакхнау, но навещали ее только по праздникам. Там был Ашок, парень, да еще хоть куда. Родители вполне отдавали себе отчет. Все это очень волновало тетю. Она слышала, что Ашок взял невесту из «хорошего» дома; а ее отец занимал высокий пост. В Дели не смогли выбраться только по причине болезни дяди. Тетя была достаточно расчетлива и хорошо понимала, в чем заключается ее выгода. Когда заболел муж, помощь предложил только отец Ашока. Братья тети были не способны на это. Поэтому было совершенно неразумно выказывать злобу или зависть. Возможно, именно поэтому тетя так быстро дала согласие на предложение мужа уступить половину дома.

На Ашока тетина изворотливость производила тягостное впечатление:

— Сколько в ней лукавства и притворства! — заметил он Сушме.

Отец был очень рад появлению сына и невестки. Радости матери и Бану также не было пределов.

— Невестка, в этом доме нет привычных тебе удобств, ты уж извини. — сказал отец.

Какое там выказывать недовольство, она просто вне себя была от радости, ощущая его предупредительное отношение к себе.

В этот день утром, когда все еще спали, отец с большой сумкой отправился на базар. Когда он вернулся, дверь ему открыла Сушма. Он принес большой арбуз и, обращаясь к Сушме, сказал:

— Тебе нравится?.. Специально для тебя. — эти слова отца обрадовали ее до глубины сердца.

— Ох, кто же сможет съесть такой большой арбуз?! — воскликнула мать. — Ты ходил на базар, а того, что надо, не купил... Я тебя просила принести сахара, чтобы приготовить сладости...

— Мама, я принесу сахар, — тут же вызвалась Сушма. Но отец уже взял сумку. Он вновь был готов отправиться на базар. Всякий раз, когда он посещал базар, он приносил что-нибудь вкусненькое для Сушмы. Бануа также использовал всякую возможность, чтобы выказать свое уважение.

Ашок весьма настаивал на том, чтобы родители поехали с ними в Дели, но отец не согласился. Ему нужно было закончить ремонт дома.

— Если я не буду сам следить за ходом работ, то подрядчики скроются, прихватив деньги. — объяснил он.

Матери очень хотелось поехать вместе с сыном и невесткой, но она и подумать не могла о том, чтобы оставить отца одного здесь. Такого и раньше никогда не было.

— Мама, поедешь с нами, — не раз спрашивал Ашок, — ведь тут Бануа! А также и дядя с тетей... Отец ведь не один...

Мать даже не отвечала. Неужто старые обычаи заменяют ответ? Сушма ничего не говорила. Ашоку казалось, что если бы она стала уговаривать мать, то та бы согласилась. Их поезд отправлялся после обеда в два часа. Мать спозаранок готовила им в дорогу любимые блюда Ашока. Бануа убирал в доме, а отец что-то растолковывал подрядчикам, а затем, подойдя к матери, сказал:

— Ты не забыла ни одного любимого блюда Ашока? А для Сушмы ты приготовила что-нибудь? — Сушма, бывшая за дверью, услышала эти слова.

— Ашок и Сушма живут отдельно, что ли? — возразила мать.

Когда они выходили из дома, тетя в виде подарка протянула Сушме сверток, в котором была скатерть с вышивкой ее младшей дочери. Ашоку не понравилось ее лицо, покрытое слишком заметными волосками. Дядя также вышел проводить их до двери. Отец же куда-то запропастился. На его поиски послали Бануа, который бросился стремглав в сторону базара. То, что отец в ответственный момент исчез, было не похоже на него. Но после ухода на пенсию он немного изменился. Наконец, он появился, запыхавшись и обливаясь потом.

— Где ты был? — спросил Ашок.

— Хотел купить арбуз для невестки... но опоздал... Продавец арбузов уже ушел.

Глаза Сушмы сами собою наполнились слезами. Бануа взял вещи.

Назавтра, как только она появилась на работе, она столкнулась с Санджитом.

— Где ты была столь долго? — спросил он.

— Ездила в Лакхнау.

Окинув ее взглядом с ног до головы, Санджит заметил:

— Ты хорошо выглядишь... счастливой и довольной... после долгого перерыва.

Сушма была поражена! Неужели его лицо способно подобно зеркалу отражать ее внутренний мир?!

Ее статья «Индийская женщина» понравилась господину Сахни. Однако как только он попытался похвалить ее, Ранграджан надулся. В результате он немедленно навалил на нее воз дополнительных поручений. Благое расположение духа несчастной немедленно улетучилось. Вечером она засиделась за бумагами до половины восьмого. Взглянув на часы, она поняла, что будет дома не ранее, чем в полдевятого.

Собравшись уходить, она намерилась взять такси или скутер, но как раз в тот миг, как она вышла наружу, подкатила машина господина Сахни. Он открыл дверцу и предложил:

— Я подвезу тебя домой.

— Thank you, сэр⁴³... Но мой дом не по пути... Я живу очень далеко.

— Ничего... Садись... Водитель отвезет тебя.

Сушма уселась. Господин Сахни внимательно посмотрел на нее. Сушма, заметив его пристальный взгляд, почувствовала себя неловко.

— Где ты живешь? — спросил он.

— В университетском городке... Мой муж там преподает.

— Преподает?

— Да.

— Сушма, ты начинаешь прекрасно писать...

— Thank you, сэр...

Я со своей стороны хотел бы оказать тебе всемерную помощь... в твоём прогрессе... — как бы невзначай он взял ее руку в свою. Сушма пришла в замешательство. Господин Сахни продолжал:

— Если ты будешь работать с усердием и целеустремленностью, то ты сможешь многого добиться... Ты еще так молода.

Сушма и так и сяк пыталась высвободить свою руку.

— С кем ты работаешь?

— Я... работаю с Видьей Кришнан.

— Она — колодезная лягушка. Я хочу предоставить тебе отдельную комнату... где не будет никаких помех... понимаешь?

⁴³ Спасибо, сэр (англ.)

Сушма вырвала свою руку. Ей казалось, что в темноте он испепеляет ее своим взглядом.

Когда она прибыла домой, ее уже поджидали Ашок и Ладжо.

— Как ты поздно... Ты знаешь, я уже хотел обратиться в полицию... Так поздно... — сказал Ашок.

— Что я — ребенок? В конце концов, может задержать работа или что-либо иное. — ответила Сушма.

— Чей это автомобиль, на котором ты приехала?

— Служебный. — произнесла это, она почувствовала, что ее лицо напряглось.

— Госпожа, приготовить чай? — спросила Ладжо. Обретя хоть какую-то поддержку и сочувствие в ее голосе, Сушма кивнула в знак согласия.

На следующее утро ее вызвал к себе господин Сахни.

— Садись, — предложил он, как только она вошла. — Сушма, вот эта смежная комната пуста. — Сказал он, кивая в сторону. — Твоя работа замечательна. Я хочу изблизи и внимательно наблюдать за ней, поэтому с завтрашнего дня ты будешь работать здесь...

Облизнув пересохшие губы и собравшись с духом, Сушма ответила:

— Мне нравится работать там, где я работаю сейчас... Я ведь исполняю все, что вы мне приказываете.

— Ты что так смущена?

Она промолчала.

— К чему эти страхи? Хорошо, если тебе нравится сидеть там, будь по-твоему... Я просто пекусь о твоём будущем.

— Я понимаю! — слетело с уст Сушмы.

Увидев ее после обеда, Видья спросила:

— Что случилось?... Ты выглядишь такой озабоченной.

— Голова болит.

— Так иди домой.

— Еще много работы.

— Я все сделаю... Иди домой. Отдохни.

С благодарностью взглянув на Видью, Сушма встала.

Когда Ашок вернулся домой в три часа пополудни и отворил калитку, он увидел под гуаявой Сушму в окружении Бано и Чхоти.

— О-о, сегодня ты пришла так рано?

— Вчера тебе очень не понравилось, что я вернулась поздно?.. Вот поэтому.

— А что будет с твоими повседневными «обязательными работами»?

— Видья обещала, что справится со всем.

— Но почему?

— Потому что она сжалилась надо мной.

— Ты ей сказала, что я... что я поддался гневу? — спросил Ашок с удивлением.

— Да. — простежки улыбнувшись, ответила Сушма.

— Правда?

— Правда.

— Ты пересказываешь Видье все, что я тебе говорю? — спросил неуверенно Ашок.

Вечером, когда потушили свет, Сушма произнесла:

— Сегодня было так весело... Так хорошо... Если бы не нужно было ходить на работу, то пусть бы было так каждый день...

— Сначала вспомни тех женщин, которые не имеют хорошего места работы... Целый день они тяжело работают, а получают считанные гроши...

— Ты тоже будешь отсчитывать мне денежки, когда я не смогу зарабатывать?

— Сушма, если тебе и не очень-то нравится твоя собственная свобода, то моя мне очень дорога; поэтому я не хочу, чтобы ты бросила работу и стала полностью зависима от меня... В той мере, в которой ты будешь экономически или духовно зависеть от меня, в такой же мере я буду чувствовать себя скованным... Поэтому я боялся женитьбы... Я хочу быть свободным. Я не хочу нести чужой чей бы то ни было груз... Ты... ты, что, не хочешь быть свободной?

— Но разве оковы любви являются бременем?

— Оковы есть оковы, какие б они ни были, они всегда закрепощают человека... удушают его. — сказав это, Ашок отвернулся. Через несколько минут по его дыханию она поняла, что он уснул. Сушма еще долго была погружена в размышления... Если господин Сахни вновь попытается применить давление или насилие, то?..

Но несколько следующих дней он ее не вызывал и даже не попадался на глаза.

В воскресенье Ладжо спросила:

— Госпожа, втереть вам масло в кожу головы? Усталость как рукой снимет.

Действительно, Сушма чувствовала такую усталость, словно она преодолела несколько горных вершин и у нее не осталось сил на дальнейшие восхождения. Если Ладжо готова даже помочь ей снять груз, который сдавил ее чело, то почему Ашок его даже не замечает?

Он был так погружен в работу над своей книгой, что никакие домашние дела его вовсе не интересовали. Прошло несколько месяцев, как она не виделась с Рекхой. Нельзя было не заметить, что при ее виде Ашок насупливал брови.

Уже несколько недель Сушма не была в Дифенс-колони. Она только переговаривалась с матерью и бабушкой по телефону с работы. Ниша хранила молчание. Вдруг отцу подвернулась поездка по работе в Чандигарх. Он без предупреждения, завершив свои дела, явился в дом Капуров. Ниша заметила его, когда он выходил из автомашины, и бросилась бегом навстречу. Отец, увидев ее, изумился: словно кто-то дал ему пощечину. Ниша совершенно исхудала. Осмотрев ее лицо, одежду, он не смог сдержаться:

— Что с тобой случилось?

Ниша безмолвно смотрела на него так, будто она во сне увидела какого-то забытого родственника. Отец нежно погладил ее, провел рукой по ее спутанным, поблекшим волосам. Ее глаза невольно наполнились слезами.

— Нанхи где?

— Спит.

— Ниши, прошло несколько месяцев, ты не написала ни одного письма и не ответила ни на одно послание мамы... Я поэтому решил заехать сегодня без предупреждения. — говоря это, он прижал ее к груди. Ниша дрожала. Эта ее дрожь не просто терзала, а разрывала на части сердце отца.

— Я не позволю тебе оставаться здесь... Соberись к отъезду... Забери Нанхи...

Но то, что он услышал от Капуров, было для него полной неожиданностью. Сначала он остолбенел, но затем впал в беспредельную ярость.

Увидев его, свекор Ниши спросил:

— Зачем вы сегодня почтили нас своим присутствием?

— Я пришел забрать Нишу... Если бы раньше стало известно, что она в таком состоянии, то я сделал бы это раньше.

— Это мы в таком состоянии... Как только эта несчастная переступила порог нашего дома, нас стали преследовать беды. Но вам то что? Если бы вы побеспокоились о том, что происходит с девчонкой, после того как вы бросили ее на краю...

— Мы писали письмо за письмом, пытались поговорить по телефону, но...

— Вы когда-нибудь поинтересовались, как идут дела у Нареша? Как только эта девчонка появилась в нашем доме, так работа этого бедняги была загублена. От таких людей как вы не дождешься поддержки и воодушевления. Отсюда — и неудачи в моем бизнесе.

— Какая вина во всем этом Ниши? Вы говорите как безграмотные люди... Какая вина может быть у Ниши во всех этих несчастьях?

— А вы, что же, полагаете, что принадлежите к грамотным? Отлично! Вы считаете, что, выдав девушку замуж, сложили с себя всю ответственность?.. У вас нет никакого сочувствия к ней или ее новой семье?

Господин Чаудхри и представить не мог, что на него возложат такие обвинения. Он более не мог сдерживать свой гнев. Повысив голос, он сказал:

— Прежде чем молоть всякую чепуху, вспомните, что мы сначала дали приданого пятнадцать тысяч, для того чтобы Нареш мог развернуть свое дело. Пять тысяч были переданы затем с Нишой...

Господин Капур рассмеялся:

— И вы думаете, что этим вполне выразили свое милосердие?

— А вы, если думаете, что издевательством над Нишой сможете получить добавку к приданому, глубоко ошибаетесь...

— Не старайтесь переложить ее беды на нашу голову — вы сами сделали ее достойной такой участи. Ни еду приготовить не умеет, ни белье постирать, ни своего ребенка...

— Довольно, — перебивая, выпалил господин Чаудхри, — я дал своей дочери образование, а не готовил из нее прислугу. Идем, Ниша, собирай свои вещи. Забери Нанхи...

Через несколько минут Ниша вышла с Нанхи.

— А где твои вещи? — спросил отец.

Она опустила глаза. Он понял, что у нее не было доступа не то что к украшениям, но даже к своей одежде. Садясь в автомобиль, он заметил, что у Ниши не было на ногах туфель. Ему никогда ранее не приходилось терпеть такого унижения и презрения и видеть ее выходящей из дома босой.

— Ты кто? — спросила Нанхи.

Отец, видимо, еще не оправился от потрясения, поэтому он просто не услышал вопроса Нанхи. Но двухлетний ребенок уже свыкся с тем, что не получал ответов на свои вопросы. Девочка стала внимательно рассматривать этого человека, который с любовью прижал к себе ее мать.

— Сушма, — громко позвал Ашок. В это время она высаживала рассаду в садике. Выронив мотыгу, она быстро вбежала в комнату:

— Что случилось, Ашок?

— Я закончил свою книгу! — сообщил Ашок, вставая и отодвигая стул с чувством крайнего удовлетворения.

Сушма расцвела в улыбке: сегодня завершился этот труд, поглощавший его на протяжении многих месяцев.

— Ты такая хорошая... Сделай для меня одну работу... Прочти и проверь эту рукопись... Нет ли в тексте каких-либо изъянов или ошибок?

Сушма, взглянув на свои перепачканные в земле руки, сказала:

— Осталось посадить несколько ростков. Сейчас приду.

— Уф... Так важно для тебя это огородничество? Ты занимаешься совершенно бесполезным делом!

Допоздна Сушма читала рукопись книги Ашока. У нее вновь пробудился интерес к истории. Ашок пишет так ясно и глубоко. Сушма взглянула на лицо своего спавшего мужа — оно светилось детской безмятежностью. Закрыв рукопись, Сушма потушила свет. Еще несколько следующих дней, возвращаясь с работы, она занималась вычиткой. Затем она сказала Ашоку:

— Связь между настоящим и историческим прошлым похожа на связь тела с кожей. Вероятно, никакое общество не может жить без своего прошлого. Тогда разве не бесполезны все разговоры о новых начинаниях и революции?

Но Ашок ее не слушал. Он был занят поисками какой-то любимой пластинки. Ему вдруг захотелось после столь долгого перерыва послушать музыку. Кроме того, у него уже выработалась привычка не обращать внимания на ее замечания, не имеющие отношения к делу. Сегодня вечером Сушма рассказывала ему о каком-то событии, произошедшем в их отделе, — он просто вышел из комнаты, оборвав ее на полуслове. Она была в недоумении: либо он боится утратить уверенность в себе под воздействием ее слов, либо то, что она говорила, было совершенно глупо и бессмысленно?

Пластинка еще не закончилась, когда в дверях появился один из приятелей Ашока. Перекинувшись несколькими словами, они вдвоем вскоре куда-то ушли. Уходя, Ашок только заметил, что он, возможно, будет поздно. Сушма вновь принялась за свое вязание. Она вязала свитер для Нанхи, но работа двигалась вперед очень медленно. Причиной было то, что Ашоку совершенно не нравилось видеть в ее руках спицы. Она не отваживалась вязать у него на глазах.

Бану и Чхоти, заметив, что Ашок ушел, тут же уселись рядом с Сушмой. Занимаясь вязанием, она отвечала на их вопросы. Но ее ум был занят другим. Ей нужно было написать статью об обычае давать приданое. Она задумалась над этим сразу же после того, как вспомнила лица Ниши и Нанхи. Ниша уже целый год жила в Дели. Увидев ее в первый раз, как она прибыла с отцом из Чандигарха, Сушма не могла спать несколько ночей. Бедняжку Нишу лечили несколько месяцев. После того шага, который совершил отец, больше ничего не оставалось кроме развода, то есть расторжения брака. Он посоветовался с адвокатом. Но семья Капуров отвергала все предложения. Ниша

стыдилась выходить из дома. Соседи и родственники начали судачить. Люди уже перестали задавать вопросы. Когда Ниша совершенно перестала говорить, Сушма крепя сердце начала увещавать ее:

— Куда девалось твое красноречие? Чего ты погрузилась в такое молчание?

Бабушка тоже настаивала на том, что гораздо лучше выплеснуть все наболевшее внутри и облегчить сердце, но Ниша не могла преодолеть некий внутренний барьер и начать говорить, как прежде.

Теперь Раджан выглядел веселым и счастливым. Он стал духовно бодрее, вполне освоился со своей работой и, возможно, стал ухаживать за какой-то девушкой. У него было мало возможностей интересоваться происходящим в доме. Мимоходом утром или вечером он заглядывал к Нанхи, брал ее на руки, пару раз подбрасывал в воздух. При этом она громко смеялась. Весь же день она вертелась вокруг своей бабушки. Когда прабабушка была расположена рассказать сказку, она усаживалась возле нее. Когда же она видела тетю Сушму, она бросалась к ней навстречу. Та всегда приносила ей что-нибудь: то игрушки, то сладости. Нанхи не переставала верещать целый день. Она замолкала только на то время, когда спала. Мать частенько говаривала: «Она во всем похожа на Нишу в детстве».

Сушма прилагала все усилия к тому, чтобы настроить Нишу на то, чтобы подыскать какую-нибудь работу или пойти учиться дальше. Но та в ответ твердила одно и то же: «Я ни на что не способна». — Ее вера в себя была разбита вдребезги, и, казалось, никакими силами ее не вернуть назад. На протяжении всего дня она молча старалась помочь матери по кухне или в чем-нибудь другом. Если кто-нибудь заходил в гости, она не выходила из внутренних комнат или удалялась на кухню готовить чай и закуску. Мать, видя ее подавленное состояние духа, вскоре перестала приглашать ее выходить к гостям. Иногда и бабушка пыталась заговорить с ней: «К чему тебе этот поношенный шарф?.. Что, мало другой одежды?» — но Ниша никогда не отвечала. В этот день бабушка, увидев ее, сказала:

— У тебя вид прямо-таки сироты!

Тут же Нанхи спросила:

— А что такое сирота? — она всегда усаживалась подле того, от кого хотела услышать рассказ или сказку. Ночью она спала возле своей бабушки. Ту совсем не утомлял ее детский лепет. Но и Нанхи было не под силу вывести Нишу из ее оцепенения.

В этот день Сушма напрямик направилась с работы в Дифенс-колони, так как у Ашока в колледже было какое-то мероприятие, и он должен был вернуться поздно. Она частенько в таких случаях наведывалась в родительский дом. Нанхи играла вместе с Роми и Монти

у ворот. Заметив Сушму, она сразу побежала к ней. Сушма подхватила ее на руки.

— Тетя, что ты принесла?

— Ты выглядишь очень усталой, — заметила мать, взглянув на нее.

— Сегодня в отделе подкинули ворох работы, — ответила она, беря в руки чашечку с чаем.

На самом деле, ей просто не давал вздохнуть Ранграджан. У него вошло в привычку взваливать все свои обязанности на нее. В довершение всего, господин Сахни сегодня вечером предъявил ей ряд упреков. Ему не понравилась ее статья о приданом:

— Эти рассуждения не понравятся читателям журнала! — заявил он. — Ты ведь не плохо пишешь... Откуда это оцепенение и инертность в твоих мыслях? — вопрошал он, не скрывая своего критического отношения.

— Что же еще можно написать об этом обычае? — осмелилась спросить Сушма.

— Все считают, что это не хороший обычай, но мы просыпаемся ночь за ночью, а он не исчезает... Впрочем, все хотят одаривать своих дочерей, и в этом нет ничего зазорного... Да, насилие неприемлемо...

— Но разве до тех пор, пока под подарками будут понимать приданое, не уместно ставить вопрос о том, что на самом деле представляет собой «уместное» приданое?

— Уместным является то, что таковым считают родители девушки... Вот это я хотел бы подчеркнуть.

— А если родители девушки сочтут уместным ничего не давать, согласится ли с этим общество? Разве люди не будут сравнивать, кто сколько дал: мало или много? Почему бы не считать девушек равными юношам и не положить конец обычаю давать приданое? Сегодня родители дают такое же образование девушкам, как и юношам. Так зачем сохранять это различие?

Очевидно, господину Сахни эта лекция Сушмы пришлась не по нраву. Прекращая спор, он вернул ей статью со словами

— Эти революционные мысли далеки от действительности. Я хочу, чтобы ты два раза переписала эту статью, имея в виду то, что нравится читателям журнала.

Сушма хотела было возразить, что, мол, она считает невозможным для себя выражать мысли, которые она не разделяет и не может разделять, но затем сочла более умным промолчать.

— Что случилось? — спросила Видья, увидев ее.

— Ничего, — ответила она и села. Немного поколебавшись, она решила показать статью Видье. Видья быстро что-то печатала на

машинке. У нее не было времени читать — она положила статью в сумку, дабы посидеть над ней дома.

Этим вечером, глядя на Нишу, сердце Сушмы исполнилось возмущения; если семья Капуров, получив столь много, довела ее, тем не менее, до такого отчаянного состояния, то что же должно быть со всеми прочими? Нареш учился за рубежом... У него ведь тоже есть сестра...

Ашок вернулся поздно ночью. Его еда стояла укрытой на столе. Сушма уже спала. Сегодня в первый раз она не дождалась Ашока. Ашок всегда отчитывал ее с улыбкой: «У тебя это вошло уже в привычку? Разве я сам не могу покушать? Я ребенок, что ли?»

Когда Ашок присел к столу, к нему подошла Ладжо и спросила:

— Поджарить хлеб?

— Нет, Ладжо.

Проглатывая последний кусок, он подумал: «Ладжо никогда не научиться готовить». — Сушма уже давно даже не заходила на кухню. Ее теперь занимали только служебные дразги.

На следующее утро Видья, глядя на нее, сказала:

— Ты очень хорошо пишешь!..

— Тебе понравилось? Правда? — невольно воскликнула Сушма.

— Да, чрезвычайно.

— А хочешь знать, как отнесся господин Сахни?

— Не знаю, но могу предположить.

— Он сказал, что следует пару раз переписать... имея в виду предпочтения читателей журнала.

— Так что ты намерена делать?

— Пока ничего не приходит на ум.

— Откуда это замешательство?

— Он будет недоволен...

Видья ничего не ответила, а лишь молча посмотрела на Сушму. Однако ее похвала наполнила сердце Сушмы радостью. Она уже не надеялась, что ее статья может понравиться Видье. Прежде та не очень высоко отзывалась обо всем, что она ей показывала. Это весьма ее воодушевило. После обеда, как только появился Санджит, она попросила его:

— Окажешь одну услугу?

— Какую?

— Прочти эту статью и выскажи свое мнение.

Санджит, положив свою камеру на стол, принялся читать статью.

— Для какого издательства это написано? — спросил он, закончив чтение.

— Это писалось для нашей «Патрики»... но...

— Ты в своем уме?

— Я не уверена... Господин Сахни сказал два раза переписать.

Санджит и Видья совместными усилиями воодушевили Сушму. Вечером, придя домой, она с той же просьбой обратилась к Ашоку:

— Прочти эту статью и выскажи свое мнение.

Ашок, не отрывая взгляда от книги, бросил в ответ:

— Оставь... Будет время, прочту. — Его мысли были далеко от всего этого — возможно, они были заняты составлением кусочков далекого прошлого.

Все слоеные лепешки, которые жарила Ладжо, были подгорелыми. Ашок сморщил нос. Сушма была погружена в свои мысли. Она этого не заметила. Вдруг она сказала:

— Я всем сердцем хочу привезти сюда на несколько дней Нанхи... Бедненькая сидит целыми днями с бабушкой и прабабушкой... Пусть она поиграет здесь с Бано и Чхоти... — в ответ Ашок отодвинул свою тарелку и вышел умывать руки.

Вероятно, было естественно, что все сокровенные мысли, которые она не осмеливалась высказывать Ашоку, она стала поверять Видье, а кое-что и Санджиту.

Неделю спустя Ранграджан спросил у Сушмы:

— Статья о приданом закончена? Господин Сахни интересуется. — Ранграджан имел весьма довольный вид. Сушма не проронила ни слова. Она не была намерена дважды переписывать статью.

Однако господин Сахни был отнюдь не простак. Не прошло и двух недель, как в журнале появилась статья, подписанная Сулочаной Бхаттой и посвященная этому самому обычаю, что не мало удивило Сушму. Санджит заметил по этому поводу:

— Очень хорошо, что ты не покорила... Если проявишь слабость, тобой любой станет помыкать.

Отношение Видьи к этому вопросу было схожим. Сушма была вне себя от радости. Удивительное дело — когда она только начинала свое «восхождение» господин Сахни не переставал ее нахваливать, однако, именно в этот период у нее совершенно отсутствовала уверенность в себе. Теперь же, когда ее статья отвергнута, она почувствовала, что ее вера в себя начала возрастать. Думая об этом, она возвращалась домой и, подойдя к автобусной остановке, заметила Ашока.

— Сушма, вернулась корректура моей книги, — воскликнул он с воодушевлением. — Сейчас предстоит тщательная вычитка... Нам с тобой привалило много работы... вот!

Придя домой, Ашок вручил ей кипу листов корректуры. Она, ничего не сказав, принялась их рассматривать. Легкий прилив воодушевления и веры в себя опять угас в ее сердце.

С этой книгой у Ашока было связано много надежд. Он был уверен, что она станет предметом серьезного обсуждения. Сушма, приходя домой, теперь принималась за вычитку корректуры. Теперь у нее совсем не было возможности закончить свитер для Нанхи. Уже несколько дней она не заговаривала с Бано и Чхоти. Они, выглянув из-за занавески и видя, что госпожа читает, опять прятались за ней. В тот день, ища что-то, Сушма натолкнулась на столе Ашока на свою статью — точно на том месте, где она ее оставила. Но теперь на ней громоздился ворох бумаг. Возможно, ей не следовало давать статью Ашоку.

Однажды господин Сахни вызвал к себе Сушму:

— Как дела? Все хорошо? Ничто не беспокоит?..

— Нет, все хорошо. — ответила Сушма.

— Сушма, по какой причине теперь в твоих статьях не чувствуется прежней легкости и точности?

Сушма промолчала. Было совершенно невозможно утверждать, что, имея в виду симпатии читателей журнала, ей было трудно выражать ясные и правильные мысли. Он дальше продолжал:

— Я не хочу взваливать на тебя дополнительный груз... Я просто подумал, что, если ты хочешь, ты можешь оставить рубрику для женщин и заняться детской рубрикой...

И вторую статью Сушмы господин Сахни отказался печатать — в ней речь шла о вере женщины в себя и отсутствии смысла жизни, что, вероятно, оказалось совершенно за пределами понимания господина Сахни. Сушма все еще молчала.

Стараясь прервать ее молчание, господин Сахни добавил:

— Я знаком с тобой уже так давно, но никогда не встречался с твоим мужем...

Сушма заторопилась. Господин Сахни совсем не понимал того, что она была вне себя по поводу грубоватого и сурового поведения мужа.

— Вы разве никогда не встречались с Ашоком? — слетело с ее уст.

Смеясь, он ответил:

— Так как ты не познакомила, я и не мог встретиться с ним! Ладно, в следующую субботу я приглашаю вас отобедать у меня. Ты ведь тоже не знакома с моей супругой Анурадхой? Вот вы и познакомьтесь друг с другом.

Когда, придя домой, Сушма сказала об этом Ашоку, тот сразу же возразил:

— Почему ты не отказалась?.. У нас еще столько работы с корректурой... Какой смысл тратить впустую столько времени ради подобных людей?

— Только потому, что отказ был бы расценен как оскорбление.

— Тогда отправляйся одна.. У меня работы невпроворот. Еще нужно просмотреть и вот эти бумаги... Да, меня приглашают прочитать несколько лекций в Илахабадский университет... Я должен ехать в следующую среду... Поедешь со мной?

— Если тот, от кого зависит отпустить меня или нет, будет недоволен, то я не смогу даже и заикнуться о поездке.

Супруга господина Сахни, двое его детей, его роскошные ухоженные апартаменты — все было таким, каким ему и следовало быть. Все члены семьи имели привлекательный и приветливый вид. Они вставали, садились, прохаживались так, как это надлежит делать «благопристойным» людям и семьям. То есть именно это и была та картина образцовой семьи и образцовой супружеской жизни, которую и следовало показывать глазам читателей журнала, и которую они хотели воплотить в своей жизни. Мысли Ашока прервал господин Сахни, обратившийся к нему с вопросом:

— Чем вы еще увлекаетесь помимо преподавания?

— Мне нравится история и музыка...

— О-о, история, музыка и Сушма... очень хорошее сочетание...

Ашок хотел было возразить, что Сушму он не рассматривает в качестве предмета увлечения, но ему совершенно не хотелось затевать спор с благодушно развалившимся на диване и потягивавшим виски господином Сахни. Поэтому он лишь улыбнулся.

Анурадха Сахни внимательно осмотрела Сушму. Она не терпела современных, работающих, да еще очень хороших, женщин. Однако, по ее мнению, Сушма не была красавицей, хотя ей и не откажешь в привлекательности. По утрам, замечая постепенно прорезывающиеся на лице морщинки, Анурадха Сахни чувствовала, как ее сердце охватывает грусть. С возрастом становилось все труднее скрывать их. Тем не менее, она прилагала усилия: перед сном наносила крем и несколько минут втирала его. Несколько лет назад она начала подкрашивать волосы. Чтобы не увеличивался вес, она почти полностью отказалась от масла, картофеля и риса. И когда она замечала, что, несмотря на все эти усилия, муж косит в сторону какой-либо смазливой девчонки, ее сердце сжималось от боли.

В пользу Сушмы говорило то, что она была замужем. Совершенно нельзя полагаться на незамужних девиц, работающих в учреждениях. Их гордыни льстит, когда им удастся заманить в свои сети мужчину, особенно, женатого. Анурадха была полностью уверена в этом. В пользу Сушмы говорило и то, что господин Сахни ранее посетовал Анурадхе на то, что Сушма прежде работала неплохо, но затем начала терять выдержку, внутреннее равновесие и стала бунтовать и роптать. Он

договорился до того, что заверил супругу в том, что исключительно из страха перед тем, что она может совершенно утратить духовное равновесие, он и пригласил ее с супругом отобедать в субботу... Познакомившись, мол, с тобой... сойдясь поближе, она изменится.

Анурадха была далека от того, чтобы принимать каждое слово мужа за божественное откровение, но эти его уверения пришлись ей по сердцу. Познакомившись с Сушмой, ей вовсе не показалось, что эта женщина может утратить душевное равновесие. Ашок ей также понравился.

Ашок отметил про себя, что обращение господина Сахни со своей супругой было подчеркнуто вежливым и благопристойным. То и дело он обращался к ней: «Анурадха, я правильно говорю?» — Анурадха, улыбувшись, выказывала одобрение. Сушма была удивлена: неужели это был тот самый господин Сахни, который никогда не позволял себя перебивать?... Неужто все мужья в «счастливых семьях» таковы?

Отобедав, Анурадха повела Сушму показывать свои апартаменты — с таким видом, какой напускает на себя искушенный гид, который показывает старинный дворец и говорит: «Это — покои падишаха Акбара⁴⁴». — Вот здесь господин Сахни читает. Стены комнаты со всех четырех сторон были заполнены книгами. В обеих детских комнатах также царил полный порядок. Каждая вещь лежала на своем месте. Сушма — как надлежало в подобной ситуации — вежливо, в подходящих выражениях выразила свое восхищение. В это время господин Сахни говорил Ашоку:

— У Сушмы есть все необходимое, чтобы стать хорошей журналисткой, и она старается... неплохо пишет... правда, сейчас немного рассеянна, так как в ее статьях не чувствуется прежней убедительности... но это ничего, если она и дальше будет прилежной, то обязательно добьется успеха...

Как раз в этот момент в комнате вновь появилась Сушма в сопровождении Анурадхи, завершив обход «образцового» семейного дома.

Вернувшись домой поздно вечером, Сушма и Ашок были весьма удивлены, увидев возле двери в уголке молчаливо сидящую Бано. У нее был перепуганный вид.

— Что случилось, Бано? — спросила Сушма. Та в ответ посмотрела на Сушму наполненными страхом глазенками.

— Иди спать, иди, Бано, уже очень поздно, — сказал Ашок. Вместо того чтобы встать, она отвернулась к стене.

— Скажи же, что случилось. — наклонившись к ней, мягко спросила Сушма. Бано отрицательно покачала головой.

— Мама поругала? — с некоторым нетерпением спросила Сушма.

⁴⁴ Годы жизни 1542 – 1605, падишах Хиндустана с 1556 по 1605 год.

На это тоже не последовало никакого ответа.

— Хорошо, спи здесь! Сейчас я тебе дам одеяло. Сушма укутала одеялом ее съежившееся тело.

— Я считаю, что этих девочек нужно отдать в школу, но никто не прислушивается. — буркнул Ашок.

Утром, взглянув в лицо Ладжо, Сушма поняла, что все далеко не так, как должно быть. Бано все еще спала, закутавшись в одеяло.

— Что случилось, Ладжо? — спросила Сушма.

Лицо Ладжо было мрачным. Должно быть, она не спала всю ночь.

— Госпожа, вчера вечером... — не знаю, как он проведаль... — он появился! — она жалобно посмотрела на Сушму, словно ее глаза хотели сказать: «Умоляю, не выгоняйте меня отсюда».

— Кто появился? — Сушма никак не могла понять.

— Мой хозяин...

— Откуда он взялся...

Ладжо, склонив голову, ответила, что она не знает.

Тут подошел Ашок:

— Где твой хозяин? — спросил он.

— Сейчас приведу, господин!

Банвари, муж Ладжо, был ни на что не годен. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что он болен. Ашок сказал Ладжо, что его следует показать врачу в больнице. Ладжо, посадив его в скутер, отвезла в больницу. Ее не было целый день. Бано и Чхоти поджидали ее под гуаявой. Вечером Ладжо показала Ашоку рецепт, который выписал доктор. Ее глаза вопрошали: ну, что там написано, господин?

— Где твой муж? Спросил Ашок, прочтя рецепт.

Ладжо тут же привела Банвари. Он стоял, держась за живот. Боль скрутила его так, что он не мог распрямиться. Другой рукой он приветствовал Ашока. Банвари не было и пятидесяти, но на вид ему можно было дать все шестьдесят.

— Ты учился когда-нибудь?.. Умеешь хоть немного читать? — спросил у него Ашок.

— Нет, Ваша милость!

— Знаешь, что написал доктор?.. Он говорил тебе что-нибудь? — Банвари опустил глаза и отрицательно покачал головой.

— Доктор дал заключение, согласно которому ясно, что ты болен по причине пьянства... Тебе придется несколько месяцев принимать лекарства... Понятно? Каждую неделю ты должен посещать врача. Здесь написаны названия лекарств, которые нужно купить.

Поручив свои обязанности по кухне Бано, Ладжо отправилась покупать лекарства. Сушма, вернувшись с работы, застала Бано за

резкой овощей. Чхоти, сидевшая у входа в кухню, играла с мячом. Бано чуть-чуть умела готовить. Ашок, отведав ее стряпни, промолвил:

— Бано готовит гораздо лучше Ладжо.

После того, как в доме появился Банвари, Бано спала в уголке в гостиной. Он расположился на ее месте в комнате Ладжо. Нередко у него были выделения крови с рвотой. Ладжо об этом ничего не говорила госпоже и господину. Стараясь все скрыть, она тут же убирала в комнате. На кухне работала больше всего Бано. В этот день Ладжо нужно было отвезти Банвари в больницу, поэтому она поручила Бано также сделать закупки овощей на рынке. Взяв сумку, она вышла, но по пути ей повстречались развязные шалопаи. Не весть отчего она вернулась домой совершенно перепуганная. Долго она сидела и дрожала, забившись в угол кухни. Сушма приказала Ладжо больше не отпускать Бано одну на рынок.

Целый день в отсутствие Сушмы и Ашока Банвари срывал свою злобу на детях. Вероятно, поэтому у них часто был весьма перепуганный вид. Лицо Ладжо утратило здоровый вид и несло на себе постоянную печать испуга. Ей теперь приходилось помимо бремени домашних работ нести груз забот о Банвари. Все те гроши, которые ей удавалось собрать, ныне она тратила на лекарства. Доктор советовал покупать для Банвари молоко. Расходы возрастали. Свыше ее сил было смотреть на ухудшавшееся здоровье Банвари. Он уже сам не мог выйти из дома. Не то, чтобы у него пропала тяга к вину, но просто он не мог держаться на своих ногах, если бы и очень захотел этого. Он знал, где Ладжо хранила свои деньги, да и воровать для него было привычным делом, но без поддержки Ладжо его ноги подкашивались, а глаза тут же застилала тьма.

Этим днем, когда Ашок подошел к дому, он заметил Банвари, лежащего на траве в саду. Ладжо ушла на базар. Ашок поднял его и проводил в его коморку. Как там было грязно! Ашока чуть было не стошнило.

— В какой грязи живут Ладжо и Банвари! — сказал он Сушме.

Та и сама была раздражена. Ладжо не справлялась ни с уборкой по дому, ни с приготовлением еды. Большую часть работы выполняла Бано. Бедняжка, несмотря на слабость своих рук и юный возраст, старалась изо всех сил. Ладжо прежде внимательно следила за собой. Когда, умывшись, она наносила себе на лоб бинди⁴⁵ красной краской, ее лицо становилось красивой. Сейчас — что там бинди — волосы всегда были спутаны. Она совершенно согнулась под бременем забот о больном Банвари.

⁴⁵ Бинди — тика, знак замужней женщины.

Помимо всего этого у Сушмы очень большое беспокойство вызывало состояние Ниши. На прошлой неделе, несмотря на все многочисленные уговоры, Ниша не согласилась сходить в кино. По словам Сушмы, Рекха также прилагала не мало усилий к тому, чтобы вывести Нишу из этого оцепенения, но ей тоже это не удавалось. Когда бы она ни заходила навестить ее, она общалась, главным образом, с бабушкой и Нанхи, а Рекха держалась от них в стороне. Нанхи постепенно отдалялась от матери. Теперь, когда она, резвясь, падала, она чаще звала на помощь бабушку. Сушма была поражена. Обычно дети, получая ушиб, зовут мать.

Прошло уже полтора года, как Ниша вернулась из Чандигарха в Дели, однако в ее состоянии не было заметно никакого улучшения.

Однажды Сушма, не в силах скрыть свое раздражение, спросила мать:

— До каких пор будет сохраняться это положение?.. Ниша как бы чужая и там, и здесь.

— Отец делает невероятные усилия убедить Нареша дать согласие на развод, но его семья и слышать ничего не желает... если не получит сумму в пятьдесят тысяч.

— Пятьдесят тысяч! — невольно воскликнула Сушма.

— И речи нет о возвращении драгоценностей и нарядов Ниши... Ты не представляешь, как все это угнетает отца... Я уже ничего не понимаю... Приближается и время женитьбы Раджана...

Сушма знала, что у Раджана есть подруга, которую зовут Рама. Несколько дней тому назад Ашок и Сушма нечаянно повстречали Раджана и Раму на Канат-плейс. Затем однажды они вдвоем заехали в гости к Сушме. Рама за все время, пока они были у нее, не проронила ни слова. Она была внешне привлекательной. Цвет кожи довольно светлый, на лице — следы косметики. Сушме показалось, что она недостаточно естественна. Рама была христианка. Раджан сказал, что ее родители не желали и слышать о гражданском браке за пределами общины и вне стен церкви. Раджан и Рама пытались найти выход из этого затруднения.

— Как вы познакомились? — спросила Сушма у Раджана.

— Очень просто. Второй брат Рамы работает в нашем банке...

— Он тоже возражает против вашего брака?

— Нет, в этом вопросе оба брата проявляют умеренную сдержанность... Старший брат Рамы занимает высокую должность в какой-то хорошей кампании...

— Ты уже говорил с отцом?

— Нет... Раз родители Рамы против, то какой смысл обсуждать это с отцом?

— А мама знает?

Раджан отрицательно покачал головой.

Ашоку все эти семейные отношения вовсе не были интересны. После этих двух мимолетных встреч и знакомства с Рамой он лишь заметил:

— Подружка Раджана кажется немножко неестественной.

Когда Раджан приступил к работе в банке, отец чуть не каждый день читал ему лекцию на тему отношения к работе: «Сынок, залогом успеха и продвижения по службе является только одно — усердие». — Это он повторял на разные лады, пока не устал. По его мнению, Раджан был из тех, кто без понукания работает спустя рукава. Поначалу он пару раз брал его с собой в клуб, где знакомил со своими приятелями. Но это не вызвало у Раджана никакого воодушевления. Он вел себя так, словно его заставляли пить горькое лекарство. Возвращаясь в автомобиле домой, отец поучал его:

— Ты пока не понимаешь, что недостаточно хорошо исполнять свою работу, нужно еще, чтобы люди, занимающие ответственные посты, знали, кто ты и что делаешь. Тебе постоянно нужно попадаться им на глаза, чтобы они стали тебя узнавать. Смотришь, они и подсобят тебе в нужное время. Это именуют «общественными отношениями»... Это чрезвычайно важно, понимаешь...

Однако ум Раджана был поглощен совершенно другим: все мысли были о том, как выкроить побольше времени для встреч с Рамой. Постепенно отец смирился со своим поражением и прекратил читать назидания.

Отец исполнил свой долг по отношению к Раджану. Устроив его на работу, он сбросил с своих плеч тяжелый груз. Но он никак не мог освободиться от тяжести на сердце, которую вызывал уныло печальный вид Ниши. И средства не видно было никакого. Раза два, не говоря дома ни слова, он ездил в Чандигарх. Жадности господина Капура не было пределов. Господину Чаудхри было не под силу утолить эту жажду.

Иногда, глядя на Нанхи, отец застывал в изумлении: то, как она смеялась, ее бойкий язычок, привычка, задавая вопросы, наклонять в сторону головку — все было точной копией Ниши в детстве. Время так стремительно возвращается на круги своя, что едва успеваем заметить, как оно безвозвратно улетает, чтобы никогда не воротиться назад. Нанхи хорошо понимала, что участники ее игр Роми и Монти больше всего любят дедушку. Замечая его, они тут же прекращали игру и убегали к нему навстречу. Не успевал дед снять свои туфли, как Роми и Монти тащили ему его тапки. Наклонив головку, Нанхи однажды спросила:

— Дедушка, ты так же сильно любишь дядю Раджана, как Роми и Монти?

На это господин Чаудхри ответил:

— А тебе как кажется?

— Мне кажется, что дядя Раджан не настолько тебя любит, как Роми и Монти.

Сидевшей рядом бабушке этот разговор совсем не нравился:

— О, какой у нее длинный язык, посмотри-ка, режет, как ножницами. — сказала она. Однако бабушка была недовольна и Раджаном. Он приходил домой только для того, чтобы переночевать. Она уже намекнула сыну и невестке на то, чтобы те подумали о женитьбе Раджана — но разве кто-нибудь прислушивался к ней?

Взирая на положение Ниши, она, конечно, сильно переживала, но она также была уверена, что, если бы Ниша проявила больше хитрости, то смогла бы подчинить мужа своей власти, — а что касается свекра и свекрови, то в каком доме не бьется посуда? Господь наделил женщин многими способностями. Хитрость и есть умение использовать эти способности. Однако и Ниша, и Сушма, по мнению бабушки, были совершенно безграмотны в этом отношении — возможно, потому что они никогда не видели свою мать, использующей эту самую хитрость, необходимую для женщин. Шанти никак нельзя было назвать хитрой. Она улаживала все свои дела, полагаясь только на молитву и пуджу, домашний обряд богочитания. Но господь ведь не принадлежит к тем, кто поддерживает бездарных неумеек. Долг женщины держать мужа в узде. По убеждению бабушки, Ниша была виновата в том, что не смогла этого сделать и не смогла отвоевать себе место в доме свекра. В конце концов, каждой женщине надлежит овладеть этим искусством. Какой смысл в окончании школы и института, если она в семье не может защитить свои права?!

Возможно, Ниша осознавала свои слабости. Ибо она всегда опускала взгляд и склоняла голову. Бабушка теперь мало думала о Нише. Ее больше интересовали телевизионные программы.

Несколько раз она побывала в доме Сушмы, хотя та и не приглашала, да и жила совсем не близко. Она вышла замуж за человека из обычной семьи. Впрочем, в некоторой степени все это — превратности судьбы. Ашок — неплохой парень, но если Сушма будет вести себя так же глупо, как Ниша, то не известно, когда она сможет утвердить свои права в семье. Бабушка считала, что она излишне лебезит перед семьей свекра. По ее глубокому убеждению, Шанти не смогла подготовить своих дочерей к семейной жизни.

Все бремя забот по воспитанию Нанхи теперь легло на саму Шанти. Не редко ее просто охватывал ужас, когда она смотрела на Нишу. То, что ее нежная чистая доченька до такой степени помрачнела, являлось постоянным источником страданий матери. Сушма считала, что то рвение, с которым она обращала к богу свои молитвы, было чрезмерным и не могло не вызывать сочувствия. Однажды она, думая об этом, готова

была уже сказать матери, что, если бы она нашла какое-либо иное средство, нежели молитвы и домашние обряды пуджи, было бы лучше. Но, посмотрев в ее печальные глаза, она остановилась. С ее уст лишь слетела фраза, исполненная любви:

— Все уладится.

Но мать не видела никакого выхода.

Нише же казалось, что в книге ее судьбы нет ни одного упоминания о счастье. Будущее подобно однообразной безжизненной пустыне: со всех четырех сторон — раскаленный песок, и нигде ничего другого кроме жажды. Возможно, именно поэтому она и старалась держать Нанхи от себя на расстоянии.

Отец Нареша вбил себе в голову, что господин Чаудхри, выслав двадцать пять – тридцать тысяч, вернет назад Нишу. С другой стороны, по мере того как шло время, настроение господина Чаудхри тоже менялось. Во-первых, то потрясение, которое он испытал, увидев Нишу в Чандигархе, постепенно прошло. Во-вторых, изо дня в день видя подавленность Ниши, он чувствовал, что не в его силах найти решение этого вопроса. Неужели его дорогой доченьке придется вот так зачахнуть? Шанти неустанно возносила к богу свои молитвы, но это ничего не меняло и вряд ли могло изменить. Уже прошло два года, как Ниша вернулась из Чандигарха. Все спрашивали, неужто Ниша не собирается возвращаться в дом свекра. Поначалу господин Чаудхри твердо заявлял, что она ни в коем случае не поедет назад терпеть унижение. Со своей стороны он использовал все возможности, чтобы добиться развода, в то время как одно упоминание о разводе вызывало оцепенение у его супруги и матери. Однако, когда нет согласия двух сторон, то получение развода становится, если и не невозможным, то крайне трудным делом. По уверению адвоката, это дело можно легче продвинуть вперед, когда муж и жена живут раздельно более двух лет. Затем дело может несколько лет рассматриваться в суде. За это время выплеснется наружу огромное количество грязи.

Господин Чаудхри был в растерянности: нужно ли что-нибудь делать или нет — если да, то что? Бабушка уже привыкла к постоянно печальным лицам сына и невестки. Не в ее духе было хранить в себе то, что лежало на сердце; но когда всем приходилось не сладко, то и она была вынуждена накладывать на себя определенные ограничения. Ей просто претила эта идея с разводом: до сих пор не было ни одного развода ни в их семье, ни в семьях близких — подобное случалось где-то далеко, и то — только с распутными женщинами. Но тут, в собственном доме, все эти разговоры о разводе были нестерпимы. По ее мнению, то была благосклонность судьбы, что семья Капуров была против развода.

В конце концов, бабушка сказала сыну и невестке:

— В этом деле есть только один выход.

— Я ничего не могу придумать... не видно никакого выхода... — отозвался господин Чаудхри, покачивая головой.

— Если послушаешь меня, то, затратив пять-десять тысяч, сможешь отправить ее в дом свекра.

— Мама, что это за средство? Я сам видел, до какого состояния довели ее эти люди...

— Но ведь ты и дальше видишь, в каком она пребывает состоянии... В конце концов, счастье и несчастье девушки сопряжены с домом свекра...

— Я должен послать ее сносить унижение?

— А почему бы тебе не спросить у нее самой... Разве не унижительно для женщины после замужества жить в доме родителей? Неужто ее будущее не будет угрождено в этом доме? Она, что, должна провести всю жизнь под родительским кровом? Тогда уж точно ей не найдется места в доме свекра... Ты все время смотришь, чтобы она не отважилась показать свое лицо кому-нибудь...

Господин Сахни промолчал. Что тут скажешь? Шанти смотрела на него. Если бы Ниша была из тех девушек, которые готовы серьезно заниматься каким-либо делом, то все было бы иначе. Но она весьма обычная и заурядная девушка. Она с детства, не могла представить в своем будущем ничего иного кроме супружеской жизни. Да, она закончила колледж, сдала кучу экзаменов, но, видимо, ей недоставало смелости противостоять сложившейся веками традиции, которой следовали все, и которую одобряло общество? Вот поэтому-то она терпела унижения в доме свекра. Поэтому Ниша молча сносила брань, и по этой же причине для нее было так же тяжело думать о разводе, как для бабушки и матери. Постепенно все стали склоняться к мысли о том, что, если дело и может быть улажено, то только с помощью денег. Господин Чаудхри, видя общее настроение, начал предпринимать шаги при посредстве одного своего друга к тому, чтобы договориться с господином Капуром о сумме. Тот, запросив сразу двадцать пять тысяч, потом согласился на десять. С тяжелым сердцем господин Чаудхри принял это условие, но в одном он был непреклонен, а именно, в том, чтобы Нареш сам приехал забрать Нишу.

Это решение отца, матери, бабушки и Ниши обескуражило Сушму. Она даже умоляла их, пытаясь растолковать очевидное: если Капуры сейчас согласились принять невестку при условии уплаты десяти тысяч, то завтра они запросят невестку сколько, и кто знает, как они теперь будут обращаться с ней. Разве можно защитить достоинство и честь Ниши с помощью денег?! Если и можно, то как надолго?

Мать возразила ей:

— Тогда подскажи, как иначе можно выйти из этого тупика.

Положение Ниши теперь вызывало еще большее сострадание. Отец сносил все неприятности, хотя и сильно страдал, организуя все это. Матери было не впервой сносить мучения: у нее выработалась привычка, устоявшаяся за многие годы, подавлять все свои сердечные порывы. Однако Ниша была подобна щепке в бескрайнем бездонном море, которую бесцельно швыряло то туда, то сюда — и не могло прибить ни к одному берегу. Вода и там и здесь была одинаково глубока и страшна. Папочке приходится еще давать десять тысяч. Она вешает ему на шею еще один груз.

Наконец, приехал Нареш и забрал Нанхи и Нишу. Нанхи его не узнала, но, усевшись в автомобиль, она тут же обрадовалась.

Сушма страдала, как рыба, выброшенная на берег. Что нашло на отца? Не укладывается в голове... То он был так обеспокоен заботой о своей чести — то вдруг отправляет Нишу и Нанхи, выделив десять тысяч... Но уж совершенно непонятно, почему мама была так обходительна с Нарешем. Какое затмение нашло на разум всех?

Ашок по этому поводу ничего не сказал, но его глаза говорили, что он питает отвращение ко всем этим ничтожным дрязгам, присущим среднему сословию... Ты желаешь жить со всем этим... живешь, ну, так и сама расхлебывай!

Сушма прошла на кухню. Там Бано размалывала специи.

— Где Ладжо? — спросила она.

Бано не ответила. Та ушла покупать лекарства. После обеда, Банвари, выгастив ее деньги, напился. Вследствие этого она была в дурном настроении.

Ашок, придя домой, увидел Бано, которая одна-одинешенька сидела у дверей дома. Та, которая не раз была бита кулаками Банвари, теперь колесила по городу, посещая докторов и аптеки. Когда Банвари мог зарабатывать сам, он все пропивал. Теперь все, что ей удается заработать, уходит на лекарства для него. Прежде она слышала его ругательства — теперь его стоны. И то было хорошо, что в присутствии госпожи и хозяина Банвари не бранился на детей и хозяйку. Он все-таки прекрасно чувствовал, где его выгода.

Сушму беспокоил и внешний вид Ладжо — осунувшееся лицо, спутанные волосы, — и то, как сурово она обращалась с Бано. Ашок тоже устал от всего этого, но он осознавал, что Ладжо больше некуда податься. Возможно, он более отчетливо, чем Сушма, понимал и то, что Банвари не справится со своей болезнью. Сушма же думала про себя:

коль Ладжо никогда не видела добра от своего мужа, то почему она должна нести этот груз?

— Можно задам тебе один вопрос? — спросила она у Ашока. В это время он, написав письмо матери, заклеивал конверт.

— Ну, что?

— Ты говоришь, и Рекха тоже...

Ашок тут же оборвал ее:

— То, о чем говорит Рекха, спрашивай у нее!

— Хорошо, мой друг... Я хочу сказать, что женщинам совершенно необходимо быть экономически независимыми и стоять на своих ногах. В этом нет никакого сомнения. Тем, кто не может стоять на своих ногах, придется сносить унижения... Но те женщины, которые сами зарабатывают, как, например, Ладжо и ей подобные бедные женщины... разве они также не сносят унижения? Их муж, когда вздумает, может их бросить вместе с детьми и уйти. Но когда какой-нибудь Банвари возвращается, то его жена не может закрыть перед ним двери... Но...

— Какой вопрос ты хочешь задать? — раздраженно отозвался Ашок. — Если о том, почему Ладжо его... Так об этом ты лучше спроси ее саму.

Сказав это, Ашок накинул куртку и вышел, ничего не объясняя. Вероятно, он пошел вбросить письмо матери. В том, что он вот так, ничего не говоря, уходит, уже не было ничего необычного. Сушму это всегда весьма огорчало. Ее мысли были всегда ограничены небольшим кругом забот: она никогда не размышляла ни о чем другом кроме пустяков, происходивших дома, ничтожных столкновений на службе, или того, что выкинула Нанхи, или сказал папенька. Какой же наделенный разумом человек сможет это долго сносить? Пожалуй, то, что Ашок уходил на улицу и тем прекращал разговор, было лучше ссоры. Ашок либо прогуливался, либо шел в библиотеку.

В этот день была напечатана его книга. Увидев свое первое творение, он почувствовал, как большое волнение охватило его сердце. Пришло несколько писем, в том числе и из заграницы. Вследствие всего этого он получил поощрение. Он пригласил к себе в гости своих коллег по колледжу и друзей. Сушма, Ладжо и Бано вместе готовили угощения. Они хорошо потрудились. Ашок парил в небесах. Возможно, поэтому он даже не обратил внимания на некоторую молчаливость Сушмы.

В действительности, в тот день, когда Ашок в который раз покинул дом, оборвав беседу на полуслове, Сушма приняла решение ничего больше не говорить и не спрашивать. Теперь она считала унижительным для себя сказать ему что-нибудь помимо таких фраз, как «будешь пить чай?» или «еда подана».

Тем временем она написала статью о работающих женщинах, ради чего она специально встретилась почти с полусотней таких женщин. Закончив статью, она принесла ее домой. Ей очень сильно хотелось показать ее Ашоку, но не хватило смелости. Ашок скорее всего сказал бы: «Оставь, будет время, прочту». — Поэтому она, спасая свое самолюбие от очередного укола, не солоно хлебавши, вновь принесла статью в редакцию.

В этот день в редакции после долгого отсутствия появился Санджит.

— Где ты был так долго?

— Ездил в Раджастан.

— В путешествие?

— Нет, для съемок небольшого фильма.

— Покажешь.

— О, если попросишь!

— Хорошо, сделаешь одно дело?.. Прочти и скажи свое мнение, — попросила Сушма, вынимая из ящика стола свои бумаги.

— Только скажи, я готов прочесть сотню раз. — ответил Санджит, листая страницы.

На следующий день, расплатившись с моторикшей и стремительно вбежав в редакцию, Сушма остановилась, как вкопанная. На ступеньках лестницы сидел Санджит. Глядя на нее, он встал и, взглянув на часы, произнес:

— Ты опаздываешь на семь минут!

Она рассмеялась.

— Ты догадываешься, почему я преследую тебя в такую рань? — спросил Санджит.

— Сидя на пыльных ступеньках, ты меня преследуешь?

— Не совсем преследую, скорее, жду... все из-за твоей статьи... Ты смогла так много и так прямо сказать... но...

— Но что?

— А то, что это не может быть напечатано в этом журнале... Если это прочтет господин Сахни, то он просто тебя уволит!

— Это написано по его просьбе... Он сам дал мне заголовок.

— Это, может быть, и так, но то, что ты написала, ему не понравится... Хорошо, можно один вопрос?

— О чем?

— Кто та женщина, которую ты описала в самом конце? Настолько живой образ, что...

— А, Ладжо? Я имела в виду... Это — обнаженный образ нас, женщин... Поэтому он, вероятно, показался тебе таким убедительным.

В это время появился посыльный господина Сахни и сказал:

— Господин просил вас напомнить.

Взяв статью, Сушма прошла в его кабинет.

Взглянув на нее, господин Сахни улыбнулся:

— Ты не едешь обедать домой? Я о том... не отобедать ли нам вместе? Честно говоря, Анурадха с детьми уехала в Канпур. Я один, а ты придерживаешься свободных взглядов... я хотел сказать, ты совершенно эмансипированная, без предрассудков...

Сушма, положив статью на стол господина Сахни, ответила:

— Сэр, у меня ушло на написание этой статьи немного больше времени, чем предполагалось.

— Не беспокойся об этом... Ровно в час спускайся вниз к моей машине.

— Сэр, это не возможно.

— В чем дело? У тебя другие планы?

— За мной заедет Ашок. — соврала Сушма.

— Тогда когда-нибудь в другой раз, договорились? — в голосе господина Сахни почувствовалось нескрываемое раздражение.

Приехав домой, Сушма застала Ашока в очень возбужденном и приподнятом настроении.

— Мне пришло приглашение из Англии. — сообщил Ашок, протягивая Сушме письмо.

Она тут же, стоя у порога, прочла это письмо. Глядя на радостного Ашока, с усилием улыбнулась.

Когда Бано внесла чай, Ашок, отрицательно кивнув головой, отказался. Сушма опустила на пол сумку и, пройдя в кухню, приготовила две чашки горячего чая. Из ее рук Ашок с удовольствием принял чашечку. В этот вечер к ним случайно заехала Рекха. Ее уже давно не было. Обычно при встрече с ней Ашок сразу же впадал в раздражение. Сегодня этого не случилось.

— Ты выглядишь весьма усталой. — сказала Рекха Сушме.

— Не ведомо по какой причине она выкладывается на своей работе в журнале. — заметил Ашок.

— Осталось уже немного дней «выкладываться»... Кажется вскоре придется искать другую работу. — отозвалась Сушма со смехом.

— Твой господин Сахни взирает на тебя с нескрываемым удовольствием, — возразил Ашок.

Тень отчаяния, мелькнувшая на улыбающемся лице Сушмы, возможно, и не была им замечена, но не ускользнула от внимания Рекхи.

Ашок и Рекха принялись спорить о чем-то. Их слова долетали до ушей Сушмы, подобно шуму автомобилей на улице, но их смысл до нее совершенно не доходил и не производил на нее никакого впечатления.

После того как Рекха ушла, Ашок сказал:

— Ты всякого, кто заходит в наш дом, удерживаешь до тех пор, пока не накомишь, а Рекху сегодня даже не попыталась удерживать?

Сушма ничего не ответила.

Потушив свет и улегшись, Ашок протянул руку в сторону Сушмы. Сушма была в растерянности. Ей было трудно, даже просто нестерпима сама мысль о близости, но и сопротивляться она была не в силах. Вдруг какой-то вековечный голос откуда-то изнутри сказал: «Вот поэтому и Ладжо не может прогнать Банвари!»

— Что случилось? В чем дело? — спросил Ашок.

— Ничего.

— Ты чего такая задумчивая?

— Я и задумчивая? Ты ведь всегда говоришь, что я никогда не могу быть серьезной.

— Правильно, и не старайся быть серьезной, тебе не идет. — и, протянув руку, Ашок прижал ее к себе.

Не то, чтобы Сушма пришла в замешательство, когда увидела входящего в их отдел господина Сахни, но, конечно же, она удивилась. Раньше такого никогда не было. Она встала. Он разрешил ей сесть, но она осталась стоять. Его взгляд скользнул по спине Видья, склонившейся над своим рабочим столом.

— Твоя статья... Замысел ясен, но мысли вычурны... Ее нужно раза два переписать. — он положил на стол ее рукопись.

Сушма ничего не ответила.

— Как я тебе уже говорил, все это не может быть напечатано в нашем журнале. Я считаю тебя сообразительной и независимо мыслящей... однако, не без предрассудков... — его лицо расплылось в ироничной улыбке.

Сушма вновь ничего не ответила и не осмелилась посмотреть ему в глаза. Не успел господин Сахни выйти из их комнаты, как Сушма почувствовала гнев на самое себя. Он упрекнул ее в вычурности мыслей, она не смогла даже возразить. Что это за слабость! Она покраснела. Что, интересно, думает Видья? С ее уст не сорвалось ни слова в защиту чести женщин! Почему? Почему она не сказала, что она тоже женщина, что эти мысли вычурны только по мнению мужчин, но для женщин они есть выражение сути их жизни? Должно быть, Видья думает, что у нее совершенно нет собственного достоинства.

Видья не проронила ни слова, будто бы ее здесь не было, будто бы она ничего не слышала и ничего не видела. Она упорно стучала на своей машинке.

В двери появился весело насвистывавший Санджит. Как только он увидел Сушму, он тут же стих. Подойдя поближе, он хотел спросить, как у нее дела, но произнес:

— Не выпьешь чая?

Сушма отрицательно кивнула.

— То, может быть, кофе? Отлучимся лишь минут на десять. — Сушма не смогла дальше отказываться.

В буфете, сидя за столиком и отхлебнув первый глоток кофе, она, наконец, смогла поднять глаза. Санджит открывал портсигар. Что-то спросил и умолк. Его естественное сопереживание ласкало ее, как нечаянно проникшая нежная струя ветерка. Выйдя из оцепенения, Сушма сказала:

— Ты говорил, что эта статья не годится для журнала. Ты был совершенно прав.

— Ты признаешь, что я не совсем глуп.

— Глуп не ты, а я. Поэтому я доставляю тебе столько хлопот.

— Выпьешь еще чашечку чая? Заказать?

— Нет, довольно. Скажи мне вот что.

— Что?

— Если ни одна из моих статей не годится для этого журнала, как это очевидно, то что же мне остается здесь делать?

— Бросить эту работу... Ты сможешь устроиться где-нибудь в другом месте.

— Где, например?

— О, ты уже несколько лет занимаешься журналистикой... Сейчас есть много разных ежемесячных, еженедельных, ежедневных изданий. Я сам посылаю свои фотографии в три-четыре издательства... Ты, что, думаешь, что я живу заработком только в этом журнале?!

— Но между нами большая разница... Ты — творческая личность, художник, а я лишь служащая...

— Чушь! Да, года полтора ты была просто служащей, но отнюдь не теперь. Вначале в твоих статьях отсутствовала оригинальность, но сейчас твои собственные взгляды вполне сформировались. Ты не только хочешь сказать нечто новое, но и имеешь достаточно смелости для этого.

В тот день Сушма засиделась на работе допоздна. Хотя не было ничего срочного, ей просто не хотелось идти домой. Ранее, когда она задерживалась на работе, ее ноги обычно сами ускоряли шаг, а взор стремительно отыскивал свободное такси или скутер. Но сегодня все было иначе. Очень долго она поджидала автобус.

Приехав домой, она удивилась, застав там отца и мать Ашока. Отец был не из тех, кто может явиться в гости без предупреждения. Оказалось, что они послали телеграмму, которая не дошла. Они долго ждали Ашока

на вокзале. Наконец, взяли такси и приехали. У Ашока был какой-то семинар, поэтому дома их встретили только Ладжо, Бано и Чхоти. Ладжо обрадовалась, увидев Бануа, но Бануа, увидев Банвари, стал проклинать свою судьбу.

Отец и мать, несомненно, были расстроены тем, что Сушма так поздно явилась домой. Но к тому времени, когда появился Ашок, все трое были уже в хорошем настроении. Сушма сразу же направилась на кухню, чтобы посмотреть, приготовила Бано хоть что-нибудь или нет. Если бы она знала заранее, что приедут отец и мать, то она непременно навела бы порядок. Теперь приходилось довольствоваться тем временем, которое было в ее распоряжении. Все заботы и беспокойство, связанное с работой, отошли на задний план, куда-то в подсознании бесов есть обыкновение выбираться наружу, поэтому она долго не могла уснуть.

Распорядок в доме с приездом отца и матери заметно изменился. Мать сразу взяла на себя все обязанности по кухне. Бано и Бануа занимались уборкой, а отец ходил на рынок за покупками. Он делал это два раза в день. Мать ублажала вкус сына его любимыми блюдами. В этот день она готовила сладкое печенье. Сушма, подойдя к ней, попросила:

— Мама, научите меня также выпекать такое печенье.

В доме царил праздничное оживление. Приближался дивали⁴⁶. Но Бано и Чхоти выглядели съезжившимися. Пару раз мать пригрозила им пальцем. Теперь им было запрещено входить в кухню, не умывши руки. Ладжо, хотя и старалась, не могла скрыть своего недовольства. Что говорить, прежде она частенько выносила с кухни молоко, сахар, бананы для своего Банвари. Но как можно теперь продолжать таскать все это прямо на глазах у матери? Перед приездом отца и матери Банвари покинул господский дом и перебрался в свое жилище. Теперь он проводил дни, сидя у своей лачуги. От этого его настроение еще более ухудшилось.

По воскресеньям отец бывал в особенно приподнятом настроении. Он вставал рано. Перед тем как выйти на прогулку просматривал газеты. Вернувшись с прогулки, усаживался читать понравившуюся статью с чашечкой чая. Сегодня, наткнувшись в газете на статью, посвященную книге Ашока и полную восхвалений, он прямо воспарил в облака. Будь его воля, так он оповестил бы об этом весь мир с барабанным боем, но этим утром мир словно вымер — не было никого кроме Бануа, подметавшего пол.

⁴⁶ Дивали — праздник огней в честь богини Лакшми в месяц катик (октябрь-ноябрь).

— Смотри, Бануа, как хвалят книгу господина Ашока! — воскликнул он.

Опустив метлу, Бануа закивал головой. Для этого несчастного буквы были похожи на рогатых буйволиц. Чуть позже появилась Чхоти, которая присела у дверей кухни. Бануа, подзвав к себе Чхоти, сунул ей в руку лепешку с кусочком ачара⁴⁷, которую он припрятал с вечера:

— Ступай в сад и там съешь.

Он, вероятно, опасался того, чтобы не заметила мать и не стала расспрашивать: умывала ли она руки, перед тем как лезть в банку с ачаром; чистой ли была ложка — не то весь ачар испортится.

Ашоку мать приготовила чай с кардамоном и попросила Бануа отнести. Бануа спросил:

— А для госпожи?

Мать не ответила.

В этот день, вечером выйдя из автобуса, Сушма заметила отца, возвращавшегося домой с сумкой в руке. Вероятно, он ходил на базар. Сушма подумала, что он ее не заметил. Его зрение стало еще хуже. Он ходил покупать цветы для Сушмы. От него не укрылось то, что она стала более молчаливой и немного замкнутой в себе. Она менее, чем прежде, обращала внимание на убранство дома и домашние растения. Прежде по утрам она жужжала, как пчелка. Ее голос слышался то оттуда, то отсюда. Но теперь его не слышно нигде. Садик выглядел точно таким, как до женитьбы Ашока.

Отец одно за другим извлек из сумки яблоки, уложил их в корзинку и поставил ее на стол так, как это прежде делала Сушма.

— Тебе нравится? — спросил он, обращаясь к ней. Сердце Сушмы радостно затрепетало от этих слов отца.

— Ты по два раза ходишь на базар, а затем жалуешься на боль в ногах. — упрекнула его мать.

— Отец, в доме есть Бануа, Ладжо... Зачем тебе ходить на базар? — вмешался Ашок.

Сушма хотела сказать, у отца помимо ног есть еще сердце и такая вещь как любовь, но вместо этого с ее уст слетело:

— Однако разве Ладжо и Бануа смогут где-либо найти такие яблоки?!

Отец до поздней ночи читал книгу Ашока. Впервые сегодня он осознал, насколько его исторический подход верен и глубок. Прошло уже много времени с тех пор, как Ашок закончил университет. Он хотел, чтобы сын стал врачом или инженером, но воздержался от того, чтобы оказывать на него давление. Теперь он радовался тому, что не сделал этого.

⁴⁷ Ачар (перс., хинди) — маринад, маринованные фрукты или овощи.

Однако отец не был согласен со всеми доводами и положениями. Например, он не считал, что индусское общество с самого начала было разделено на сословия и касты.

— Это — извращения индуизма и нашего общества, которые следует вырезать и удалить. — убеждал он Ашока.

— Так почему не удалось их вырезать и удалить на протяжении стольких веков? — возражал Ашок.

— Вероятно, не было сделано надлежащих усилий.

— Господь Будда⁴⁸, прилагая усилия к тому, установил новую веру. Разве не замечательно то, что буддийская религия распространилась в Китае, Японии, Корее — во всех уголках Азии, — но в Индии от него остались только одни осколки.

— Это оттого, что Шанкарачарья⁴⁹ превратил буддизм в часть индуизма, с тем чтобы он не разрушил кастового строя.

— Покажи мне хотя бы одно место, где Шанкарачарья поддержал кастовый строй...

— А вы мне покажите хотя бы одно место, где он его ниспроверг.

Этот спор они продолжали до поздней ночи. Мать сидела и вязала — этот спор ей нравился. Иногда он накалялся до предела, когда никто не хотел признать поражения. Сушма тоже засиживалась допоздна в своей комнате за книгой или же писала. В тот день она писала письмо Нише, как вдруг послышался шум тормозов автомобиля и стук в дверь. Дверь открыл Ашок. На пороге стоял Раджан, печальный и взволнованный.

— У отца приступ. Он в больнице. Я приехал за Сушмой. — выпалил он одним залпом.

Услышав эту новость, Сушма побледнела. Немедленно она собралась ехать с Раджаном. В автомобиле она выяснила, что случилось.

— Отец быстро вернулся из клуба. Начал было говорить о том, что плохо себя чувствует... Не евши, он ушел к себе и лег. Когда я зашел к нему, он спросил у меня, глядя на свою собственную руку, свесившуюся с кровати, чья это рука. Я вызвал доктора Бэнарджи. Он тут же распорядился отвезти его в больницу... Через некоторое время его состояние ухудшилось, пропала речь... У тебя нет телефона... Я бы обязательно позвонил.

— Мама в порядке?

— Она в больнице... рядом с отцом.

— Дома одна бабушка?

— Да.

⁴⁸ Древнеиндийский символический основатель и проповедник Буддизма.

⁴⁹ Древнеиндийский символический автор комментариев к философским частям Вед., таким как «Упанишады» или веданта («Венец Вед»), «Брахма-сутра» и др.

Раджан был очень встревожен, но мать не утратила присутствия духа. Это немного успокоило Сушму. Увидев отца, лежащего на больничной койке, ей показалось, что его неподвижное тело принадлежит кому-то другому — какому-то незнакомому человеку, который не может пошевелить ни рукой, ни ногой, ничего не может сказать, и лежит, разложенный врачами, как кукла.

Раджан, изрядно устав, отправился домой спать. Сушма и мать остались в больнице. Сменяя друг друга, они дежурили у кровати отца. Сушма, глядя на мать, думала, что та читает про себя молитвы. С пронзительной ясностью она вдруг осознала, что, если бы бог где-нибудь существовал, то он услышал бы ее мольбы. Сколько людей вызывает к нему с такой же искренностью и верой!

Раджан и Сушма отпросились с работы на несколько дней. Поочередно они ходили покупать лекарства. Казалось, работа врачей заключалась только в том, чтобы что день выписывать один-два новых рецепта. Эти мытарства по аптекам и дежурства у постели больного продолжались для них несколько дней, как будто у них не было никакого другого занятия.

Раджану приходилось несколько раз в день наведываться домой, чтобы присмотреть за бабушкой.

Постепенно состояние отца начало улучшаться. Коллега по работе господин Гоял ежедневно его навещал. Он немало помогал матери. Раджан был еще совсем молод, да и Сушма не имела достаточно житейского опыта, так что врачи чаще сообщали свои решения именно господину Гоялу.

Ниша, узнав по телефону, что отец в тяжелом состоянии, приехала автобусом в Дели, захватив с собой Нанхи. Мать, увидев ее, немного успокоилась.

Левая сторона тела постепенно ожила, но правая по-прежнему оставалась безжизненной. Он немного говорил, но понимал с трудом. По заверению врачей, на возвращение к норме потребуется достаточно много времени. Поэтому Раджан и Сушма вернулись опять на свои рабочие места. Теперь Сушма с работы прямо направлялась в больницу и приезжала домой поздно ночью. Иногда ее подвозил на автомобиле Раджан. В таких случаях старшей сестре хотелось пригласить его отужинать, однако из опасения, что Ашок может рассердиться, она не решалась на это.

Иногда Раджан привозил в больницу Раму. Возможно, раза два-три. Та сидела молча в стороне.

Бабушка, внимательно рассмотрев ее, сразу же после ее ухода расспросила Нишу и Сушму о том, кто она такая? Чья дочь? Когда и как познакомилась с Раджаном?

— Ее брат — друг Раджана; они оба работают в одном учреждении.
— ответила Сушма.

Было очевидно, что Рама не понравилась бабушке. Мать разрывалась на части между своим богом и мужем, так что у нее не было никаких сил и желания прислушиваться к их разговорам. Увидев Нанхи, Сушма невольно воскликнула:

— О, какая ты большая!

Отец, увидев ее, также улыбнулся. Та, стоя у его кровати, верещала обо всем на свете. Например, о том, что Роми и Монти, заслышав звук автомобиля, с лаем бросаются к калитке, думая, что вернулся дедушка. Они так охраняют его тапки, что, когда Джагат Синх, убирая в комнате, прикоснулся к ним, они его чуть было не покусали. Нанхи развлекала его ум, но его глаза смотрели в одном направлении.

Рассказывая о Монти и Роми, однажды Нанхи сказала своему деду, что они с мамой больше не поедут в Чандигарх: им хорошо и здесь. В другой раз она сказала:

— Папа бьет маму. Меня тоже бьет. Мы не поедem туда!

В это время господин Чаудхри похлебывал суп, держа ложку в левой руке. Неожиданно он выронил ее. Нанхи подняла ложку и сунула ее ему в руку, но он отказался от еды. Ему было не в состоянии видеть безвыходность положения своей дочери и свою собственную беспомощность.

Голова Сушмы раскалывалась от напряжения. У нее пропал сон. Наконец, господин Сахни привел в исполнение то предостережение, которое он давал ей ранее. Он отстранил ее от работы в рубрике для женщин. Работа, которую ей предоставили в рубрике для детей, была одно лишь название. В этом не было ничего удивительного. Уже продолжительное время все, что она писала, господин Сахни отвергал. Прежде, издеваясь, он предлагал ей два раза переписать написанное, но вчера, вызвав ее к себе, он объявил прямо, что она переводится в детский отдел. При этом он даже не поинтересовался ее мнением. Сушма, ничего не ответив, удалилась в свою комнату.

Когда она вернулась домой, Ашок еще не вернулся из библиотеки. Сейчас он был весьма занят. Он готовил лекции для чтения в Англии. После отъезда отца и матери в Лакхнау ему стало заметно, что Сушма выглядит более озабоченной. К неурядицам на работе добавилась еще болезнь отца. Она отстранилась от работы на кухне, в саду и в доме. В тот день, вернувшись из библиотеки, он застал ее слушающей пластинку. Когда он вышел, омывшись, она была в той же позе.

— Сегодня я завершил работу над лекциями. — сказал он.

Сушма не ответила. Возможно, она не слышала. Ашок вновь повторил:

— Сегодня я завершил работу над лекциями... Я хотел бы, чтобы ты прочла их разок.

Сушма не подскочила, как обычно, и даже не взяла бумаги в руки. Нет, Ашок не обиделся на это холодное отношение. У него не было никаких оснований сомневаться в ней, потому что до сих пор она никогда не отказывала ему ни в чем.

Выпив чашечку чая, Ашок спросил Бано:

— Что приготовила?

— Гороховая похлебка и баклажанное пюре. — ответила Бано.

Ашок сморщил нос:

— От пюре меня воротит... Неужели на базаре нет никаких других овощей кроме баклажанов?

— Я не знаю... Я не была на базаре уже несколько дней, — сказала Сушма.

— Бано еще ребенок, она может что-нибудь упустить. Тебе стоит иногда заглядывать на кухню, чтобы посмотреть, что там делается. — читал назидания Ашок.

Сушма ничего не ответила, но она и не бросилась тут же на кухню. У нее совершенно не было аппетита. От усталости ныла душа и тело. Господин Сахни нанес ее достоинству тяжелый удар. Что она знает о детях и о том, что им нравится? Что она может писать для них? Какой у нее опыт работы с детьми? Он прибег к этому странному способу только для того, чтобы выжить ее из журнала? Такие мысли и сомнения одолевали Сушму, а Ашок рассуждал о пюре и баклажанах!

За столом Ашок передал Сушме черновики своих лекций со словами:

— Я иду к Ананду. Вернусь через часок. Он вчера приехал в Дели. Будет здесь несколько дней... Я сегодня утром нечаянно встретился с ним.

Ашок даже и не подумал о том, что и Сушме тоже могло бы быть приятно встретиться с Анандом. Ему было совсем невдомек и то, что Сушме в это время совсем не до чтения его лекций. Почувствовалась головная боль. Вдруг она с сожалением подумала о том, что Санджит уехал в Бомбей. Как было бы хорошо, если бы он был здесь! Затем она вспомнила о Рекхе: хорошо было бы посоветоваться с ней. Она сообразительна, а ее суждения отличаются ясностью. Эту работу она нашла благодаря Рекхе. Когда-то очень давно, стоя возле библиотеки, Рекха спросила у нее: «Неужто в твоём будущем нет ничего помимо Ашока?» — Одна только Рекха не связала свое будущее с мужем или его тенью. Очевидно, именно поэтому доверие Сушмы к Рекхе постепенно возрастало, хотя их встречи и стали реже. Помимо Рекхи ей не доводилось повстречать другой такой же независимой женщины.

В прошлое воскресенье Рекха навещала его дома, однако она еще куда-то спешила зайти, и поэтому они не смогли спокойно посидеть и побеседовать. После ее ухода Ашок сказал:

— На лице Рекхи стали заметны приметы возраста. Вероятно, поэтому она предпочитает разноцветные наряды... Ты обратила внимание?

— Мы все вырастем, — ответила Сушма, — однако это естественное явление кажется неприятным только в отношении незамужних женщин. Ты ведь сам когда-то высказывался против необходимости брака.

— Сейчас уже нет... Кажется странным, что людей тяготит холостое состояние.

— Никому не нравится одиночество.

— Соглашаться с близкими людьми — самое обычное чувство, дающее ощущение естественной радости... Но ты никогда не согласишься... Скорее горы сойдутся друг с другом, чем будет достигнуто согласие в нашем семейном споре.

Сушма промолчала... Он и впрямь был прав. Рекха была так занята, что ей просто не было времени осознать свое одиночество. Возможно. Но Ашок утверждал, что Рекха такая же, как все женщины.

Видья, войдя поутру в отдел и увидев Сушму, быстро стучащую на машинке, спросила:

— Почему ты так торопишься?

Вытащив напечатанное письмо, Сушма протянула копию Видье, а другую принялась читать сама.

— Что это?... Ты просишь увольнения? — изумилась Видья.

— Да.

— Ты не желаешь даже и обдумать это? — помолчав немного, она спросила, — ты уже окончательно решила? — и, посмотрев на нее с любовью и сочувствием, она прошла и уселась на свой стул.

Ни от чьего взора не могло укрыться то, что господин Сахни, вначале милостиво относившийся к Сушме, затем перестал печатать ее статьи. Видья была уверена, что Сушма не сделала надлежащих усилий, для того чтобы очаровать господина Сахни с помощью сильных сторон своей личности. Из стремления к продвижению по службе люди обычно прибегают к недостойным средствам. Сушма не сделала этого. Это было очевидно; однако почему дело дошло до увольнения? Как бы там ни было, зарплата в редакции журнала была неплохой, особенно, по сравнению с другими учреждениями. Возможно, если бы у Сушмы не было других доходов... В конце концов, она замужем... Пожелав, может

совсем оставить службу. Рассуждая об этом, Видья с головой погрузилась в свою работу.

Сушма несколько раз внимательно перечитала свое прошение об уходе, адресовавшееся господину Сахни. Но у дверей его кабинета рассыльный сообщил ей, что господин Сахни сейчас на собрании. Ввиду этого она оставила свое письмо секретарю и ушла. Ей совершенно не хотелось работать. Она скинула с себя тяжелый груз. Согласно правилам, она известила о своем уходе за три месяца. Через три месяца, начиная с сегодняшнего дня, она освободится от этой тяготы. Эта мысль была такой необычной и увлекательной!

Прошло дня три. Господин Сахни ни разу даже не удосужился поинтересоваться, почему дело дошло до прошения об уходе. Сушма почувствовала, что уязвлено ее самолюбие. Про себя она несколько раз проигрывала все то, что она скажет господину Сахни и как она это сделает. Она и не подозревала, что господин Сахни не предоставит ей ни одного такого случая. Разве из всего этого не было очевидно, что именно он принудил подать прошение об уходе. Поэтому ее уход не был ее собственным свободным решением, а скорее его уловкой. Эта мысль стала докучать и мучить ее. Она утратила чувство голода и жажды.

— Что случилось, Сушма, ты выглядишь неважно... Ты здорова? — спросила однажды мать. Бабушка внимательно посмотрела на нее — прошло уже шесть лет, как она замужем; может статься, эта ее слабость — добрый знак!

Отец был болен уже целый год. Казалось, что он уже больше никогда не сможет ходить и пользоваться обеими руками. Никто раньше и подумать не мог о том, что ему придется коротать остаток жизни в качестве инвалида. Возможно, бог, которому поклонялась мать, твердо решил испытать ее. Матери было не достаточно день и ночь ухаживать за больным мужем и терпеть его постоянное ворчание. И год спустя вопрос о возвращении Ниши в дом свекра не возникал. Оттуда тоже никто даже и не звонил. Ниша оказывала матери какую никакую помощь, а Нанхи тешила душу деду. Она начала ходить в близлежащую школу. Ниша по утрам отводила ее туда, а после обеда забирала домой. Она тогда только испытывала стыд и некоторое унижение, когда ей приходилось просить у матери деньги на школу.

— Сишу, если бы я была годна на что-нибудь, я бы не была бременем на шее матери. — жаловалась Ниша.

Сушма никому дома не рассказывала о своем прошении об увольнении. Глядя на осунувшееся и печальное лицо Ниши, Сушма сказала:

— Не терзай себя, все будет хорошо. — тут же она сама осознала пустоту подобных утешений.

Этим вечером Раджан приехал вместе с Рамой, одетой в красное сари. Автомобиль отца теперь стал его. Рама, следуя принятым обычаям, сначала коснулась ног бабушки, затем матери и отца. Раджан сообщил, что они только что вступили в брак.

— Но почему ты все это сделал втихаря, ничего нам не говоря, Раджан? Твое счастье — и наше тоже. — невнятно пробормотал отец.

Год назад отношение отца было совершенно иным, подумала про себя Сушма.

— Отец, семья Рамы была против того, чтобы она вступала в брак с человеком иной веры... Ввиду всего этого мы решили, что получим ваше благословение позже, после заключения брака...

Несколько дней спустя Ашок отправился в Лондон. Несколько раз Сушму подмывало рассказать ему о принятом решении оставить работу, но потом она решила промолчать и не волновать его напрасно. Он столько раз повторял, что желает быть свободным от необходимости нести на своих плечах чужое бремя. Сегодня, под впечатлением предстоящей поездки в Лондон, он был более весел, чем обычно... Она не осмелилась расстроить его. Она решила, что будет лучше, если она расскажет Ашоку о своем уходе из журнала, после того как подыщет другое место.

Сушма с нетерпением ждала Санджита. Не известно, куда он пропал — должно быть, снимает фильм в каком-нибудь отдаленном уголке страны. Время летело. Трехмесячный срок сокращался.

Перед отъездом Ашок спросил у нее:

— Ты переедешь на это время в Дифенс-колони?

— Посмотрим! — ответила Сушма.

На этот раз она считала не удобным для себя переехать туда. С появлением Рамы дом изменился, в нем стало теснее. Сушма чувствовала, что Раджан и Рама страдают от невозможности уединиться. Так как комната Раджана была совсем крошечной, им отдали две комнаты, в которых прежде жили Сушма и Ниша. Ниша же с Нанхи перебралась в комнатку Раджана. Монти и Роми также спали в этой маленькой комнатке. Раджан хотел перестроить дом, что было совершенно естественно.

Ныне Сушма старательно просматривала те страницы, которыми обычно интересуются все безработные. Глядя на ее напряженное лицо, Видья недоумевала. Однажды в буфете она ее спросила:

— Почему ты так обеспокоена? У тебя есть крыша над головой, муж, домашнее хозяйство?

— Все так, но... ты не знаешь Ашока; он печется о свободе женщин куда больше тебя и меня.

— Но ты ведь отстояла свою свободу, подав заявление об уходе...

Сушма умоляюще посмотрела на Видью.

В тот же день, позвонив Рекхе, она направилась к ней.

— Надо о многом поговорить... Только ты одна можешь понять. — сказала она ей по телефону. Она надеялась, что Рекха может оказать ей помощь или дать ей совет, где найти новую работу. Приветствуя Сушму, Рекха, смеясь, сказала:

— Мне тоже надо тебе кое-что сказать.

— Что, говори?

— Я выхожу замуж.

— За кого?

— За Ананда.

— Ты за Ананда?..

— Да.

— Но...

— Э-э, ты так удивлена, будто я тебе даю чью-либо кровь!

Сушма вдруг подумала о том, что именно из крови создан этот образец свободной женщины, которая имеет смелость взять ключи от будущего в свои руки. Улыбнувшись несколько неловко, она ответила:

— Я думала, что Ананд всего лишь шутил.

— Его шутки помогли мне к нему привыкнуть.

— Как отнеслись к этому твои родители — обрадовались?

— Как не обрадоваться?.. Мама боялась, что скоро я выйду из подходящего возраста... Отец же не на радуется тому, что Ананд — высокопоставленный государственный служащий... — говоря это, Рекха рассмеялась.

— Можно тебя спросить?

— Спрашивай.

— Почему на это ты затратила восемь лет?

Сушма задала вопрос так, словно она хотела спросить: «Зачем ты меня ввела в это заблуждение?»

— Понимаешь, требуется время на то, чтобы убедить самое себя...

Ладно, а о чем ты хотела поговорить?

— Так, ничего особенного... Я увольняюсь из «Патрики»... и начала уже подыскивать себе другое место...

— Почему бы тебе ни подумать о детях, семье и всем прочем, что с этим связано?

— Ты же хорошо знаешь, что нравится и не нравится Ашоку! Все эти семейные радости ему безразличны.

— Но, может быть, тебе они не безразличны, а? — спросила Рекха.

— По правде говоря, я так запуталась, что уже ничего не понимаю.

Сушма не смогла ускользнуть, не попробовав сладостей, приготовленных матерью Рекхи. Домой она вернулась запоздно. Ладжо ждала у дверей — но не ее — Банвари.

— Госпожа, он опять похитил из-под подушки деньги и ушел. Теперь небось валяется где-то пьяный. — Сушма уже привыкла к выражению безысходности на лице Ладжо.

Сушма и удивлялась и испытывала разочарование после встречи с Рекхой. Если и Рекха не имела достаточно смелости и боялась остаться одна, то?.. Сейчас было невозможно обсуждать с ней служебные дразги и говорить о поисках новой работы. Скорее всего, она не была расположена к обсуждению и осмыслению подобных вопросов. Сушме стало казаться, что уже никто не сможет ей помочь. Куда подевался Санджит?!

Вернувшись с работы, Сушма погружалась в раздумья. Иногда она ехала прямо в Дифенс-колони, но и там ее душа не отдыхала. В этот день, приехав с новым большим мячом для Нанхи, она обнаружила в зале родственников Рамы, пьющих чай. Мгновение она была в замешательстве: ей показалось, что она перепутала дом. Комната поражала необычным убранством и порядком. Джагат Синх был наряжен в униформу. Извинившись, Сушма сразу же прошла в комнату матери. Ниша и Нанхи тихонько притаились в своей комнате. Увидев Сушму, Нанхи тут же уселась к ней на колени. Сушме совершенно не понравились все эти перемены в доме. Неожиданно она вспомнила, как шесть лет назад после свадьбы она начала украшать дом в университетском городке, что, вероятнее всего, тоже не нравилось Ашоку, его отцу и матери. Вслед за этим в ее душе пробудилось сочувствие к Раме.

Ниша же ей совсем не понравилась — несчастная выглядит настолько испуганной и смущенной. Она живет в доме отца, как вор, низко склонив голову от испытываемого чувства подавленности. Сушма и не догадывалась, что в эту минуту та всерьез подумывала о возвращении в Чандигарх. Сушму тянула в Дифенс-колони любовь Нанхи и ее всегда сияющее, игривое личико.

Однажды утром, оторвав глаза от только что извлеченного из машинки листа, Сушма увидела перед собой Санджита в его обычном благодушном настроении.

— Ой, это ты!

— Да, я.

— Где ты был столько дней? — она почувствовала, что ее голос слегка дрожит. Глаза уставились на него, не мигая, как на огромную

добычу. Глядя на Санджита, она испытывала такое же душевное состояние, которое должна испытывать мать, обретшая вновь утерянного ребенка.

— Ездил в Бомбей.

— Исчез, не сказав ничего... Я... — Сушма запнулась. Санджит молча смотрел на нее. По его лицу было ясно, что он не совсем понимает причину ее волнения.

— Что случилось, Сушма? — спросил он, приблизившись.

И за сто тысяч она не смогла бы внятно и последовательно изложить все, что хотела. Она беспорядочно тараторила, совсем не выбирая слова. Незаметно вошла Видья и уселась на свой стул. Слушая Сушму, она стала испытывать глубокое сочувствие к своей подруге. Было ясно, что ее давит тяжелый груз, с которым она одна не может справиться. Санджит слушал молча — произносимые ею слова напоминали ноги, скользившие по наклонной плоскости. Казалось, они ее совсем не слушались.

Наконец, прилив начал спадать. Санджит опустил руку в карман, достал портсигар и прикурил сигарету. Сделав глубокую затяжку, он сказал:

— Ты так привязана к этой работе в журнале... По-моему, ты сделала правильно, что подала заявление об уходе... К чему отчаиваться?.. Хорошенько поразмыслив, следует выбрать работу по душе... А сейчас не выпить ли нам чашечку чая, а?

За столиком в буфете Сушма сказала:

— Знаешь, чем я сейчас занята?.. Ежедневно просматриваю все газеты... а вдруг найдется работа... Однако для таких, как я, нет ничего... Сегодня утром прочла одно объявление... В школе для девочек в Найнитале⁵⁰ требуется учитель истории... Я писала заявление туда, когда ты появился!

Найнитал

⁵⁰ Найнитал — курортный городок, расположенный в предгорьях Гималаев в штате Уттар-Прадеш.

— Ты и Ашока собираешься упаковать в свои чемоданы?

— Ашок уехал в Лондон.

— Так ты в одиночестве предавалась этим бессмысленным мечтаниям... Теперь понимаю! — Санджит улыбнулся. — Почему бы сегодня не сходить в кино? — предложил он, щелкнув пальцами.

По совету Санджита и Видьи, Сушма написала две статьи. Санджит настаивал на том, чтобы она попробовала напечатать их в других журналах. Она с головой ушла в работу. Ее пыл и воодушевление не могли не усиливать сочувствия Видьи. Сушма совершенно забыла о существовании господина Сахни и Ранграджана, рассыльный теперь тоже перестал ее беспокоить.

Этим днем Видья посоветовала:

— Почему бы тебе не послать свою статью в «Дарпан»?

Сушма слышала это название, означавшее «зеркало», однако она не была знакома с этим журналом.

— Название непритязательное, но главный редактор кажется умным человеком. — заметила Видья.

Тонуший хватается за соломинку. Вечером Сушма прочла несколько номеров «Дарпана». Статьи, адресовавшиеся женщинам, ей понравились. Поощряемая Видьей, она даже постаралась попасть на прием к главному редактору «Дарпана», но это оказалось совсем не таким простым, как ей поначалу казалось. Несколько раз наведавшись в небольшое здание «Дарпана», она так и не смогла встретиться с редактором. Тогда она оставила в редакции свои две статьи вместе с письмом. Прошла неделя — ответа не было. Санджит успокаивал ее:

— Чего ты так беспокоишься?.. Как только перестанешь суетиться, сразу обретешь работу... Посмотри на себя... Не надо волноваться... Жизнь не так коротка, чтобы...

— Сейчас я пытаюсь кое-что написать... Через часок я буду свободна, тогда и поспорим по поводу всех этих житейских невзгод... Не сейчас, please...

Когда она этим вечером прибыла в Дифенс-колони с куклой в руках, Нанхи устремилась ей навстречу, проскользнув между железными прутьями калитки. Ее личико осветилось улыбкой, когда она заметила тетю, а когда в ее руках оказалась кукла, она запрыгала от радости, как пташка.

Она уже давно здесь не была. Отец сердился на нее.

— Будешь пить чай? — спросила мать.

Ниша быстренько приготовила и принесла чай.

— Сегодня, может быть, ты попотчешь меня с радостным видом? — обратилась к ней Сушма. — Это ведь — день рождения Нанхи, не так ли?

Мать забыла об этом. Состояние отца же было по-прежнему таким, что ему было не до того. Бабушка уже несколько дней не могла ни о чем другом думать кроме боли в суставах. А Ниша?..

Нанхи без конца укладывала куклу спать и брала на руки. То и дело снимала и одевала ее одежды. Глядя на то, как она радовалась, Сушма с болью в сердце вспомнила слова матери: «Ниша в детстве была точно такой, совершенно такой!»

— У Нанхи в школе наступили каникулы? Я возьму ее к себе? — обратилась Сушма к Нише.

Нанхи вмиг была готова. Сушма увязала ее вещи, взяла за руку и повела к автобусной остановке. Нанхи по дороге успела сказать Монти и Роми, что она скоро вернется.

Для Бано и Чхоти сама Нанхи представляла собой живую говорящую куклу. Они неотступно кружились вокруг нее. Дом неожиданно преобразился.

— Госпожа, дети — это украшение дома. — заметила Ладжо.

Сушма не меньше Бано и Чхоти занималась Нанхи. Так что все ее заботы на несколько дней отодвинулись назад. Однажды она даже не пошла на работу. Вечером же того дня, когда она, усадив Нанхи к себе на колени, рассказывала ей сказку, в переднюю дверь постучали. Бано открыла дверь. Перед ней стоял Санджит.

— Ты? — удивилась Сушма.

— Что случилось?.. У тебя все в порядке?.. Почему ты сегодня не появилась в отделе? — спросил Санджит, внимательно рассматривая Нанхи.

— Это — Нанхи, дочь моей сестры. Она сейчас у меня гостит... Вот я и решила сегодня пропустить денек. Нет никакой разницы от того, хожу я туда или не хожу. Ходить только для того, чтобы отметить... кому от этого какая разница?

— Но как же ты ошибаешься... Мне не безразлично, я обеспокоился... Я подумал, что ты одна сейчас, поэтому и решил зайти.

Сушма настояла на том, чтобы Санджит задержался поужинать. Ей для этого не пришлось прилагать много усилий.

Сказка Нанхи оборвалась посередине, однако ей не пришлось скучать. Санджит каких только животных не создал на бумаге: слона, обезьяну, медведя...

— О, какие рисунки! — с удивлением воскликнула Сушма.

— Я уже давно не рисую. Как взял в руки камеру, все забыл. — при этих словах Санджит начал вновь что-то рисовать.

Это оказался шарж, изображающий Сушму с черпаком в одной руке и пером — в другой. Взяв из рук Санджита карандаш, Сушма сделала подпись: между двух стульев. Оба рассмеялись.

— Был какой-либо ответ из «Дарпана»? — спросил Санджит.

Сушма отрицательно покачала головой.

— А как дела обстоят с тем фильмом, который ты снял? — спросила Сушма.

— Не спрашивай. Все дело в деньгах. Сейчас карманы пусты.

Уже было очень поздно. Нанхи уснула. Ладжо и ее девочки ушли в свою комнату. Санджит посмотрел на часы, затем на уставшее лицо Сушмы. Вдруг прикосновение его рук преобразило его!

Еще долго после того, как Санджит ушел, Сушма испытывала чувство необычного воодушевления и уверенности в себе. Рядом спала Нанхи, несомненно, видевшая сны о слониках и лошадках. Ашок должен был вернуться через несколько дней. Сушма хотела успеть найти работу до его приезда. Ей оставалось до увольнения из редакции только одна неделя. Почти каждый день лицо Видьи с сочувствием вопрошало: есть какой-либо ответ?.. А глаза Сушмы отвечали: нет...

Неожиданно с утренней почтой сегодня пришло письмо от редактора «Дарпана». Сушма дрожащими пальцами вскрыла конверт. Она не поверила своим глазам: ее две статьи были приняты. Она перечитала письмо дважды. Редактор хотел с ней встретиться. Недоверие теперь уступило место радости. Она выбежала из дома, чтобы поделиться ею с Видьей и Санджитом. Увидев ее сияющее лицо и письмо, Видья пришла в восторг.

С самого утра она начала звонить по телефону, чтобы встретиться с редактором. Наконец, он ей назначил встречу в редакции в три часа после обеда, однако она не смогла его застать в это время: он уехал куда-то по срочному делу.

На следующий день, не теряя надежду, она вновь прибыла в маленькую редакцию «Дарпана». Редактор пригласил ее в свой кабинет. Осмотрев комнату, Сушма изумилась: он сидел на старом деревянном стуле, рядом валялась куча бумаг. Некоторые листы были разбросаны где попало. На застекленных окнах не было занавесок. В комнате было душно. Какое разительное отличие от комфортабельного кабинета господина Сахни! Господин редактор предложил ей сесть.

— Да, по какому вопросу?

— Ах, вот... я получила ваше письмо... Вы две моих статьи...

— Какие статьи?

Сушма напомнила.

— О, да-да... это вы написали?

— Да.

— I see⁵¹...

— Я работаю в журнале «Патрика», веду рубрику для женщин.

— В «Патрике»? О...

— Но через несколько дней я ухожу с этой работы.

— Гм.

— Мне, по правде говоря, очень нравится «Дарпан»... Я... Я хочу сказать, что я согласна с его идейным направлением.

— А с идейным направлением «Патрики» вы не согласны?

— Нет.

— Ну, и дальше?

— Я хотела поинтересоваться, не найдется ли в «Дарпане» для меня какая-либо работа...

— Вы бросаете работу в «Патрике» и хотите перейти в «Дарпан»?

— Да!

— Я хочу вас предупредить, что в настоящее время вы не сможете получать хорошую зарплату. То, что вы читаете «Дарпан», приятно слышать... Таких людей, как вы, крайне мало. «Дарпан» читают те, кто к нему причастен, или те, кто, как вы, хотят стать причастными. Чай?

В это время в комнату с чайным прибором вошел паренек. Редактор, отодвинув бумаги, лежавшие перед Сушмой, поставил чашечку. Другую взял сам.

— Да, как я только что сказал, будь положение «Дарпана» чуть лучше, то... — он отпил глоток из своей чашечки. — Обе ваши статьи мне понравились, и я хотел бы их напечатать... Вы уже догадываетесь, что мы не сможем вам заплатить как подобает... Если хотите, присылайте нам свои статьи... Мы их будем печатать... Но ввиду финансовых затруднений мы не сможем давать вам больше ста рупий за статью...

Когда Сушма подошла тяжелым шагом к дому, она увидела Нанхи и Чхоти, играющих на земле под гуаявой. Нанхи тут же подбежала к ней. В тот же миг детская радость придала здоровый цвет ее лицу. Но в следующий миг перепачканные в грязи руки Нанхи испортили цвет ее сари. Ладжо протянула ей телеграмму из Лондона от Ашока, в которой сообщалось о дне прилета. Самолет прибывал поздно ночью — молодой женщине ехать в аэропорт за полночь не годится. Поэтому, уложив Нанхи спать, Сушма взяла в руки книгу и уселась поудобнее в ожидании Ашока. Глаза стремительно перемещались по строчкам, а ум сосредоточился на одном вопросе: «Как поведет себя Ашок, узнав о моем уходе с работы? Будет недоволен? Рассердится? Сможет ли она стерпеть все предстоящие унижения своего достоинства?.. В журнале остается

⁵¹ Понимаю (англ.).

проработать еще два дня»... — Размышляя об этом, она не заметила, как ее глаза закрылись.

Было уже четыре часа утра, когда ее разбудил стук в дверь. Это был Ашок со своими сумками:

— Я так долго стучу... Ты не получила мою телеграмму?

— Я долго не смыкала глаз. Не помню, когда уснула.

Ашок сбросил пальто и принялся снимать туфли. Сушма тотчас же вынула из шкафа его свежевывстиранную пижаму. Увидев спящую Нанхи, Ашок удивился.

— Я взяла ее к себе... Сейчас у нее в школе каникулы... Я подумала, что ей будет веселее с Бано и Чхоти... Если бы твоя телеграмма пришла на день раньше, я бы ее отправила, но мы ее получили только сегодня... — произнесла она извиняющимся голосом. Сушма начала сердиться на себя — почему она не может быть совершенно прямодушной? Разве это не ее дом?

Ашок прибыл очень усталым. Тут же уснул. Осторожно подняв Нанхи, Сушма перенесла ее в другую комнату. Ладжо она наказала, чтобы та вывела своих детей гулять на улицу — если они начнут шуметь в доме, то разбудят господина. А сама собралась отвезти Нанхи в Дифенс-колони.

В этот день Сушме на работу позвонил Раджан:

— Очень спешное дело... Надо с тобой посоветоваться, — сказал он.

Вскоре он приехал к ней в редакцию. Сушма, из опасения, что в присутствии Видьи Раджан будет чувствовать себя неловко, увела его в буфет.

— В чем дело, Раджан? — спросила она.

— Дело в том, что старший брат Рамы и его супруга вместе с детьми приезжают в Дели, недельки на полторы. Рама хочет, чтобы они остановились у нас. Но в доме и так тесно. Если бы Ниша и Нанхи смогли пожить у тебя, ты бы оказала неоценимую услугу.

Сушма хотела сказать: «Только и всего!» — но она вспомнила Ашока и представила живо его лицо. С усилием улыбнувшись, она сказала:

— Хорошо, привези их к нам... Или лучше скажи, что я заеду и заберу их.

С плеч Раджана свалилась тяжелая ноша.

— Я столько раз собирался снять отдельный дом, но цены непостижимо высокие, к тому же отец в таком тяжелом положении... С другой стороны, возраст бабушки... Одной матери не справиться. Если бы Ниша уехала в свой дом, то освободилось бы немного места. Но об

этом не может быть и речи. Однажды Рама задала ей вопрос, так она даже не ответила.

— А что она ответит, Раджан? Какой смысл задавать ей вопросы?

— Но сколько же все это может продолжаться? Она ведь не одна... Вся жизнь Нанхи... Как долго мама сможет ей помогать или поддерживать? Если бы какая-нибудь работа...

— Работу найти непросто, Раджан.

Ей очень хотелось поделиться с ним всеми своими заботами, но она сдержала себя. Раджан ушел. Сушма вернулась в свой отдел.

— Что за беспорядок в доме! — сказал Ашок, покачивая головой.

Ни одна вещь не лежала на своем месте. Невесте сколько дней в доме не делалась уборка. Ладжо из-за Банвари совершенно забросила уборку. Везде лежал толстый слой пыли. Несколько дней не сменялось постельное белье. Сушма уже привыкла к царившему дома беспорядку. Удивительным было только то, что все это не понравилось Ашоку. Разве это не он сам растолковывал ей, что заниматься такими вещами — пустая трата времени. Этим занимаются только те люди, жизнь которых пуста и бессодержательна. Ашок же совершенно не обращал внимания на эти грубые вещи. А сейчас вдруг его поразил этот беспорядок в доме. Сушма, рассмеявшись, сказала:

— Видишь, как хорошо я усвоила твои уроки! — а затем добавила чуть серьезнее, — Ашок, я увольняюсь из редакции «Патрики».

То, что она так долго боялась сказать, она выразила так запросто коротким предложением.

— Почему? Что случилось? Я заметил, как только вернулся, что ты чем-то обеспокоена.

— Я хотела найти какую-нибудь работу до твоего возвращения, но до сих пор ничего не попадает на глаза... Я стараюсь изо всех сил...

— К чему тебе так беспокоиться, глупенькая... — нежно произнес Ашок, прижимая ее к себе. Сушма подробно рассказала ему о причинах своего увольнения из «Патрики». Ашок молча слушал ее, как слушают жалобы ребенка.

— Я думала, что ты будешь недоволен... Рассердишься...

— Почему?

— Потому, что я бросаю хорошую работу.

— Разве я когда-либо говорил тебе, чтобы ты работала вопреки своему желанию и наперекор своему влечению?

— Нет, ты не говорил, но...

— Без всяких но, ты приютила в своей душе одного беса, не правда ли?

Сушма не могла описать словами то ощущение покоя, которое она испытывала.

Порвать семилетнюю связь с «Патрикой» было не так легко, как ей казалось. Ее жизнь удивительными способами была связана с отделом. Открыв ящики своего стола, она обнаружила несколько удивительных предметов: среди вороха бумаг почтовую открытку, присланную Ашоком из какой-то горной деревни; свадебное фото Ниши. Неужели это фото той самой Ниши, которая теперь молча сидит в углу дома с понурой головой? Нет, на фотографии красивое, улыбающееся лицо кого-то другого, увешанного драгоценностями. Под бумагами несколько ее собственных фотографий, сделанных Санджитом, которые после опубликования в «Патрике» вызвали небольшую бурю. Как по-детски она тогда выглядела! Сушма улыбнулась.

— Ты чего веселишься сама с собою? — спросил Санджит.

Он давно уже стоял рядом и смотрел на нее.

— А ты знаешь, у меня нет твоего адреса. Если вдруг понадобится...

— Если хочешь, то я тебя сейчас... прямо сейчас отвезу в свою лачугу... Поедешь?

Вернувшись домой, она узнала, что отец и мать Ашока приезжают на несколько дней из Лакхнау в Дели. Сегодня от них получено письмо.

— На этот раз я научусь от матери многим рецептам приготовления, — сказала Сушма.

После увольнения распорядок и ритм жизни Сушмы изменились. Теперь ей не нужно было по утрам спешить и бежать на работу. С того дня, когда Ашок выразил сожаление по поводу беспорядка, она стала вновь следить за убранством дома.

«На этот раз нужно выбраться с отцом и матерью на пикник, — думала про себя Сушма, — хорошо, что появился перерыв между увольнением с одной работы и устройством на другую». Теперь было время, чтобы исполнить еще одно желание — сводить Нанхи в зоопарк, — которое ранее она никак не могла осуществить.

За те два-три дня, что она была дома, она присмотрелась к Банвари и была весьма расстроена его состоянием. Теперь он уже совершенно не мог обходиться без посторонней помощи. Без помощи Ладжо он не мог выйти из комнаты. Глядя на то, как Ладжо согнулась под этим бременем, ей становилось дурно. Что за грех совершила эта несчастная, что ей приходится терпеть такое наказание?! ...И из рук того самого человека, который пинал ее по всякому поводу.

С мыслью свозить Нанхи в зоопарк она направилась в Дифенс-колони. У калитки она столкнулась с Рамой — та возвращалась с базара. Увидев Сушму, она улыбнулась.

Национальный зоологический парк

— Раджан тебя предупредил, что к нам приезжает семья старшего брата?

— Да, когда они будут здесь?

— Завтра вечером! Увидев тебя, я поняла, что ты приехала забрать Нишу и Нанхи.

В действительности, Сушма приехала с другим намерением. Раджан говорил, что перед приездом гостей он ее предупредит... Возможно, он забыл или не нашел удобного случая. Ниша и Нанхи вскоре собрались ехать вместе с Сушмой. Бабушка лежала в своей комнате. Заметив Сушму, она позвала ее:

— Сишу, посмотри, в каком я состоянии... Колени почти не слушаются... Не могу уже встать.

Сначала отец, теперь вот бабушка. Нечаянно, взглянув на мать, Сушма поймала себя на мысли о том, что сразу же перед ее глазами

всплыло лицо Ладжо. Но она резко отделила красоту своей любимой матери от образа Ладжо. Что за глупые мысли одолевают ее!

Пришлось отбросить мысль о посещении зоопарка — как туда пойдешь с вещами. Она даже не заикнулась Нанхи об этом намерении — при одном лишь намеке та могла заупрямиться.

Доставив Нишу, Нанхи и их вещи к себе домой, она подумала, что было бы лучше, если бы она заранее предупредила Ашока об их приезде. В это время он был в университете. Дома были Бано и Чхоти. Услышав голос Нанхи, они выскочили на улицу. Ладжо повезла Банвари в больницу.

Ниша прежде никогда не жила у Сушмы. Сушма весьма надеялась на то, что подавленность Ниши, если и не исчезнет за эти несколько дней, то, по крайней мере, уменьшится. Она начала размышлять о том, чем бы вкусеньким угостить ее. Скорее всего, Ниша уже не помнит, что ей когда-то нравилось. Было время, когда они очень любили сладкую кашу на молоке. Мама всегда ее готовила им на день рождения.

— Скажи-ка, что тебе приготовить. — обратилась к ней нежно Сушма.

— Для меня?

— Да, для тебя.

У Ниши не было ответа на этот трудный вопрос.

После обеда Сушма предложила:

— Не сходить ли нам в кино?

Та промолчала. Стоя в очереди за билетами, Сушма подумала, что откуда же у Ниши появиться собственное достоинство, если у нее нет даже нескольких пайс. Каждое ее движение и жест говорили об одном: я являюсь бременем для всех вас.

Когда они вернулись из кино, Ашок уже был дома. Сушма сообщила ему, что она пригласила Нишу и Нанхи пожить у них недели полторы. По лицу Ашока было видно, что он недоволен. На сердце Сушмы стало тяжело. Она тут же взглянула на Нишу. Та стояла, низко наклонив голову. Из вежливости Ашок не сказал ничего не приличного. Но вечером, после ужина, когда Сушма только вошла в свою комнату, на нее обрушились упреки:

— Ты ведь знаешь, что послезавтра приезжают мои родители из Лакхнау... Тут всего лишь две с половиной комнаты... Где Ниша и Нанхи смогут спать? Ты о чем-нибудь думала перед тем как привезти их сюда?

— Ашок, люди живут в еще меньших домах... Ниша и Нанхи будут спать на полу... Отец и мать не обидятся. Я объясню им.

— Дело не в обиде... Речь идет о наличии места здесь... об удобстве для всех. Кто тут сможет читать в таком столпотворении?

— Ашок, говори, пожалуйста, потише... Если услышит Ниша, то... Не беспокойся, я постараюсь, чтобы всем было хорошо... — попросила Сушма. Непроизвольно ее руки сложились молитвенно, — не сердись по таким пустякам, please!

— Ты сама создаешь трудности, а затем говоришь, не сердись, не беспокойся... Ты что не могла меня предупредить заранее?

Ашок продолжал ворчать. Сушма весьма опасалась того, чтобы его слова не услышала Ниша. Она протянула руку, чтобы плотнее прикрыть дверь, и неожиданно сквозь щелочку заметила Нишу. Сердце Сушмы сжалось.

Ашок уселся на кровати и открыл книгу. Сушма готова уже была сказать: «Разве это не мой дом? Мне необходимо спрашивать твое разрешение на каждом шагу? Ты разве спрашивал моего разрешения перед приездом твоих родителей? Советовался со мной? Так почему ты так грубо обращаешься со мной?» — Но все ее вопросы, подобно мощным порывам ветра, возникнув в глубине души, там же и затихли.

Когда она открыла глаза, было уже полвосьмого. Сегодня она должна выполнить свое намерение сводить Нанхи в зоопарк. Ашок еще спал. Когда она вышла из комнаты, то Ладжо ей сообщила, что приблизительно в шесть часов утра Ниша с Нанхи, захватив свои вещи, уехали куда-то на скутере. Она сказала Ладжо, чтобы та передала Сушме, что она уехала в Чандигарх. При этих словах ноги Сушмы подкосились, так что она чуть устояла. Она негодовала на свою беспомощность и черствость Ашока.

За завтраком, когда Ашок спросил, почему нет Ниши и Нанхи, она ничего не ответила. Немного погодя, он опять спросил:

— Ты их не позовешь?

Сушма поперхнулась чаем.

— Они уехали в Чандигарх. — ответила она. — Ты этого хотел? — она встала и вышла из комнаты.

Ашок остался сидеть в оцепенении.

В десять часов Сушма сообщила матери по телефону с почты об отъезде Ниши.

На следующий день в Дели прибыли отец и мать.

— Поедешь на вокзал встречать их? — спросил Ашок накануне вечером.

— Нет. — ответила Сушма твердо.

— Почему?

— Не хочу.

Улыбнувшись, Ашок протянул к ней руку. Но она резко оттолкнула ее:

— Осторожно!

— Чего ты так кипятишься?

— Глупа — вот почему.

— Не я выставлял Нишу из дома, и ты это знаешь.

— Ради бога, не лги. — в голосе Сушмы прозвучали отчетливо резкие нотки.

Ради сохранения спокойствия Ашок счел разумным промолчать. Он опасался того, что если в присутствии отца и матери Сушма вот так выйдет из себя, то это их расстроит. К тому же он не принадлежал к тем, кто легко забывает о правилах приличия, а она никогда прежде не проявляла такой резкой враждебности и раздражения. Когда она была рассержена, было достаточно одного любовного жеста, чтобы она ускокилась и простила. Сегодня все было иначе.

Душевная боль Сушмы не могла укрыться от внимания отца и матери. Сначала они решили, что причина в том, что она потеряла работу. Но мать была недовольна тем, что в поведении Сушмы не чувствовалось никакого уважения в отношении Ашока. Ее не беспокоило то, покушал ли муж или нет. Что касается ее увольнения, то мать всегда была против того, чтобы замужние женщины работали. Другое дело, что она никогда не обсуждала мнений Ашока, а он был за то, чтобы женщины сами зарабатывали себе на жизнь.

Чай, что приготовила сегодня Бано для Ашока, вызвал негодование матери: такой крепкий чай не нравился Ашоку. Мать взяла чашечку из рук Бано и сама приготовила для сына чай с кардамоном. Ей было однажды захотелось поговорить с невесткой, но она воздержалась, боясь, как бы та не обиделась — у нее такой серьезно-сосредоточенный вид. Матери сильно не понравилось, когда она увидела вечером, что отец принес для Сушмы арбуз. Какая необходимость подчеркивать особое расположение к невестке?

После обеда на имя Сушмы пришло два письма. Первое было из школы для девочек в Найнитале, куда она ранее послала заявку о работе учителем истории и совсем забыла о ней. Директор школы отвечал, что они согласны взять ее на работу и хотят знать, с какого числа она собирается приступить. Второе письмо было от редактора «Дарпана». Он писал, что ее статьи пошли в печать. Также он интересовался, не пришлет ли она чего-нибудь еще.

После обеда родители отдыхали, а Сушма, уединившись в своей комнате, писала. Она совсем не заметила, когда Ашок вернулся из колледжа. Он стоял и смотрел, как она, наклонив голову над столом, работала. Вдруг он заметил, что в волосах Сушмы появилась проседь.

В воскресенье, когда она готовила еду вместе с матерью, Ашок позвал ее выйти из кухни. Ласково обняв ее за плечи, он сказал:

— Раджан и мама приехали за тобой.

— Что? С отцом все хорошо?

— Они в машине... Быстрее...

— В чем дело?

— Ниша упала.

Действительно, мама и Раджан приехали за ней, чтобы сразу направиться в Чандигарх. Не теряя времени, они втроем тут же отправились в путь. Прощаясь, Ашок успел сунуть ей в руки какие-то фрукты:

— Съешь по дороге. — в его голосе чувствовалась забота, а, может быть, и извинение. Но в это время Сушма вряд ли могла что-либо различать. Она была в смятении.

Раджан гнал машину по дороге из Дели в Чандигарх на всей скорости. Все были в таком душевном состоянии, что было не до разговоров. Сушма лишь один раз спросила:

— Откуда упала? Как упала? Не сильно поранилась? Или она в больнице?

Раджан не дал никакого внятного ответа. Мать в испуге возносила молитвы к своему богу. Подъезжая к Чандигарху, Раджан, понизив скорость, произнес:

— Насколько я могу догадываться, Ниша... — он запнулся, не в силах закончить фразу.

— Нет, нет, надейся на господи! — воскликнула мать.

Выйдя из машины, Сушма подхватила на руки Нанхи. Ее тельце дрожало от страха. Глаза были переполнены таким ужасом, что, казалось, выскочат наружу.

Раджан вопрошал, обращаясь к господину Капуру:

— К чему такая спешка?.. Я вам сообщил, что мы выезжаем. Вы должны были совершить погребальный обряд при нас.

Отношение всех членов семьи Капуров было в высшей мере странным. На их устах висел замок. Ни по чьему лицу нельзя было догадаться, что утром один из членов семьи свалился с крыши. Нареш сидел, повернувшись боком. На вопрос о том, как она упала, он ничего толком не ответил.

— Возможно, у нее закружилась голова, — буркнул он.

— Дома разве никого не было? — допытывался Раджан.

— Если кто-либо падает с крыши, то что тут могут поделывать остальные? — отозвался Нареш.

В комнате сидело несколько соседей, пришедших выразить свое соболезнование. Одна из женщин, сидевших подле матери, видя ее страдание, попыталась ее утешить. Нанхи прильнула к Сушме. Теперь из ее глаз бежали ручьи слез. Сидевшая рядом женщина сказала Сушме:

— Обязательно заберите ее отсюда... Не оставляйте здесь Нанхи...

— Моя дочь ушла, а я даже не попрощалась с ней... Что за грех я совершила? — причитала мать.

— Все произошло так быстро, что мы ничего не поняли... Я живу в соседнем доме... Я заметила Нареша и Нишу на крыше... Я тоже на крыше развешивала белье. Нареш, очевидно, что-то говорил Нише. Вдруг послышался крик... Повернувшись, я увидела, что Нареш бросился к лестнице... Потом выяснилось, что Ниша свалилась... Не понятно, почему они совершили над ней обряд в один час. К чему была такая спешка? Вы не просили их помедлить? — тихо спросила соседка.

Сердце Сушмы застучало сильно-сильно. В машине Раджан сказал, что господин Капур сообщил по телефону о падении Ниши в девять часов.

— В каком часу она упала? — спросила Сушма у соседки, забыв ответить на ее вопрос.

— Около семи часов.

«Так почему господин Капур не счел нужным сразу же сообщить родителям о случившемся? Сначала уничтожили тело, затем сообщили. Почему? — Сушма почувствовала тошноту. Она была уверена, что, если бы эта соседка, или Раджан, или она сама захотели, то они могли бы спасти Нишу. — Эта несчастная искала поддержки, а никто из нас, да, никто из нас не протянул ей руку. Но почему, почему?...» — Она крепко прижала Нанхи к своей груди.

По дороге из Чандигарха Сушма думала только об одном: как бы Раджан не совершил аварии — он опять гнал машину на всей скорости. Матери все было безразлично. Нанхи, прижавшись к Сушме, спала. Когда она поглядывала на мать, то всякий раз думала о том, что ее господь, позволяющий такую несправедливость, чрезмерно суров. Иногда она дотрагивалась рукой до матери, однако, разве ее боль от этого знака сочувствия могла уменьшиться? Лицо и глаза Раджана были до предела напряжены, словно молча хотели выразить одну мысль: «Она не упала, ее толкнули». — Сушма также в этом не сомневалась. Но сказать об этом матери значит сделать ее страдание совершенно нестерпимым. Поэтому она промолчала.

— Раджан, пожалуйста, помедленнее! — вырвалось из уст Сушмы.

Раджан снизил скорость и посмотрел по сторонам. Они приближались к Дели. Мать боялась того, что это несчастье еще более ухудшит состояние отца. Теперь следует подумать о Нанхи. Может быть, ее возьмет на свое попечение Сушма? Однако понравится ли это Ашоку? У него тоже есть мать и отец, не известно, что они скажут...

Мысли Раджана направились в сторону Рамы и своей работы. На послезавтра было назначено большое заседание дирекции банка, к чему

шли полным ходом приготовления. В воскресенье он был приглашен на вечер в здание дирекции... Возможно ли теперь его участие в этом мероприятии? Он подумывал о том, как отказаться... В доме живет семья старшего брата Рамы. Он — приятный человек. Хотя и занимает высокий пост в какой-то большой зарубежной кампании, держится весьма просто. Раджан не очень хорошо знал всех руководителей, но поддерживал хорошие отношения со всеми. Поэтому не было ни малейшего затруднения в том, чтобы отказаться от участия в вечере.

Когда Сушма, на коленях которой лежала головка Нанхи, вспомнила об отце, она тут же закрыла глаза. А когда вспомнила Ашока, в ее душе вспыхнуло возмущение. Смахивая тихонько капельки пота с личика Нанхи, она думала, что же написано в ее судьбе. Вдруг Раджан так резко затормозил, что от толчка все встрепенились. Нанхи тоже поднялась. Дорогу перед автомобилем неожиданно пересек велосипедист. Спасая его, Раджану пришлось нажать на тормоза. Человек упал, но ничего не повредил. Раджан осыпал его бранью... выкрикнул несколько ругательств:

— Подлец, сам чуть не убили и нас чуть не погубил!

Узнав обо всем, мать, отец и Ашок были поражены. Часто доводится читать в газетах о том, как погибают в огне чужие молодые женщины, но чтобы такое случилось с собственными родственниками. Такое было впервые. Лицо Сушмы стало неузнаваемым. В глазах застыла печаль. Но детские чувства не такие устойчивые. Нанхи вскоре, играя с Бано и Чхоти, начала смеяться. Ночью она спала вместе с Сушмой. Ашок молча сносил ее смех, плач и крик, хотя к детям он вообще не питал никакой симпатии. Ему теперь казалось, что Сушма смотрит на него, как львица на свою жертву... выбирая подходящий момент, чтобы напасть. Но почему? В конце концов, в чем тут ошибка Ашока? Он с самого начала говорил, что замужество Ниши — порочно в самих своих основах. То, о чем он предупреждал с самого начала, то и случилось. Но Сушма своим молчанием хочет показать, что во всем виноват он. Но так как было трудно и ничего совсем не говорить, поэтому даже вопрос не вставал о том, чтобы растолковать и объяснить ему все. Кроме того, в присутствии отца и матери Ашок не желал затевать с ней споров. В дополнение ко всему, в их комнате постоянно находилась Нанхи.

Застав Сушму случайно одну, Ашок предложил ей:

— Пойдем прогуляемся... ты и я... Столько дней...

Прежде, чем он закончил это предложение, Сушма вышла за дверь. Его предложение повисло в воздухе. В это время в комнату с чашечкой

чая в руке вошла мать. Ей нравилось готовить чай для Ашока своими руками.

— А Сушма пила чай? — неожиданно вырвалось у Ашока.

Неужто Ганга потекла вспять! Ашоку была совершенно безразлична невестка. Ему было недосуг заниматься Нанхи, а тут он вдруг спрашивает, не пила ли Сушма чай! Матери это совсем не понравилось.

На этот раз сам Ашок ждал с нетерпением отъезда отца и матери в Лакхнау. Когда они уехали, он сказал Сушме:

— Я так долго ждал случая, чтобы с тобой поговорить... На виду у всех с тобой... Я хочу сказать, что мы постепенно отдаляемся друг от друга.

— Но ты ведь из тех, кто любит быть в стороне. — В голосе Сушмы, кажется, послышалась насмешка.

Ашок, как бы не заметив этого, сказал:

— Я хорошо понимаю, что ты переживаешь после гибели Ниши.

— Что ты можешь понимать? — Сушма произнесла это таким тоном, как будто хотела сказать: «Ни чуточки ты не понимаешь».

— То, что над несчастной совершено беззаконие?

— То, что ты называешь беззаконием, я называю убийством.

Ашок остолбенел. Ничего не ответил.

Сушма, стоя на пороге дома, смотрела на небо. Перед ее глазами предстала брошюра, страницами которой являлись мама, Ладжо, Ниши, Бано, Чхоти и Нанхи — все прошлые и будущие исторические несчастья и страдания.

Под гуаявой Нанхи и Чхоти играли в дом в свете вечерних сумерек. В руках Нанхи была кукла. Чхоти расставляла игрушечную посуду на кухне... Веками это существует и веками будет существовать...

— Иди-ка сюда... быстренько, бери книгу и садись, — сердито обратилась Сушма к Нанхи. Нанхи, плаксиво скривив личико, направилась в дом. Неожиданно Ашок с любовью погладил ее по голове. Он сам удивился этой своей слабости. Нанхи вернулась, держа в повисших как плети ручонках книгу.

Кажется, этим вечером Ладжо сказала Сушме:

— Госпожа, я подумываю о том, чтобы выдать Бано замуж.

— Бано замуж? — с удивлением переспросила Сушма.

— Продавец овощей сказал Банвари, что ему не надо приданое...

— Но ему ведь по меньшей мере пятьдесят лет... а Бано ... Бано ведь совсем ребенок... Ладжо.

— Какой она ребенок, госпожа? Она уже девушка... У меня же нет ничего, что я могла бы ей дать... Когда она уйдет из вашего дома, то с моих плеч свалится большой груз.

— О каком грузе ты говоришь? Ты хочешь ее выдать за старика? — Сушма повысила голос, и в нем появились резкие нотки.

Ашок, читавший книгу у настольной лампы, поднял глаза.

— Что говоришь, госпожа, как только она выходит из дому, так все, кому не лень пялят на нее глаза. Юность — такая штука. Однажды ее не было два часа... Банвари ее сильно побил. Если она лишится чести, то где она сможет показать лицо? А продавец овощей неплохой человек, госпожа, и немного зарабатывает.

Правда, в движениях Бано появилась некоторая пластика. Она стала присматривать за собой. Она вступала в пору расцвета. Но как только она начала расцветать, Ладжо решила ее погубить. Старика за пятьдесят, у него уже нет половины зубов, а по возрасту он старше Банвари! Лицо Сушмы сильно напряглось.

Ладжо продолжала увещевать ее:

— Госпожа, она девушка. Когда-нибудь придется выдавать замуж... До каких пор она сможет оставаться одна.

«Девушка, не может жить одна... Девушка, не может жить одна... Девушка...» — эти слова застряли у Сушмы в голове.

— О чем ты думаешь? — спросил Ашок.

— О том, что если на улице нельзя сохранить свою честь, а дом нельзя называть своим, то где же найти спасение?

— Я слышал все, что говорила тебе Ладжо.

— Тогда скажи, каким же должен быть ответ?

— Таким, как я тебе уже говорил... Быть экономически независимой...

— Опять то же самое надоедливое поучение, — сказала Сушма с раздражением. — Разве Ладжо не зарабатывает? Разве Бано не может зарабатывать, прислуживая на кухне? Разве я сама не имела работы?

— Да, подобно тем слепцам, которые, увидев в первый раз свет, жмурят глаза, которые не могут сносить первых лучей яркого света.

Уронив голову на книгу, Нанхи уснула. Чхоти размалывала пряности на четырехугольном камне. Сушма тихонько взяла Нанхи на руки, уложила в постель и накрыла одеялом. В темноте она какое-то время сидела рядом с ней.

Ей не хотелось идти, но так как Ашок возражал, она пошла на свадьбу Рекхи. Неизвестно почему, но она начала противиться ему на каждом шагу. Рекха была ее старая и самая близкая подруга, но теперь... теперь казалось, что эта их близость была проявлением детства. В действительности, они были существами, рожденными под разными созвездиями.

На улице был устроен навес. Собралась большая толпа народа. Флейта выводила мелодию «Кедар». Вдалеке Сушма заметила Санджита. Было впечатление, что он тут никого не знает.

— Со вчерашнего дня я хотел с тобой встретиться, — сказал он, здороваясь. Затем, обращаясь к Ашоку, он сказал, — Если бы вы тоже послушали, то сделали бы большое одолжение.

Ашок улыбнулся.

— Дело в том, что для тебя нашлась подходящая работа... Тебя разыскивает «Индиэн экспресс», — сказал Санджит Сушме.

— То есть ты разыскиваешь меня.

— Это одно и то же.

— Не одно и то же. С кем нужно встретиться?

— Сегодня все присутствуют здесь. У господина Шармы везде знакомые и друзья... Да, твой господин Сахни тоже здесь... Ты не хочешь с ним встретиться?

— Почему бы нет? — ответила Сушма с улыбкой.

Взглянув на Ашока, утомленное лицо которого слегка посветлело при встрече с Санджитом, она запечатлела на нем поцелуй, который тут же обернулся легкой болью, когда Сушма покинула его, следуя за Санджитом на встречу с кем-то. Среди свадебного оживления, заполненного сладким звучанием флейты, Ашок неожиданно ощутил одиночество, но он не мог поверить, что равнодушие Сушмы было направлено на то, чтобы причинить ему страдание.

Возвращаясь в такси, они оба молчали. Чтобы на протяжении всей длинной дороги Сушма не проронила ни слова, такое раньше было невозможно. В ее обыкновении было делать подробные замечания по всякому поводу. Уже давно это обыкновение исчезло. Ашок взглянул на нее. Она привлекательно выглядела. Волосы слегка растрепались. На устах играет нежная улыбка. Взор окрылен какой-то мечтой... Но Ашоку уже не было места в ее мечтах?

Когда они подошли к дому, их встретила Ладжо.

— Что случилось? — воскликнули Сушма и Ашок в один голос. На Ладжо не было лица. Губы пересохли.

— Господин, Бано не вернулась... Ушла после обеда... Не знаю, где она может быть.

— До сих пор нету? — Ашок посмотрел на часы. Было уже полночь.

— Она ушла после обеда забирать белье у прачки.

— Она не могла еще куда-нибудь зайти? — встряла Сушма.

Из глаз Ладжо текли слезы. Закрыв лицо грязным подолом сари, она повернулась к стене и разрыдалась.

— Подождем до утра... Если не объявится, тогда сообщим в полицию, — сказал Ашок.

Положив руку на плечо Ладжо, Сушма принялась утешать ее:

— Не плачь, Ладжо... Мы сделаем все, что в наших силах... Может быть, она завтра вернется. — Она хотела еще задать вопрос: «Было ли ей известно, что ты ее хочешь выдать за продавца овощей?» — Но она сочла неуместным задавать этот вопрос сейчас и промолчала.

— Банвари испортил всю мою жизнь... Он говорит, что во всем моя вина... Я во всем потворствовала Бано ... Я ее избаловала... Она задрала голову к небу... Она во всем прекословит мне, госпожа! — Ладжо безутешно причитала и никак не могла остановиться.

Сушма же постоянно возвращалась к одной и той же мысли о том, что Бано сбежала именно потому, что не желает выходить за старика... Кто бы стал к ней прислушиваться? Пусть она отказывалась бы хоть тысячу раз, никто бы не обратил внимания... Возможно, это был единственный выход. Однако она сбежала. Куда? Куда может направиться одинокая девушка? Разве мало опасностей на улицах? Мучаясь этими раздумьями и страхами, Сушма кое-как уснула.

Утром дхоби⁵² сообщил, что видел Бано после обеда в три часа вместе с сыном торговца-велосипедиста. От велосипедиста узнали, что его сын куда-то исчез. У Сушмы отлегло от сердца.

Банвари всю вину за случившееся возложил на Ладжо:

— Госпожа и Вы, Ваша милость, посмотрите; я столько раз говорил, что она избалует девчонку и сделает ее непригодной ни к какой работе... Теперь ее честь втоптана в грязь.

— Банвари, прекрати брюзжать! — строго оборвала его Сушма. — Тут нет никакой ее вины... Нет причины сейчас опасаться чего-либо. И, вообще, почему ты обвиняешь Ладжо? Бано, что, не твоя не дочь? Ты всех бросил и ушел. У тебя совсем нет сердца?

При этих гневных упреках Сушмы Банвари умолк и стал похож на нашкодившего кота, поджавшего хвост. Ашок молча взирал на эту сцену — прежде ему не доводилось видеть Сушму в таком разгневанном состоянии. Сушма и сама была удивлена. Ей стало казаться, что Бано, сбежав из дома, спасла ее тонущие надежды. Она не позволила издеваться над собой... Она защитила свою честь, а не потеряла.

Нанхи в саду лепила из глины хлебцы. Затем она подошла к Сушме и спросила:

— А куда ушла Бано?

Не получив ответа, она переспросила:

— А когда она придет?

⁵² Дхоби — мужчина-прачка.

— Не известно, — но затем, вспомнив что-то, Сушма предложила, — а ты не хочешь со мной прокатиться в поезде?

— В поезде? Да, хочу... Подожди, я сейчас умою руки и приду.

— Нет, не сейчас... Через несколько дней.

— Нет, поедем сейчас... Сейчас, — настаивала Нанхи.

Вечером, вернувшись домой, Ашок не застал Сушму дома. Не было ее и поздно вечером. Ашок начал беспокоиться. Услышав стук в дверь, он встал. Это был Санджит.

— Как это ты решился зайти?.. Проходи, располагайся. — сказал он.

— Я встретился с господином Саксеной из «Индиэн экспресс». Он хочет завтра встретиться с Сушмой.

— Ее нет дома... Садись, если не торопишься.

Санджит уселся. Заметив его, Нанхи тут же быстро подбежала к нему:

— А мы поедем на поезде... очень далеко.

— Будешь пить чай? — спросил Ашок.

— Не откажусь, — ответил Санджит.

Нанхи, подсовывая ему бумагу и карандаш, уверенно попросила:

— Дядя, нарисуй поезд!

Ашоку это не понравилось. Санджит уже брал в руки карандаш, когда Ашок строго приказал Нанхи:

— Не беспокой нас. Иди играть в другую комнату!

Санджит хотел было возразить, но, увидев поджатые губы Ашока, промолчал.

Они сели пить чай. Вскоре появилась Сушма.

— Как, ты здесь? — спросила она у Санджита.

— Да, я только что пришел. Знаешь, господин Саксена желает завтра поговорить с тобой... Завтра утром... Пойми, эта работа как раз для тебя.

— Ты так много беспокоишься обо мне, — с признательностью сказала Сушма.

— О чем ты говоришь!

— Я говорю правду... Но я уже дала согласие в другом месте.

— Где?

— Я как раз занята этим... В Найнитале есть место учителя истории... Я только что купила туда билет. Поезд в воскресенье вечером...

Ашок и Санджит внимали молча.

— Ты... едешь в Найнитал?.. Чего так вдруг?.. Почему тебе пришло в голову бросить писать и заняться учительством? — непроизвольно вырвалось у Санджита.

Сушма улыбнулась.

— Ты начала хорошо писать... — продолжал Санджит, мало думая о том, что он говорит.

— То, что не нравится никому, кроме «Дарпана», — ответила, смеясь, Сушма.

Возможно, Санджит смог бы еще многое сказать Сушме, чтобы отговорить ее, но он чувствовал себя скованным молчаливым присутствием Ашока.

— Хотя бы раз поговори с господином Саксеной... — проговорил он медленно.

— Какой смысл в этой встрече... Если ты настаиваешь, то встречусь.

Разговор на этом оборвался. Допив чай, Санджит встал:

— Я пошел... Когда встретимся? — спросил он, подходя к двери.

— Дай подумать, возможно, завтра или послезавтра. Я найду в «Патрику»... Надо повидаться также и с Видьей.

Попрошавшись с Ашоком, Санджит ушел.

— Где Нанхи? — Сушма спросила, возвращаясь назад.

— Играет в другой комнате... Подожди, ты, что, действительно думаешь поехать в Найнитал?

— Не думаю, а еду. Нанхи там будет ходить в школу.

— Именно поэтому ты хочешь уехать?

— Нет, не только поэтому... Она смогла бы учиться и здесь.

— Так почему тебе вздумалось покинуть свой дом?

— Свой дом? У кого это свой дом? — невольно переспросила Сушма.

— Как надолго ты туда уезжаешь?

Сушма ничего не ответила.

— Ты долго думала, прежде, чем предпринять все это?

— Долго... Не одно столетие.

— Сколько раз я тебе говорил, что ты не способна серьезно размышлять... Дай-ка сюда, дай-ка мне билет, я верну его завтра, — улыбаясь, сказал Ашок. Он поднял руку, чтобы ласково прикоснуться к лицу Сушмы, но вдруг замер. То лицо, которое он привык обожать и упрекать, исчезло! Лицо, которое было перед ним, было ему незнакомо. Это была не Сушма. Но когда она ушла? Куда ушла? Это — кто-то другой, наводящий на него страх... Но скрытый голос Истории обнадежил его, сказав, что Сушма вернется. Время не легко движется вперед, то и дело оно возвращается назад. Освободиться от истории не просто.

Мадху Бхадури, Дели, 2008

Издание для досуга

Мадху Бхадури

Две сестры, Роман.

Пер. С хинди М. И. Михайлова.

Минск: М. И. Михайлов,

2013. – 176 с.

Ответственный за выпуск М. И. Михайлов

Подписано в печать 20.10.12
Формат 60x841/16. Бумага офисная
Гарнитура Times New Roman Суг.
Печать цифровая
Усл. печ. л. 6,2. Уч.-изд.л. 9,4
Тираж 9 экз. Заказ 8.

Издатель М. И. Михайлов.
ЛИ № 02330 / 0131976 от 7.08.2012.
Ул. Якубовского, 11, 213404, г. Горки, Могилевской обл.

Заказы и отклики на книгу присылайте по
e-mail: mihail@mogilev.by
О других наших проектах читайте на веб-странице:
<http://knigi.hindischool.info>
